

TARTU RIIKLIK ÜLIKOOL

IX

LINGUISTICA

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a, VIHK 437 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

L I N G U I S T I C A

IX

TARTU 1977

Toimetuse kolleegium:

Paul Ariste (esimees), Helgi Iiin, Oleg Mutt, Rita Tasa,
Juhan Tuldava (vastutav toimetaja)

Редакционная коллегия:

Пауль Аристе (председ.), Хельги Лийн, Олег Мутт, Рита Таза,
Юхан Тулдава (отв. редактор)

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 437. ЛИНГВИСТИКА IX. На разных языках. Резюме на
русском и английском языках. Тартуский государственный
университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Пяксоли, 18. Ответст-
венный редактор Ю. Тулдава. Сдано в печать 20/10 1977.
Бумага печатная № I 30x45 1/4. Печатных листов II, 75.
Учетно-издат. листов 10,89. МВ 05485. Тираж 500. Типогра-
фия ТГУ, ЭССР, г. Тарту, ул. Пялсони, 14. Зак. № III5.
Цена I руб. 65 коп.

6 - 2

Keeleteaduslike artiklite kogumiku "Linguistica" üheksandas väljaandes on avaldatud Tartu Riikliku Ülikooli õppejõudude ja külalisautorite tööd. Artiklid käsitlevad peamiselt germaani keelte ajaloo, grammatika ja sõnavara probleeme. Eesti NSV Teaduste Akadeemia akadeemik professor P. Ariste kirjutab viimastest rootslastest Hiiumaal ja nende keelest. Professor G. Stein (Siegen, Saksa FV) käsitleb inglise keele sõnatuletuse probleeme. Dotsent T. Glušak ja L. Tšerkessova (Minsk) ning N. Aljes (Tallinn) uurivad saksa keele genitiivi arengut. Dotsent O. Mutt (Tartu) vaatlleb tänapäeva briti ja ameerika inglise keele variantide "günolektlilisi" jooni. Dots. A. Jõgi (Tartu) annab ülevaate nn. semantiliste väljade teooriast. Dotsent E. Daugats (Liepāja) kirjutab W. Humboldti (1767-1835) nanusest keeleteaduse. TRÜ õppejõudude U. Lehtsalu, G. Liivi, L. Otmaa, I. Mullamaa ja R. Veskimestri ning A. Mirski (Minsk), V. Ristna, H. Tšetševitsky (Tallinn) artiklid on pühendatud inglise, saksa ja rootsi keele sõnavara ja stilistika eriküsimustele. M. Meštšerjakova (Moskva) käsitleb araabia keele asesõnade osatähtsust tekstilingvistika aspektist. Z. Komolova (Leningrad) analüüsib tootenimesid seletavas sõnaraamatus. J. Tulda (Tartu) vaatlleb sõnavara "rikkust" kvantitatiivsest seisukohest (näidete varal eesti tänapäeva ilukirjandusproosast).

В девятый выпуск сборника "Linguistica" включены работы в основном по истории, грамматике и лексикологии германских языков. Отдельные работы относятся к общему языкованию. Авторами статей являются сотрудники Тартуского государственного университета и некоторых других вузов. Академик АН ЭССР профессор П. Аристе пишет в своей статье о последних шведах в Рейни (ЭССР) и об их языке. Профессор Г. Штейн (Зиген, ФРГ) рассматривает проблему деривационных приставок в английском языке. Доцент Т. Глушак и Л. Черкессова (Минск), а также Н. Альес (Таллин) исследуют развитие генитива в немецком языке. Доцент О. Мутт (Тарту) рассматривает "гинелектические" черты британского и американского вариантов английского языка. Доц. А. Яйги (Тарту) дает критический обзор теорий семантических полей с точки зрения применения их в методике преподавания иностранных языков. Доцент Эд. Даугатс (Лиеная) пишет о значении В. Гумбольта (1767-1835) в наши дни. Статьи У. Лехтсалу, Г. Лиива, Л. Отсмаа, И. Мулламаа и Р. Вескимейстер (Тарту), А. Мирского (Минск), В. Ристна, Х. Чечевицки (Таллин) посвящены исследованию различных проблем лексики и стилистики английского, немецкого и шведского языков. К лингвистике текста относится статья М. Мещеряковой (Москва), в которой рассматривается роль местоимений в организации абсаца в арабском тексте. З. Комолова (Ленинград) рассматривает прагматические в толковом словаре. Статья доцента Ю. Тулдава (Тарту) посвящена анализу методов количественной оценки "богатства" словаря и динамики его роста.

Im neunten Heft der Schriftenreihe "Linguistica" werden Aufsätze der Kollegen der Tartuer Staatlichen Universität sowie der anderen Autoren veröffentlicht. Die Arbeiten befassen sich zum größten Teil mit den Problemen der Geschichte, Grammatik und Lexik germanischer Sprachen. Mitglied der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR Prof. P. Ariste schreibt über die letzten Schweden auf der estnischen Insel Hiiumaa und über ihre Sprache. Prof. Dr. G. Stein (Siegen, BRD) behandelt das Problem der "combining-forms" im Englischen. Dozent T. Glushak und L. Tscherkessowa (beide Minsk) und N. Aljes (Tallinn) untersuchen die Entwicklung des deutschen Genitivs. Dozent O. Nutt (Tartu) betrachtet "gynolektische" Züge des britischen und amerikanischen Englischen. Dozent A. Jõgi (Tartu) gibt einen Überblick über die Theorie der sog. semantischen Felder. Dozent E. Daugats (Liepaja) schreibt über den Beitrag von W. v. Humboldt (1767-1835) zur Sprachwissenschaft. Die Arbeiten von U. Lehtsalu, G. Liiv, L. Otsmaa, I. Mullamaa und Veskimelster (Tartu), A. Mirsky (Minsk), V. Ristna und H. Täetševitsky (Tallinn) sind den Spezialproblemen der Lexik und Stilistik der englischen, deutschen und schwedischen Sprache gewidmet. M. Meschtscherjakova (Moskau) behandelt aus der textlinguistischen Sicht die Rolle der Pronomina in der arabischen Sprache. Z. Komolova (Leningrad) analysiert den Status der Handelsnamen im erklärenden Wörterbuch. J. Tuldava (Tartu) betrachtet anhand der Beispiele aus der estnischen Gegenwartsprosa den "Reichtum" des Wortschatzes vom quantitativen Standpunkt aus.

The present ninth issue of "Linguistica" contains papers of the staff of Tartu State University and other authors. The articles deal for the most part with the history, grammar and semantics of the Germanic languages. Professor P. Ariste, member of the Estonian S. S. R. Academy of Sciences, writes about the last Swedes on Hiiumaa Island and their language. In her contribution Professor G. Stein (Siegen, West Germany) suggests several criteria for distinguishing combining-forms from affixes in English. T. Glushak and L. Cherkessova (Minsk) and N. Aljes (Tallinn) trace the development of the genitive in German. O. Nutt (Tartu) examines some "gynolectal" features in present-day English. A. Jõgi (Tartu) provides a survey of the theory of semantic fields. E. Daugats (Liepaja) discusses the contribution of W. Humboldt (1767-1835) to linguistics. The papers of U. Lehtsalu, G. Liiv, L. Otsmaa, I. Mullamaa and R. Veskimelster (all of Tartu State University) and A. Mirsky (Minsk), V. Ristna, H. Chechevitsky (Tallinn) are devoted to various problems of the vocabulary and stylistics of English, German and Swedish. M. Meshtsheryakova (Moscow) deals with the role of pronouns in Arabic from the viewpoint of text linguistics. In her article Z. Komolova (Leningrad) concentrates on trade names in English defining dictionaries. J. Tuldava (Tartu) examines the quantitative characteristics of lexical richness (on the basis of examples from present-day Estonian prose fiction).

VON DEN LETZTEN SCHWEDEN IN REIGI

Paul Ariste

Beinahe bis zum Ende des 18. Jhs. war Nord-Hiumaa (schwedisch Dagö) ein schwedisches Gebiet. Die schwedische Sprache wurde in allen Stranddörfern von Kärđla bis zur Kirche in Reigi (Räike) gesprochen, und auch im Innern der Insel gab es mehrere schwedische Dörfer. Die Schweden waren Freibauern. Sie mußten den Gutsbesitzern nur bestimmte Abgaben in natura oder Geld bezahlen. Die Gutsbesitzer wollten aber die schwedischen Bauern von ihren Stellen vertreiben. Da sie freie Leute waren, konnte man sie nicht einfach irgenwohin verschicken oder verkaufen. Man hielt es daher von seiten der Regierung für die beste Entscheidung der Frage, die Schweden in den ukrainischen Steppen als freie Kolonisten anzusiedeln. Im Jahre 1781 machte sich der Zug von etwa 1000-1200 Schweden auf den Weg. In der Ukraine gründeten sie eine Kolonie, die Gammalsvenskby (russisch Starošveckoje) genannt wurde. Nur ung. 70 Seelen Kirchenbauern wanderten nicht aus. Sie bildeten später das Dorf Rootsiküla (Svänskübi) in Reigi. Die Einwohner des großen Dorfes Kärđla machten die große Auswanderung nicht mit. Da aber später auch die Schweden in Kärđla von den Gutsbesitzern verfolgt wurden, wanderten sie am Anfange des 19. Jhs. nach Vorasi, Noarootsi, Naissar und Haapsalu aus. Nur wenige Familien blieben zurück, die allmählich estonisiert wurden (Ariste, 1938, 278-303).

Ich habe einen kleinen Aufsatz über die letzte Schwedin in Kärđla veröffentlicht (Ariste, 1935, 37-44). In diesem Aufsatz wird beschrieben, wie diese letzte Schwedin Pauline Jöelaht (geb. Bisa) im Jahre 1928 "entdeckt" wurde und was sie über die Mundart in Kärđla mitteilen konnte. Im Jahre 1928 war ich auch in Rootsiküla bei den letzten Schweden in Reigi, dessen Vorfahren nach der großen Auswanderung zurückgeblieben waren. Am 11. Mai kam ich zu der Kirche in Reigi. Die Kirche war am Anfange des 19. Jhs. vor allem auf Kosten der adligen Familie Ungern-Sternberg aufgebaut worden (dieselben Ungern-Sternbergs waren die schlimmsten Unter-

drücker der estnischen und schwedischen Bauern). Auf demselben Hügel, wo die damalige Kirche stand, gab es früher eine Holzkirche. Aus der abgerissenen Holzkirche war ein Heiligenbild, das die Kreuzigung Christi darstellte, in die neue Kirche gebracht worden. Dieses Heiligenbild hatte einen schwedischen Spruch: "O Guds lamb, som bortager werldennes syndar, för barma tig, öfwer op". Darunter stand ein fehlerhafter deutscher Text: "gegeben von den Ghute Lauck der Wohlgebohrner Herr Fändrich A.v. Borning den 16 apl. 1757". Das Vorhandensein des schwedischen Spruchs zeugte davon, daß in der Mitte des 18. Jhs. die schwedische Sprache noch eine wichtige Kirchensprache in Reigi war. An demselben Tage besuchte ich auch das Pfarrhaus, wo ich im Kirchenbuche einige Familiennamen fand, die schwedisch sein konnten, wie z.B. Baekmann, Banner, Berkols, Boa, Börjer, Demus, Ertens, Greis, Grund, Hinders, Linnbek, Löper, Mal-ling, Malw, Nabbi, Pielberg, Plakk, Proos, Prikk, Quarnström, Tebak, Thoren, Ulla. Im Pfarrhause wurde mir gesagt, daß man in Rootsiküla dicht an der Landstraße auf dem Bauerngute Mikaste-Kristi (schwedisch Mikas-Kristjans) noch schwedisch spreche. Ich ging nach Mikaste-Kristi. Hier wohnte die Familie Beekmann (Beckman, Bäckman), die wirklich noch schwedisch sprach. Es waren vier unverheiratete Geschwister: Juhan (Johan) und Andrus (Zwillinge, geb. 15.07.1866), Liisu (Liso; geb. 12.03.1861) und Mare oder Maret (geb. 4.04.1863). Sie hatten noch eine dritte Schwester Anna (geb. 1.06.1871), die sich mit einem Esten verheiratet hatte und in Tallinn wohnte. Juhan und Liisu sprachen gerne mit einem Fremden und vor allem Juhan konnte Verschiedenes aus der Vergangenheit von Schweden in Reigi erzählen. Früher hatten die Geschwister zu Hause nur schwedisch gesprochen. Da aber ihr estnischer Schwager einige Zeit zusammen mit ihnen gelebt hatte, wurde dann auch das Estnische im Hause gebräuchlich. Als kleine Kinder konnten Beekmanns kein Estnisch sprechen. Liisu, das erste Kind, sagte, daß sie erst in der Volksschule Estnisch gelernt hatte. Ihr Estnisch war sogar im Jahre 1928 etwas ungelentk. Die Geschwister waren stolz auf ihr Schwedentum. Juhan sagte sogar, daß äisn ä vargen, d.h. der Este und der Wolf gleich seien. Die Eltern der Geschwister wurden noch im Schwedischen konfirmiert. Ihr

Vater konnte schwedisch lesen und schreiben. Sie selbst hatten aber nie eine schwedische Predigt gehört oder etwas in Schwedisch gelesen. Deshalb konnten sie das Reichsschwedische nur mit Schwierigkeiten verstehen. Später haben auch andere Einwohner von Rootsiküla konstatiert, daß ihre Eltern schwedische Predigten gehört hatten und schwedisch konfirmiert wurden. Sie hatten auch schwedische Bücher gehabt. Kaarel Börjer hatte erst einige Jahre vorher eine ganz zerrissene schwedische Bibel verbrannt, die er nicht lesen konnte, obwohl er die schwedische Mundart von Rootsiküla gut sprach.

Als Beekmanns und die anderen Schweden Kinder waren, wurde in Rootsiküla mehr schwedisch als estnisch gesprochen. Nach Juhans Angaben gab es früher in Rootsiküla 9 schwedische Bauerngesinde und 7 Häuslerfamilien (lösumann), die folgende Familiennamen hatten: Beckman (Bäckman), Börjer, Espenbaum, Greis, Līnbākk, Mīkman, Kvarnstrēm (Quarnström) und Tāren (Thoren, Toren). Im Jahre 1928 fanden sich im Dorfe 18 Gesinde, die solche schwedische Namen hatten: Mikas-Kristjans, Mikas-Mattsas, Mikas-Simas, Olaß-Andres, Tāraß, Klāintāraß, Hindrekas, Kārstaß, Kārstaß-Pēters, Kārstaß-Kālaß(-Kārelß), Dāvakk, Grāva folk, Hlētēraß, Jākābas, Hlāt-Hindrekas, Irjas, Nōdbakk (Nōtbakk) und Nāné oder Nāné-ställe. Die drei Gesinde Mikas wurden Mikas-ēndan 'das Mikasende' und das übrige Dorf Bākbīen 'das Hinterdorf' genannt. In dem vernichteten Dorfe Reigi, das mit dem Herrenhof vereinigt wurde, gab es schwedische Gesinde Buskas, Finn, Rabbas und Harrbo.

Es sei hier gesagt, daß die schwedischen Ortsnamen und Texte, die angeführt werden, nach der Rechtschreibung der schwedischen Sprache aufgezeichnet sind. Es gibt jedoch einige Abweichungen von den Normen der geltenden Orthographie und Orthoepie, um phonologische und phonetische Eigentümlichkeiten der Mundart richtiger wiederzugeben. Diese Abweichungen, die in der phonologischen Transkription der estlandswedischen Texte gebraucht werden, sind schon in "Linguistica" V (1974), S. 6-7, erklärt worden.

Nach Angaben von Juhan und seinen Nachbarn sollten in Rootsiküla noch folgende alte Leute außer Beekmanns das Schwedische sprechen oder wenigstens verstehen können: Kā-

rel (estnisch Kaarel) Börjer (3.05.1862; die Geburtsangaben stammen aus dem Kirchenbuch von Reigi), Kersti Thoren, geb. Börjer (27.01.1857), Grēt (Kreet) Greis (23.05.1874), Grēt (Kreet) Thoren (4.12.1865), Ann Börjer (21.03.1860), Liiso (Liisu) Nabi (13.09.1859), Peter (Peeter) Börjer (13.10.1865) und Johan (Juhan) Greis (3.05.1874). Wie ich später konstatieren konnte, hatte außer den Geschwistern Beekmann eine gute Sprachkenntnis nur Kaarel Börjer. So gab es in Rootsiküla nur 5 Menschen, die ihre schwedische Mundart gut beherrschten. Zu ihnen kann man auch Anna Beekmann rechnen, die damals in Tallinn wohnte.

Auf meine Frage, warum die schwedische Sprache in vielen Familien so unerwartet schnell abgestorben sei, wurde mir geantwortet, daß die estnischen Kinder über die schwedischen Kinder gespottet hätten, als sie schwedisch sprachen. Auch den erwachsenen Esten machte es Spaß, als sie das Schwedische hörten. Es wurde dann gesagt: "Hör mal! Es wird schwedisch gesprochen. Bald wird es regnen." Ann Börjer erzählte weiter, daß nachdem ihre Eltern estnische Knechte und Mädchen in Dienst genommen hatten, wurde den Kindern das Schwedische verboten, damit die Dienstleute nicht denken sollten, daß von ihnen etwas Schlechtes gesagt wurde. Ihre Eltern mußten jedoch schwedisch mit einigen alten Leutensprechen, die das Estnische kaum verstanden. Der Hauptgrund des Schwindens der schwedischen Sprache war die geringe Anzahl der Schweden auf Hiiumaa. Gern oder ungern mußten sich die Schweden mit Esten verehelichen und in den Mischehen wurde das Estnische zur Umgangssprache.

Ich hatte früher die estlandsschwedische Mundart in Noarootsi (Nuckö) gehört, als ich dort Folklore aufzeichnete. Diese Mundart konnte ich anfangs nur mit Mühe verstehen. Die Mundart von Rootsiküla war mir viel faßlicher, da ich mich schon an das Estlandsschwedische gewöhnt hatte. Juhans und Liisus Schwedisch konnte ich im allgemeinen begreifen. Schon am ersten Morgen, als ich zu Beekmanns gekommen war, lud Juhan mich zum Frühstück ein: Klokka jār trī fjärðel tī. Ve ska gå tåa frukåst. Ja ska jåta 'es (= die Uhr) ist drei Viertel zehn. Wir werden gehen (und) einen Imbiß nehmen. Ich werde essen." Liisu fügte hinzu: Johan, han ska jåta sām åin hoggar, drikk sām åin snoggar 'Juhan, er wird essen

wie ein Holzhauer (und) trinken wie ein ungebeter Hochzeitsgast'. Nach dem Essen sagte Liisu: Ja ska gå te angars. Kån jār lakklūa? Lakklūa jār mōt rān 'Ich werde zum Nachbarn gehen. Wo ist die Mütze mit der breiten Krempe? Die Mütze mit der breiten Krempe ist gegen Regen' (Es regnete draußen.) Das konnte ich nicht verstehen. Liisu machte die Tür auf, blickte hinaus und sagte: Kråkana koma flūande 'die Krähen kommen, fliegen heran'. Von Juhan Beekmann habe ich eine Menge einzelne Wörter aufgezeichnet, die teilweise für meine Magisterabhandlung nötig waren (Ariste, 1933). Der größte Teil des damals gesammelten Wortschatzes liegt in einer Kladde. Da aber der schwedische Dialektolog Nils Ti-berg aus Upsala die Rootsikūla Mundart lexikalisch gründlich untersucht hat, finden sich in meinen Aufzeichnungen kaum Wörter, die er nicht gehört hatte. (Seine Sammlungen gehören jetzt dem Schwedischen Mundartenarchiv in Upsala.) Deshalb werden hier nur einige Sätze vorgelegt, die die Mundart sowohl lexikalisch als auch morphologisch und syntaktisch gewissermaßen charakterisieren können:

skāpē tār sālēn opp, berē gā ūt 'das Schiff hebt die Segel, fängt an, auszusegeln (= gehen)';

han satt bātū fast 'er band das Boot an';

skāpē mastē jār skeft 'der Mast des Schiffes ist schief';

lāgg mārkkēna ūt 'stelle die Bojen aus';

han gikk mā stōrt fārt 'er ging in aller Hast, in vollem Schuß';

ve jāra pā reīsande 'wir sind auf einer Reise';

tā kāksana mā, tā tām allar ūt 'nimm die Bootshaken mit, nimm sie alle heraus';

hilana jāra lōusar 'die Ankersteine an Netze sind gelöst';

rāsē luftas 'der Robbentran stinkt';

alla eikjar jār mārarr 'alle Pferde sind Stuten';

bokken kommer, grāt ānt, grāt ānt 'der Ziegenbock kommt; weine nicht, weine nicht' (so sagte man einem weinenden Kinde);

ja hlār mā klobba te 'ich werde dir mit einem Knüttel schlagen';

stiwo full mā damb 'die Stube ist voll Staub';

min pāngspōng jār bārt 'mein Geldbeutel ist verloren gegangen';

skō kárkkar jára alla hóuvar 'Schuhabsätze sind alle hoch';
gār á báne äin lihl kako 'mache dem Kinde einen kleinen
Brotlaib';

ká sprättar tú, ká jáblar tú? 'was schwatzest du, was
plauderst du?';

báne kladrar pá 'das Kind ziert sich immer weiter';

hann snörskar má nása 'er schlürft mit der Nase';

kássa fulla má hái 'der Netzsack ist voll Heu';

ká vísar út hanns bälét? 'wie sieht er (= sein Gesicht)
aus?';

hann jár äin leba mann, hán äit leba sjön 'er ist ein
liederlicher Mann, sie (ist) ein liederliches Frauenzim-
mer';

Peter jár snálder mann, han trasar änt, trásegaltn trásar
'Peter ist ein prächtiger Mann, er pfuschert nicht, der
Pfuscherer pfuschert';

hlíp saksana kvasar, hlíp knívén 'wetze die Schere
scharf, wetze das Messer';

fá markar spíkar 'zwei Pfund Nagel';

támm hlafta da fár 'sie schlachteten heute ein Schaf';

han snokkar alt gorm 'er durchstöbelt alles';

katta norrar 'die Katze schnurrt';

sjö kistar kára änt klä kistar 'Seemannskasten sind keine
Kleidertruhen':

ve gå eve sündé 'wir werden über die Meerenge fahren (=ge-
hen)';

ja gáv störan hlēg 'ich gab einen starken (= großen)
Schlag';

komm fikst, var fikser 'komm flink, sei schnell';

vask ráin pádlena 'wasche die Flaschen rein';

takkana bássas 'die Schafe werden gepaart'.

Von Juhan Beekmann sind auch einige kurze folkloristi-
sche Texte aufgezeichnet worden.

1. Svalo svidrar: hēsté, hēsté, ká ja gār bárt, sann
all kistar á kaster fullar má sē. Vāre, vāre, ká ja kommer
hít, sann alt tómt. Grannas mör vitla pá me än ja stulé
grēn gån nista bárt. Svidra, svidra, skrāks.

Die Schwalbe zwitschert: im Herbst, im Herbst, als ich
weggehe, so sind alle Kisten und Kasten voll Korn. Im Früh-
ling, im Frühling, als ich hierher komme, so ist alles leen.

Die Nachbarmutter zeugte (falsch) von mir, daß ich den grünen Garnknäuel gestohlen habe. Zwitsch, zwitsch, Geplärr.

Der erste Teil dieser Schwalbenstimmendeutung war auch anderswo bei den Schweden Estlands bekannt, z.B. in Risti (Kors) und Noarootsi (Nuckö). Der zweite Teil vom gestohlenen Zwirnknauel ist allgemein bei den Esten (Laugaste, 1931, 46-47; 87; 33-35; 35-42).

2. flonder onder vilt blī koŋg, shlaksn (hlaksn) shlō (hlō) mā stjārtn pā monn. flonderš monn blāi skāivār.

Die Flunder (die Scholle), Wunder, wollte König werden. Der Lachs schlug ihr mit dem Schwanz auf das Maul. Das Maul wurde schief.

Diese Sage ist eine eigenartige Variante der internationalen Ursprungssage darüber, warum das Maul der Flunder (der Butte, der Scholle) schief ist (Loorits, 1926, 91-92).

Das Estnische hat die estlandsschwedischen Mundarten stark beeinflußt. Über diesen Einfluß gibt es eine spezielle Untersuchung (Lagman, 1971). Der estnische Einfluß ist besonders groß auf dem lexikalischen und syntaktischen Felde. In den spärlichen Beispielen, die hier gegeben werden, gibt es Fälle, wo der unbestimmte Artikel nicht benutzt wird, da das Estnische keinen Artikel kennt, z.B. Pēter jār snālder mann 'Peter ist ein prächtiger Mann', anstatt: āin snālder mann, tāmm hlaf̄ta dā fār 'sie schlachteten heute ein Schaf', anstatt: āit fār; ja gāv stōran hlēng 'ich gab einen starken (= großen) Schlag', anstatt: āin hlēng usw.

Im Estlandsschwedischen kann der Infinitiv als Bestimmung zu einem Verbum ohne Infinitivzeichen vorkommen, wie im Estnischen: ve ska gā tāa frūkāst 'wir werden gehen und einen Imbiß nehmen', estnisch: lāheme hommikueinet vōtma. Im Reichsschwedischen sagt man aber: vi skall gā fōr att frukostera, ta(ga) frukost.

Da das Estnische kein Futurum kennt, so wird auch im Dagöschwedischen oft das Präsens anstatt des Futurums gebraucht, wie z.B. ve gā eve sūndō 'wir werden über die Meerenge fahren (= gehen)'.

L I T E R A T U R

- Ariste, P. Eesti-rootsi laensõnad eesti keeles. - Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis) B XXIX. 3. Tartu, 1933.
- Ariste, P. Smärre estlandssvenska bidrag. - Svio-Estonica, Tartu, 1935.
- Ariste, P. Die Schweden auf Hiiumaa nach der grossen Auswanderung. - Opetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1937, I. Tartu, 1938.
- Lagman, H. Svensk-estnisk språkkontakt. Studier över estniskans infytande på de estlandssvenska dialekterna. - Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Scandinavian Philology. New Series 9. Stockholm 1971.
- Laugaste (Treu), E. Die estnischen Vogelstimmendeutungen. - FF Communications 97. Helsinki 1931.
- Loorits, O. Livische Märchen- und Sagenvarianten. - FF Communications 66. Helsinki 1926.

ПОСЛЕДНИЕ ШВЕДЫ В РЕЙГИ

П. Аристе

Р е з ю м е

В северной части о. Хийумаа жили шведы. Большая часть из них в 1781 г. переселилась на Украину, где они образовали колонию Старошведское. Жители только одной деревни остались в Рейги, которые постепенно обэстонизировались. К 1928 г. в Рейги осталось только 5 человек, которые свободно говорили на своем диалекте. От них записаны разные языковые данные, из которых часть приведена в предыдущей статье.

DIE FORMALEN MERKMALE DES DEUTSCHEN GENITIVS
IN DIACHRONISCHER SICHT

Neeme Aljes

Der deutsche Gen. Sg. spielt im gegenwärtigen System der deutschen substantivischen Kasus eine besondere Rolle. In formaler Hinsicht ist der Gen. Sg. der einzige Kasus, der noch deutlich markierte Kasusendungen aufweist. Die inhaltliche Leistung des Genitivs ist derart mannigfaltig, daß "eine Gesamtbedeutung für den Genitiv sich schwer finden läßt, da sein Anwendungsbereich sehr groß ist" (Kleines Wörterbuch, 1975, 917). Seit jeher hat der deutsche Genitiv die Aufmerksamkeit der Sprachhistoriker auf sich gelenkt. "Der Genitiv ist der deutsche Kasus, in dessen Bereich wir in geschichtlicher Zeit recht bedeutende Veränderungen feststellen können." (Schmidt, 1967, 146.) Unter diesen Veränderungen versteht man gewöhnlich die Umstrukturierung im Funktionsbereich dieses Kasus. Diese Veränderungen führten zur Auffassung, daß der Genitiv im Deutschen ein sterbender Kasus sei. Die These vom "Untergang des Genitivs" wurde vom Otto Behaghel aufgestellt (Behaghel, 1923, 58). Diese Auffassung findet auch in der unmittelbaren Gegenwart ihre Vertreter. In der kleinen Enzyklopädie "Die deutsche Sprache" steht es: "In der deutschen Gegenwartssprache kann man als allgemeine Tendenz beobachten, daß ein früher sehr verbreiteter Kasus, nämlich der Genitiv, heute sehr gefährdet ist und dafür präpositionale Fügungen im Vordringen sind. Der Genitiv ist also nicht nur flexivisch durch Einbuße seiner Endung /-(e)s/ bedroht, sondern er ist ganz allgemein als Kasus im Rückgang begriffen" (Kleine Enzyklopädie, 1969, 274). Solche Auffassung gilt vor allem für den Genitiv als Objektskasus. Noch in der mittelhochdeutschen Zeit spielte der Genitiv als Objektskasus im Bereiche des Verbs eine wichtige Rolle und konkurrierte dabei oft mit dem Akkusativ. Verben, die ursprünglich nur ein Genitivobjekt bei sich hatten, sind z.B. bekommen, flehen, folgen, schauen, empfinden, schonen, hüten, pflegen, warten. Stark zurückgegangen ist in der Gegenwartssprache auch der Gebrauch des Genitivs

als Umstandsbestimmung. Dasselbe gilt auch für die Verwendung des Genitivs im sogenannten prädikativen Attribut, im Prädikativum und im Subjekt (Rössler, 1970, 74). Auch die formalen Merkmale des Genitivs sind in der deutschen Sprache der Gegenwart stark gefährdet. Diese Tendenz ist besonders im letzten Jahrhundert zu beobachten. Der Prozeß hat bestimmt schon in früherer Zeit begonnen. Es kann nicht nur in vielen Fällen das tonschwache /e/ ausfallen (des Tags, Monats, Schuhs, Wassers, Walds), also eine Reduzierung der vollen Endung eintreten, sondern es kann auch vielfach die ganze Endung fehlen. J.W. Goethe nannte 1774 seinen Roman noch "Die Leiden des jungen Werthers", heute bildet man Fügungen wie "die Streiche des kleinen Peter", "im Zeitalter des Barock" (Kleine Enzyklopädie 1969, 267).

Trotz dieser Einbußen ist es aber doch zu früh vom Untergang dieses Kasus zu sprechen. Im Gegenteil! In seiner Grundfunktion und zwar in der Funktion des Attributs verbreitet sich der heutige Genitiv. Der adnominale Genitiv ist aufs engste mit der sich immer mehr verbreitenden Stilkrankheit "Substantivitis" verbunden. Wilhelm Schmidt betont mit Recht: "In dem Untergang des Objektsgenitivs und in der Auswirkung des Attributsgenitivs beobachten wir eine Umstrukturierung im Funktionsbereich dieses Kasus (Schmidt, 1967, 143).

Die Problematik der Umstrukturierung des deutschen Genitive wird in der Fachliteratur eingehend behandelt (vgl. W. Admoni, H. Brinkmann, R. Rössler, W. Schmidt u.a.).

Uns interessieren im folgenden die formalen Merkmale dieses Kasus, die gewiß ihre Rolle dabei gespielt haben, daß der heutige Genitiv Sg. eine Sonderrolle im System der deutschen Kasus zu erfüllen hat.

Die besondere Rolle des Genitivs kann noch durch die Systematisierung der deutschen Substantivdeklinationsanschaulicht werden. Bei der Unterscheidung der Deklinationstypen fungiert die Endung des Genitivs Sg. als das wichtigste Kriterium. Das gilt sowohl für die traditionelle Auffassung als auch für die neuen Vorschläge. Als Beispiel für die sogenannte traditionelle Auffassung soll das Lehr- und Übungsbuch "Die deutsche Sprache" (6. Auflage, Leipzig 1957) dienen. Dort führt man zur Unterscheidung der einzel-

nen Deklinationstypen folgendes Kriterium an. Die starke Deklination der Maskulina hat im Singular die Genitivendung /s/ oder /-es/ (Die deutsche Sprache, 1957, 117). Zur analogischen Auffassung gelangt auch Arssenjewa (ihre Definition sollte die in der Sowjetunion übliche Schulgrammatik vertreten): "Das Kennzeichen der starken Deklination ist die Endung /-(e)s/ im Genitiv" (Арсеньева, 1962, 31) oder "Einige Maskulina auf -e weisen in ihrer Deklination Merkmale der starken und der schwachen Deklination auf. Sie haben im Genitiv die Endung /-ns/" (ebenda).

Walter Jung betrachtet den Gen. Sg. als einen sog. Kennfall. "Wenn man von starker, schwacher und gemischter Deklination spricht, geht man von kennzeichnenden Endungen aus. Man unterscheidet zwei Kennfälle, und zwar den Genitiv des Singulars und den Nominativ des Plurals.

- a) Kennzeichen der starken Deklination ist:
im Genitiv die Endung /-es/ oder /s/, im Nominativ Plural die Endung /e/ oder /er/ oder keine besondere Flexionsendung.
- b) Kennzeichen der schwachen Deklination ist im Genitiv Singular die Endung /-n/ oder /-en/ oder (bei der Feminina) keine Endung. Im Nominativ Plural die Endung /-n/ oder /-en/.
- c) Kennzeichen der gemischten Deklination ist:
Im Genitiv singular die Endung /-s/ oder /-es/ also starker Singular ... (Jung, 1971, 285).

Hervorzuheben ist, daß in den neueren Versuchen zur Systematisierung der deutschen Substantivdeklination ausschließlich der Gen. Sg. zugrunde liegt. Der dänische Forscher P. Jørgensen legt der Klassifikation der substantivischen Deklinationstypen die Endung im Gen. Sg. zugrunde. Er kommt auf diese Weise zu fünf Haupttypen (nach Admoni, 1972, 108):

1. /(e)s/
2. /(e)n/
3. /ns/
4. /ens/
5. Nullendung (Feminina)

So besitzt der gegenwärtige Gen. Sg. die reichste For-

menwelt unter allen Kasus der deutschen Substantivdeklinat-ion.

Uns interessiert im folgenden der historische Entwick-lungsweg dieser Formenwelt. Als Vertreter der althochdeut-schen (ahd.) Sprachperiode fungiert in folgenden Betracht-ungen der fränkische Dialekt.

Nach den Angaben von L.R. Zinder und T.W. Strojewa (Зиндер, Строева, 1968, 64) besaß das Ahd. 43 Flexionsmor-pheme für die Bildung substantivischer Kasus. Bei der Bil-dung des Genitivs Sg. fungierten dabei 14, d.h. 32,6 % von allen Flexionsmorphemen dieser Zeit. Im Mittelhochdeutschen wächst der Anteil des Genitivs. Zu dieser Zeit sind bei der Bildung des Genitivs beteiligt 5 Flexionsmorpheme aus 9, d.h. 55,6 %. In der gegenwärtigen Sprache beteiligen sich an der Bildung des Genitivs 4 Flexionsmorpheme aus 6, d.h. 66,7 % (vgl. Зиндер, Строева, 1968, 214).

Natürlich kann man über die "Grenzen" einzelner Flexionsmorpheme streiten. Verschiedene Autoren vertreten eben verschiedene Standpunkte. Die allgemeine Tendenz dürf-te aber trotz alledem deutlich hervortreten. Die Zahl der verschiedenen Flexionsmorpheme wird immer kleiner. Der An-teil des Genitivs nimmt aber zu.

Die Unifizierung bei der Bereicherung grammatischer Kategorien mit Hilfe einzelner Flexionsmorpheme vollzieht sich in der ahd. Zeit folgenderweise. Die 14 Flexionsmor-pheme, die den Gen. Sg. in der Substantivdeklinat-ion be-zeichnen, zerfallen nach der Zahl der auszuführenden gramma-tischen Funktionen in folgende Gruppen:

2 grammatische Funktionen bezeichnen	2 Morpheme
3 " " "	2 "
6 " " "	1 "
7 " " "	2 "
9 " " "	3 "
10 " " "	1 "
13 " " "	1 "
14 " " "	1 "
18 " " "	1 "

Die beginnende Unifizierung im Bereiche der Kasusbe-zeichnung weist folgende Besonderheiten auf.

Nur im Gen. Sg. fungieren zwei Flexionsmorpheme /-es/,

/-wes/, d.h. 14,3 % der Flexionsmorpheme, die den damaligen Genitiv bezeichnen.

Zwei Flexionsmorpheme können drei verschiedene Kasus bezeichnen. Der Gen. Sg. ist mit dem Nom. Sg. und dem Akk. Sg. homonymisch. Dabei ist hervorzuheben, daß eine solche Unifizierung nur bei Feminina möglich ist. Es handelt sich um die ersten Anzeichen der zukünftigen Einheitsdeklinations bei der Feminina.

Zwei Flexionsmorpheme, die den Gen. Sg. bezeichnen, können noch vier weitere Kasus markieren. Es handelt sich hier sozusagen um zwei Modelle der homonymischen Beziehungen des Gen. Sg. Im ersten Modell fällt der Gen. Sg. mit dem Nom. Sg., Dat. Sg., Akk. Sg. und Instr. Sg. zusammen. Es handelt sich bei diesem Modell um das Flexionsmorphem /-u/. Hervorzuheben ist, daß die Verwendungssphäre dieses Flexionsmorpheme sich nur auf den Singular bezieht. Man könnte hier von den ersten Anzeichen der Gegenüberstellung des Singulars dem Plural sprechen.

Das heutige universelle Flexionsmorphem /-en/ ist ebenso schon in der ahd. Zeit belegt. In dem damaligen Deklinationssystem konnte dieses Morphem 5 Kasus markieren. Neben dem Gen. Sg. fungiert es noch im Dat. Sg., Instr. Sg., Dat. Plur. Instr. Plur. Das Flexionsmorphem verkündet die ersten Anzeichen seines universellen Charakters in der Zukunft. Bei diesem Flexionsmorphem können wir von keinem "Spezialgebiet" sprechen. Es fungiert in 5 verschiedenen Kasus, kann sowohl den Singular als auch den Plural bezeichnen. Auch hinsichtlich des grammatischen Genus gibt es keine Differenzierung. Das Flexionsmorphem fungiert bei allen drei Geschlechtern. Zwei Flexionsmorpheme konnten 6 verschiedene Kasus markieren.

Der Genitiv Sg. kann homonymisch sein:

- 1) mit dem Dat. Sg., Akk. Sg., Instr. Sg., Nom. Plur., Akk. Plur. oder,
- 2) mit dem Nom. Sg., Dat. Sg., Akk. Sg., Nom. Plur., Akk. Plur. Hervorzuheben ist, daß das Flexionsmorphem /-un/ sich nur auf das Femininum beschränkt. Das Flexionsmorphem /-e/ weist keine Spuren der Unifizierung auf.

5 Flexionsmorpheme aus 14 oder 35,7 % aller Flexionsmorpheme beim Kasus Genitiv waren imstande 7 verschiedene

Kasus zu bezeichnen. Hervorzuheben ist, daß zwei von ihnen nur bei Feminina fungierten. Ein Flexionsmorphem /-o/ bezeichnet gleichzeitig 8 verschiedene Kasus.

Bei der grammatischen Kategorie des Kasus ist hervorzuheben, daß schon damals das Flexionsmorphem /-es/ nicht nur vorhanden war, sondern auch sich ausschließlich auf den Kasus Genitiv Sg. beschränkte. (Das von T.W. Strojewa und L.R. Zinder angeführte Flexionsmorphem /-wes/ könnte als eine Variante des Grundmorphems betrachtet werden.)

Die Unifizierung hinsichtlich der grammatischen Kategorie des Geschlechts weist folgende charakteristische Merkmale auf:

1) 5 Flexionsmorpheme, d.h. 35,7 % beschränken sich ihrer Anwendung nach nur auf das Femininum;

2) 2 Flexionsmorpheme "verbinden" sozusagen das Maskulinum und das Neutrum;

3) 7 Flexionsmorpheme oder 50 % aller Flexionsmorpheme des Kasus Genitiv sind vom Standpunkt des grammatischen Geschlechts aus noch indifferent.

Besonders hervorzuheben ist die sich anbahnende Unifizierung der weiblichen Deklination. Die Anzeichen des Zusammenfalls der Deklination bei Maskulina und Neutra sind ebenfalls vorhanden.

Die Unifizierung der Flexionsmorpheme hinsichtlich des grammatischen Numerus vollzieht sich bedeutend langsamer. Nur 5 Flexionsmorpheme aus 14 oder 35,7 % kommen ausschließlich im Singular vor. 9 Morpheme oder 64,3 % sind vom Standpunkt des Numerus aus noch indifferent.

In der mittelhochdeutschen (mhd.) Zeit ist die Zahl der Flexionsmorpheme auf 9 niedergesunken (Зиндер, Строева, 1968, 157), mit den fakultativen Varianten zusammen sind es 11. Unter dem Fachausdruck "Mittelhochdeutsch" verstehen wir das Deutsch in dem Zeitraum von etwa 1050 bis 1350. Wir gebrauchen hier die herkömmliche Bezeichnung "Mittelhochdeutsch" wegen ihrer Verbreitung in der Fachliteratur.

Aus der Gesamtzahl der Flexionsmorpheme der Substantivdeklination fungieren im Gen. Sg. 5, d.h. 55,6 %. Der Anteil des Genitivs im Vergleich zum Ahd. (32,6 %) ist gestiegen. Die Zahl der auszuübenden grammatischen Funktionen ist gleichfalls gestiegen:

Eine einzige grammatische Funktion übt	1	Morphem aus		
2 grammatische Funktionen	"	1	"	"
14 Funktionen	"	1	"	"
18 Funktionen	"	1	"	"
20 Funktionen	"	1	"	"

Die Unifizierung hinsichtlich des Kasus weist folgende Züge auf:

1) Zwei Flexionsmorpheme bezeichnen nur den Gen. Sg., d.h. ihre grammatische Funktion ist eindeutig determiniert worden. Es handelt sich um die aus dem Ahd. geerbten eindeutigen Zeichen des Genitivs /-es/ und /-wes/.

2) Bei allen übrigen Flexionsmorphemen, die im Genitiv Sg. zu dieser Zeit fungieren, ist es schwer von der Unifizierung zu sprechen. Sie bezeichnen gleichzeitig 7 verschiedene Kasus. Hervorzuheben ist, daß unter den mehrdeutigen auch das Flexionsmorphem /-en/ fungiert.

3) Zu der Unifizierung beim grammatischen Geschlecht und beim Numerus ist wenig zu sagen. Es gibt zwei Flexionsmorpheme, die sich auf bestimmte Genera beschränken. Das sind die uns bekannten Flexionsmorpheme /-wes/ und /-es/. Dieselben Morpheme beschränken sich auf die Bezeichnung des Singulars. Alle übrigen damaligen Flexionsmorpheme sind von diesem Standpunkt aus indifferent.

Die Homonymie der Flexionsmorpheme hat sich verbreitet. Einen krassen Gegensatz bilden die stabilen Flexionsmorpheme /-es/ und /-wes/. Die beschränken sich ausschließlich auf den Gen. Sg.

Nach T.W. Strojewa und L.R. Zinder fungieren in der neuhochdeutschen (nhd.) Substantivdeklinaton insgesamt 6 Flexionsmorpheme. Im Gen. Sg. können 4, d.h. 66,7 % vorkommen. Ein besonderes Problem wirft natürlich die morphologische Gliederung des Wortes auf. T.W. Strojewa und L.R. Zinder sehen beim Genitiv vier Flexionsmorpheme: /(e)n/, /-s/, /-es/, Nullmorphem; der dänische Forscher P.Jørgensen aber fünf. Dabei werden /-s/ und /(e)s/ nicht unterschieden. Nach ihm sieht der gegenwärtige Stand der Flexionsmorpheme im Genitiv folgenderweise aus (vgl. Зиндер, Строева, 1968, 108):

1. /-(e)s/
2. /-(e)n/
3. /ns/
4. /ens/
5. Nullendung

Gerhard Helbig und Joachim Buscha (1972, 251) geben in ihrem für die Ausländer vorgesehenen Handbuch zum Genitiv folgenden Formenbestand:

1. /-(e)s/
2. /-n/
3. /-er/ (offensichtlich für die Substantivgruppe,
nicht für das Substantiv)
4. Nullendung

Hinzu kommt noch das heißdiskutierte Problem des Nullmorphems (Fleischer, 1969, 39). Solche unstrittenen Probleme dürften kaum die allgemeine Tendenz verdunkeln. Die Zahl der substantivischen Flexionsmorpheme ist zusammengeschmolzen. Der Anteil des Genitivs bei der Anwendung dieser Morpheme ist beträchtlich gestiegen. Die Genitivendung /-s/ hat unversehrt sowohl ihre Form als auch ihre Grundleistung bewahrt. Obwohl man in den Fachkreisen von der Gefährdung dieser Endung spricht, muß man dabei doch zugeben, daß in bestimmten Fällen sogar das Vordringen des Genitiv /-s/ festgestellt werden kann. Es handelt sich um die femininen Personenbezeichnungen. Man sagt nach dem Vorbild der Maskulina: Mutters Brille und Annas Buch, obwohl die Feminina im Genitiv überhaupt kein /s/ haben dürfen. Die Bestrebung, dem Genitiv deutlich zu bezeichnen, hat Oberhand gewonnen.

Wir können auch sagen, daß die im Genitiv fungierenden Flexionsmorpheme schon in den älteren sprachlichen Denkmälern belegt sind, daß sie ihre lautliche Gestalt und die Grundfunktion bewahrt haben. Nur die verkürzte Form der traditionellen Genitivendung /-(e)s/, d.h. /-s/ fällt mit dem Pluralsuffix /s/ zusammen.

Das Flexionsmorphem /-es/ hatte in der ahd. Zeit zwei grammatische Funktionen. Es bezeichnete den Sg. Gen. bei Maskulina und den Gen. Sg. bei Neutra. Von den 3 substantivischen grammatischen Kategorien haben sich 2 unifiziert. /-es/ bezieht sich nur auf den Genitiv im Singular. Dieses Flexionsmorphem kann nur bei Maskulina und Neutra vorkommen. In der ahd. Zeit zeigen diese Endung:

a) die reinen a-Stämme. Die ahd. a-Deklination enthält nur Maskulina und Neutra;

b) die ehemaligen es/os-Stämme.

Nach Schwinden des Themas im Singular sind die Wörter zu den a-Stämmen übergegangen.

c) ja-Stämme.

Die Genitivform ist der der reinen a-Stämme identisch.

d) wa-Stämme.

e) die Maskulina der i-Deklination. Im Ahd. haben die maskulinischen i-Stämme im Singular völlig die a-Deklination angenommen.

f) die Maskulina der u-Deklination. Im 9. Jahrhundert bilden sie ihre Kasus nach der i-Deklination.

g) das Neutrum der y-Deklination. Die Genitivform hat sich der a-Deklination angeglichen. Sie wird nach "wort" gebildet.

h) die Verwandtschaftsnamen.

Der Genitiv weist noch parallele Formen auf.

i) Stämme auf -nt (Partizipialstämme).

Die Flexion weist im Genitiv die Form mit der Endung /-es/ auf.

j) Wurzelnomina.

Sie weisen im Gen. Sg. die Endung /-es/ auf (vgl. Braune, 1955, 197).

Schon zu dieser Zeit ist /es/ zum universellen Flexionsmorphem der vokalischen Stämme bei Maskulina und Neutra geworden.

Im Mittelhochdeutschen sind die Funktionen dieses Flexionsmorphems stabil geblieben. Es bezeichnet immer noch den Genitiv bei starken Maskulina und Neutra. "Der Wortschatz der starken Maskulina setzt sich aus alten a-; ja-; wa-; i- und u-Stämmen, den Verwandtschaftsnamen auf -ter, Wurzelnomina und Eigennamen zusammen" (Mettke, 1970, 142). Der Wortschatz der starken Neutra setzt sich ebenso wie es bei Maskulina der Fall ist, aus alten a-, ja- und wa-Stämmen zusammen.

Im heutigen Deutschen dient /(e)s/ zur Bildung des Genitivs bei Maskulina und Neutra; das /e/ ist im Schwinden begriffen (vgl. Jung, 1971, 288).

Oft läßt sich noch nicht eindeutig sagen, welche Form zu setzen ist. Es ist auch eine neue Art der Homonymie entstanden. Das Flexionsmorphem /s/ fungiert als Pluralsuffix.

Die anderen heutigen Genitivendungen /(e)n/ und das Nullmorphem haben universellen Charakter, markieren den Genitiv nicht eindeutig und werden deshalb nicht eingehend beschrieben.

Es bedarf einer näheren Untersuchung, wodurch die Stabilität des Flexionsmorphems /es/ zu erklären ist, welche inhaltliche Leistung diesem Phänomen zugrunde liegt.

ПАДЕЖНЫЕ ОКОНЧАНИЯ НЕМЕЦКОГО РОДИТЕЛЬНОГО В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Н. Альес

Р е з ю м е

Изучение истории грамматического строя не представляет собой самоцели. Такое изучение должно показать, как постепенная эволюция языка привела в конечном счете к его современному состоянию.

Цель этой работы - показать способы выражения родительного падежа в ходе исторического развития. Особое внимание уделено словоизменительной морфеме /-es/. Развитие этой морфемы исследуется от древнейших исторических памятников до наших дней.

L I T E R A T U R

Behagel, O. Deutsche Syntax. Bd. 1 - 4. Heidelberg, 1923
- 32.

Braune, W. Althochdeutsche Grammatik. Halle, 1955.

Die deutsche Sprache. 6. Auflage. Leipzig, 1957.

Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache.
Leipzig, 1969.

Helbig, G. Buscha, J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch
für den Ausländerunterricht. Leipzig, 1972.

Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1971.

Kleine Enzyklopädie. Die deutsche Sprache. Erster Band.
Leipzig, 1969.

Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini. Leip-
zig, 1975.

Mettke, H. Mittelhochdeutsche Grammatik. Leipzig, 1970.

Rössler, R. Zum Genitiv in der deutschen Sprache der Ge-
genwart. In: Sprachpflege, 1970, 4.

Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin,
1967.

Sommer, F. Vergleichende Syntax der Schulsprachen. Leip-
zig, 1925.

Адмони В. Г. Строй современного немецкого языка. Ленинград,
1972.

Арсеньева М. Г. Грамматика немецкого языка. Москва, 1962.

Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая морфология немец-
кого языка. Ленинград, 1968.

WAS WILHELM VON HUMBOLDT UNS HEUTE BEDEUTEN KANN

Eduard Daugats

Bis in unsere Zeit hinein gilt Wilhelm von Humboldt als ein großer Sprachwissenschaftler und hervorragender Denker. Sein Ruhm und seine Größe blieben unangetastet, wenn auch gelegentlich Einwände gegen einige seiner Auffassungen erhoben wurden, so sei z.B. sein Begriff der inneren Sprachform und der damit verbundenen "Weltansicht" der Sprachen für die empirische Sprachforschung belanglos und deshalb auch unfruchtbar (Luther, 1970, 321). Das vorige Jahrhundert sah in Humboldt einen großen Sprachphilosophen, der die verschiedenartigsten Sprachen eingehend studiert hatte und auf dieser Grundlage die Frage nach dem Wesen der Sprache zu beantworten suchte. Seine Kernbegriffe "Weltansicht", "innere Sprachform" und die Unterscheidung zwischen der Sprache als "Ergon" und "Energeia" wurden mehrfach interpretiert und im allgemeinen zustimmend angenommen. Andererseits aber galt sein Beitrag für die praktische empirische Sprachwissenschaft als gering (Arens, 1959, 181 ff.; Delbrück, 1908, 41-45).

Der geringe Einfluß, den Humboldt auf die Sprachwissenschaft des 19. Jh's ausgeübt hat, ist zum Teil auf seine schwerverständliche Denk- und Darstellungsweise zurückzuführen. Fast alle seine Interpreten und Biographen beklagen Humboldts Stil, die Unklarheit seines Ausdrucks. "Man sieht, es fehlt dem Verfasser an jeder didaktischen Routine, es ist ihm ungewohnt auf ein lernbegieriges Publicum Rücksicht zu nehmen; er schreibt wie er studiert und er studiert mit völlig unreflektiertem, rein sachlichem Interesse" (Haym, 1856, 485). "Humboldt denkt klar und deutlich; aber seine Gedanken finden schwer die Einkleidung in Worte" (Steinthal, 1884, 27). Doch uns scheint der wahre Grund dieser so oft beklagten Unzulänglichkeit seiner Ausdrucksweise wo anders zu liegen. Beim Lesen des Humboldtschen Schrifttums sollte man sich stets vor den Augen behalten, daß es sich hier um einen Großen handelt, "denn er verband mit umfassender und tiefer Sprachkenntnis ein hohes Sprachdenken, die sich bei-

de in ihm so unauflöslich durchdrangen, daß zum erstenmal die Grenze zwischen Sprachwissenschaft und Sprachphilosophie aufgehoben war, die aus menschlicher Unzulänglichkeit durch die Jahrhunderte bestanden hatte und nach ihm - vielleicht noch schärfer als zuvor - sich fortsetzte" (Arens, 1955, 149). Es sei auch hier an ein Wort J. Stenzels erinnert: "... aus der Interpretation weniger Zeilen (des Humboldtschen Schrifttums, E.D.) das Ganze sich aufbauend darstellen läßt", weil Humboldt stets "das Allgemeine in Einem zur Anschauung bringt" (Stenzel, 1921, 256).

Der mangelnde Einfluß, den Humboldt auf die Sprachwissenschaft des 19. Jh's ausgeübt hat, ist nur zu einem kleinen Teil auf seine schwerverständliche Denk- und Darstellungsweise zurückzuführen. Hauptsächlich aber waren es zwei Gründe, die der Weiterführung der Sprachwissenschaft im Sinne Humboldts im Wege standen: Erstens: die neue Wissenschaft von der Sprache, die von dem Ausgangspunkt Fr. Schlegel aus gesehen, trat mit dem zweiten Schritt in auseinandergelenden Richtungen, in zwei Linien: in Humboldts ständiger Wesens- und Zielbesinnung und in der immer ausschließlicher dem reinen Sprachmaterial sich zuwendenden Sprachforschung Bopps. Mit dem dritten Schritt (etwa nach Humboldts Tod) entfernen sich beide Linien schon so weit voneinander, daß die Vereinigung beider - der rein ~~denk-~~ ~~isch-erkennenden~~ und der rein entdeckenden Bemühung - erst im unseren Jahrhundert möglich erscheint. Bopp hatte den Ehrgeiz, es der Anatomie, der Physik usw. gleichzutun, er wollte die Sprachwissenschaft als Naturwissenschaft konstituieren. "Das Gesetz seiner Zeit ist stärker als er. Fr. Schlegel hatte die vergleichende Anatomie nur als Beispiel zitiert, ebenso Grimm nur die Neuartigkeit der Ergebnisse verglichen, aber Bopp betreibt Anatomie. Alles was einmal den Schlegels, Humboldt und Grimm als organisches Wachstum erschienen war, wird als Zusammensetzung gedeutet oder erwiesen ... Die neue Wissenschaft muß, um sich als solche zu legitimieren, wenn sie schon nicht experimentieren kann, Gesetze finden, Beweise liefern" (Arens, 1955, 178).

Der weitere Entwicklungsweg der Sprachwissenschaft führt sie auf ganz andere Bahnen, die mit der Humboldtschen Konzeption nur wenig gemeinsames haben. Man sollte hier vor allem A. Schleicher (1821 - 1868) nennen, in dessen gei-

stiger Entwicklung "zeichnet sich eine der entscheidenden Wendungen der Sprachwissenschaft des 19. Jh's ab, ja in Schleichers persönlicher Entwicklung wird die Veränderung des gesamten geistigen Klimas dieser Zeit fühlbar" (Beneš, 1958, 83).

Schleicher übernimmt zwar Humboldts Erkenntnisse, aber ohne deren philosophische Voraussetzungen; er setzt Humboldt'sche Ideen in die Praxis um, aber in einer Art und Weise, daß deren ursprüngliche Bedeutung oft geradezu in ihr Gegenteil umschlägt" (Beneš, 1958, 96). Er übernimmt von Humboldts Konzeption ausschließlich deren linguistische, empirische Hälfte. Er behält die Vorstellung der inneren Form der Sprache als eines organischen Systems bei, aber er übersetzt Humboldts idealistisches System in eine darwinistische Aszendenzreihe. So kommt es, daß dann ohne weiteres nach dieser Übersetzung der typologischen Verschiedenheiten (der isolierenden, agglutinierenden und flektierenden Sprachen) in eine Entwicklungsreihe die Gleichsetzung der Sprachgeschichte mit dem damals so aktuellen Evolutionsschema möglich wird. Als ein weiteres Beispiel wollen wir den Mann nennen, der sich unumwunden zu Humboldt bekannt hatte, aber nicht ganz unschuldig daran war, daß Humboldt in den Ruf der Unverständlichkeit und Unbrauchbarkeit geriet" (Beneš, 1958, 103). Dieser Mann war H. Steinthal. Steinthals allgemeine Tendenz geht dahin, Humboldts Sprachphilosophie auf das Gebiet der Psychologie hinüberzuspielen. Er opfert Humboldts empirische Erkenntnisse und setzt dafür dessen **aprioristische Vorurteile** fort. Er übernimmt gleichsam von aussen Humboldts Kategorienschema und Werturteile, aber auch er gibt ihnen andere philosophische Grundlage. An die Stelle des "Geistes der Nationen" setzt er abendländische Psychologie und Logik. Seine "psychologische" Auffassung der Sprache ist nicht weniger positivistisch-materialistisch als Schleichers "Sprachorganismus", was sich darin zeigt, daß auch Steinthal schließlich im Vergleich der Sprachtypen in eine darwinistische Aszendenzreihe mündet und den hinterindischen Sprachtypus mit den Zoophiten gleichsetzt (Beneš, 1958, 109). Steinthal haben wir zu verdanken schließlich, daß nach seinem "Bemühen um Humboldts Erbe" die empirische Sprachwissenschaft von der Konzeption Humboldts nichts mehr wissen wollte und Delbrück zählt die Idee der "inneren

Sprachform, der Weltansicht der Sprachen als Ausdruck des Geistes der Nation" zu denjenigen Gedanken Humboldts, die keine Bedeutung für die Wissenschaft mehr hätten (Delbrück, 1908, 55). Man hätte auch sagen können, daß mit der Überführung der Sprachwissenschaft aus Humboldts neuplatonischer Geistigkeit in die Beschränktheit von Steinthals Psychologie die allgemeine vergleichende Sprachwissenschaft im Grunde einen Rückfall erleidet in die philosophische Grammatik früherer Jahrhunderte.

Die von Bopp ausgehende, über Schleicher und Steinthal weitergehende Entwicklungstendenz verband die Sprachwissenschaft auf längere Zeit mit den Naturwissenschaften, nur daß, der allgemeinen Entwicklung im 19. und Anfang 20. Jh's folgend, an die Stelle von Schleichers Botanik und Zoologie die mechanische Physik trat. In den theoretischen Abhandlungen der Junggrammatiker erscheint dann überall dort, wo Schleicher von "Organismus" gesprochen hatte, der Ausdruck "Mechanismus". Die einseitige Konzentration auf das lautlich Materielle der Sprache, das völlige Eliminieren des semantischen Gehaltes, der Verzicht auf die Deutung der inneren, der geistigen Seite der Sprache wird von den Junggrammatikern übernommen und weitergeführt. Daß dieser Weg für die Sprachwissenschaft die Gefahr der Sterilität in sich barg, wurde auf die Dauer empfunden und man versuchte auf verschiedenen Wegen durch die Beziehung von Psychologie oder Soziologie oder durch das Programm "Wörter und Sachen" dieser Gefahr aus dem Wege zu gehen. Aber das Bewußtsein von der Einheit von Mensch und Sprache, von Geist und Sprache, das der Idealismus besessen hatte, war nun einmal zerstört, und die später geforderte Beziehung von verschiedenen Hilfswissenschaften war ein rein äußerlicher Versuch eines Auswegs. Die Sprache erscheint ihres geistigen Charakters völlig beraubt, sie ist zu einem autonomen Organismus (Mechanismus) geworden, welcher seinen eigenen, vom Menschen unabhängigen Entwicklungsgesetzen unterliegt. Die sprachlichen "Gesetze" und Erscheinungen werden aus der Sprache selbst erklärt und gedeutet. Die Sprache sinkt zu einem bloßen "Verständigungsmittel" herab und wird somit zu einem "Zeichensystem" unter möglichen anderen Systemen und Kodes.

Zweitens: Hauptsächlich aber waren Humboldts Gedanken

für das wissenschaftliche Denken des 19. Jh's verfrüht. Die denkerische Originalität Humboldts zeigt sich vor allem in dem Aufdecken wesentlicher Zusammenhänge zwischen unterschiedlichen Wissenschaftsbereichen und den sie bestimmenden Fundierungsverhältnissen. Hinter dem eigentümlich fluiden und fragmentarisch bohrenden Charakter der Gedankenführung, der sich so oft in seinen Schriften bemerkbar macht, steht als treibende Kraft das Streben nach dem "Zusammennehmen", dem umfassenden Kombinieren der Probleme, um sie adäquat erfassen zu können. Der Grund für die einseitige (oder gar falsche) Einschätzung Humboldts liegt daher weniger in der Universalität und Vielzahl der Interessen und Arbeitsgebiete, die er zeit seines Lebens oft gleichzeitig und nebeneinander verfolgt hat, als vielmehr im Übersehen der für ihn charakteristischen Fragestellung und der Art und Weise, wie er unterschiedliche Gebiete miteinander in Beziehung setzte. Im Mittelpunkt seiner Interessen steht der Mensch - homo loquens - denn für Humboldt ist die Sprache eine Brücke, auf der sich Mensch und Welt begegnen. Nur auf dem Hintergrund der idealistischen Bewegung ist Humboldt zu verstehen. Bei Humboldt ist "Sprachphilosophie" und "Sprachwissenschaft" ungeschieden, sein ist die höchste Form der Sprachforschung. Den Ausgangspunkt seiner Betrachtungsweise bildet die Aussage des jungen Herders, daß das Sprechen dem Menschen so natürlich sei, wie seine andern Funktionen, daß aus seinem Menschsein selbst, aus der Gabe der "Besonnenheit", das Wort der Seele entstehe und schließlich auch Lautgestalt gewinne. So betrachtet ist die Sprache für Humboldt nie "Sprache an sich", sondern immer ein "bildendes Organ des Menschen", der in ihr eine geistige Welt schafft und von dieser wiederum selbst geschaffen wird. So darf er sagen: "Die Sprache ist gleichsam die äusserliche Erscheinung des Geistes der Völker, ihre Sprache ist ihr Geist und ihr Geist ihre Sprache, man kann sich beide nie identisch genug denken" (Humboldt, VII, 42). Humboldt sieht Mensch und Sprache in ihrer Einheit, d.h. die Sprache in ihrer Totalität. Aus diesem Sachverhalt ist die Paradoxie seiner Aussagen zu begreifen: Die Sprache ist gleichzeitig ein individuelles und ein soziales Erzeugnis, sie ist Ergon und Energie zugleich, etwas geistiges und zugleich Körperliches,

Intellektuelles und Sinnliches, Form und Stoff zugleich usw. Dazu kommt das vielfältige System wechselseitiger Abhängigkeiten zwischen dem Einzelnen und der Sprachgemeinschaft; innerer Form und Lautform, Denken und Sprache, Sprache und Dingwelt usw. (Arens, 1955, 184). Es sollte auch festgehalten werden, daß Humboldt, wie es damals noch üblich war, Denken und Vorstellen nicht genau unterscheidet. (Vgl.: Jost, 1960, 29 f.).

Die Hauptgedanken Humboldts lassen sich wie folgt zusammenfassen: Durch die und in der Sprache erzeugt sich der Mensch seine Bewußt-Seins-Welt. In ihr erscheint der Widerspruch zwischen Subjekt-Objekt, zwischen Ich und Du negiert, überbrückt, indem der Mensch die Gegenstände und Vorgänge sprachlich - geistig umschafft und sich in weitgehender Unabhängigkeit von den Sinneseindrücken (den objektiven Reizen) dank seiner Gedächtniskraft zur Anschauung bringen kann. Dies setzt aber im Sprach-Einsatz (Sprechen) eine immer wieder zu vollziehende Tätigkeit (Energeia) des Geistes voraus, und weil diese an die gliedernde und Erinnerung ermöglichende Mitwirkung der sprachlichen Zeichen gebunden ist, wird die Sprache selbst zum "bildenden Organ der Gedanken" und ist ihrerseits Energeia (be)wirkende Kraft. Die Sprache als eine "wahrhaft schöpferische Handlung des Geistes" (Humboldt, VII, 211) entsteht also aus der im Menschen sich reflektierenden Welt und dem ihr im Menschen "begegnenden" Geist. Die ist die Grundform der geistigen Weltbewältigung überhaupt (Jost, 1960, 36). "Der Geist schafft, stellt sich aber das Geschaffene durch denselben Act gegenüber und läßt es, als Objekt, auf sich zurückwirken" (Humboldt, VII, 213). Dazu ist aber eine Synthese des Unleiblich-Sinnhaften mit einer sinnlichen Form nötig. "Aber wie das innerliche die Welt berührt, wirkt es für sich fort, und bestimmt durch die ihm eigne Gestalt anderes inneres oder äußeres Wirken" (Humboldt, VII, 16). Nach der Meinung Josts, liegen in dieser Rückwirkung gewaltige Energien, die gleichsam "radioaktiv" sich summieren und über Generationen hinweg fördernd oder hemmend die geistige Tätigkeit, deren unentbehrliches Werkzeug die Sprache ist und bleibt, beeinflussen (Jost, 1960, 36).

Seit die Philosophie und die Sprachwissenschaft wieder

beginnen, die Sprache als "bildendes Organ des Gedankens" zu verstehen, haben Humboldts sprachphilosophische Schriften ein neues Interesse gefunden, man beginnt sich wieder die Einsicht Humboldts zu eigen zu machen, daß das Weltverständnis vor jedem wissenschaftlichen und philosophischen Zugriff von der Sprache geleitet, ja daß sie in unserem ganzen Tun und Denken formend und bestimmend ist" (Flitner, 1969, 757).

Allerdings gilt das Gesagte nur für einen Teil der Sprachwissenschaft - für die idealistisch orientierte Sprachwissenschaft im Sinne Welsgerbers, zum Teil auch für die sog. Cartesian Linguistics von Chomsky (vgl. Bense, 1973, 6 - 24), die Deutungen eines Korzybsky oder Hayakawa (Hayakawa, 1962, 25 - 42), philosophische Spekulationen Cassirers (Cassirer, 1954, 237 f.) und anderer.

Für die moderne Sprachwissenschaft hat die "Wiederentdeckung Humboldts" eine tiefe Bedeutung: Sprachwissenschaft wird wieder eine Wissenschaft vom Menschen, dem sprachbegabten Wesen, das dank seinem Sprachvermögen (seiner "Gabe der Besonnenheit" mit Herder gesprochen) sich von allen tierischen Formen abhebend zu homo loquens erhoben hat. Aus dieser Sicht hat der sowjetische Sprachwissenschaftler W. Sweginzew völlig Recht, wenn er meint: "... das Viele, was man über Humboldt hätte sagen können, vereinigt sich in seiner Eigenschaft der aktuellste von allen Sprachwissenschaftlern der Vergangenheit zu sein" (Звегинцев, 1967, 149).

Freilich, vieles von dem, was wir in Humboldts Schriften finden, scheint uns heute überholt zu sein, viele seiner Gedanken sind uns heute unannehmbar, vor allem seine subjektiv idealistische Grundkonzeption, die seinen Formbegriff und die damit verbundene "Weltansicht der Sprache" bestimmt, die Identitätstheorie (von Sprache und Denken), an die sich Humboldt gehalten hat und noch manches andere. Aber vergessen wir nicht, daß schon in dem Entwicklungsgange seiner Denkart sich bei Humboldt eine tiefe Änderung der Sehweisen bemerkbar macht: Der stark akzentuierte Sprachidealismus der früheren Schriften (wohl unter dem Einfluß der in der Jugend eingehend studierten Schriften der Neuplatoniker J. Harris' und Lord Monboddos entstandene) wird in den späteren Schriften, besonderes aber in der

Alterschrift wesentlich abgemildert. Hier tritt der Einfluß des Kant-Antipoden Herders besonders deutlich hervor und von hier aus ergeben sich die Anknüpfungspunkte zu der modernen Sprachwissenschaft. Um nur ein Beispiel zu nennen: so heißt in dem bruchstückhaften Entwurf zu dem Akademie-vortrag aus dem Jahre 1821, "daß die verschiedenen Sprachen die Organe der eigentümlichen Denk- und Empfindungarten der Nationen ausmachen, daß eine große Anzahl von Gegenständen erst durch die sie bezeichnenden Wörter geschaffen werden, und nur in ihnen ihr Dasein haben ..." (Humboldt, VII, 640). W. Luther bemerkt dazu: "Wir fühlen uns hier an das transzendentale Subjekt bei Kant erinnert ..." (Luther, 1970, 8). Aber schon in dem Fragment über den "Nationalcharakter der Sprachen" (um 1822) sagt Humboldt, daß die Sprache die Gegenstände bezeichnet und "dem unbestimmten Denken Gestalt und Gepräge verleiht" (Humboldt, IV, 428), und letztlich in den "Grundzügen des allgemeinen Sprachtypus" ist aus dem "Schaffen" ein "Umschaffen" geworden oder eine "Verwandlung", welche die Sprache mit den Gegenständen der Wirklichkeit vornimmt (Luther, 1970, 87).

So möchten wir besonders die Stellen des Humboldtschen Erbes durchdenken, an denen sich der Empirismus seiner Sprachforschung im Widerspruch zu seinen aprioristischen anthropologisch-philosophischen Ideen geriet.

Die starke Betonung der muttersprachlichen Sehweisen (wie wir sie z.B. bei Weisgerber finden und die auf die früheren Schriften Humboldts zurückzuführen sind und sich z.T. auf romantische Elemente in Humboldts Denken stützen) ist wohl zu einseitig: wir sind in der Lage, uns über die in der Muttersprache vorgegebenen Perspektiven zu erheben und über sie hinaus zu denken, zu erkennen und zu handeln. Der Welt-horizont, den die Sprachgemeinschaft im Laufe der Zeit geschaffen hat, ist grundsätzlich offen. Das in der Sprachstruktur niedergelegte Welt- und Selbstverständnis kann jederzeit durch logisch-diskursives Denken in der Philosophie und in den Wissenschaften modifiziert, ja in bestimmten Bereichen, wo nötig, sogar aufgehoben werden (Luther, 1970, 216; vgl. dazu auch: Jost, 1960, 136 - 150). An und für sich ist der Gedanke von einer mehr oder weniger geschlossenen "Weltansicht der Sprache" kein schwerer Irrtum, besonders zu Humboldts Lebzeiten. Erst mit der sich Ende des

19. Jh's anbahnenden und im 20. Jh. stürmisch progressierenden wissenschaftlich-technischen Revolution wurde der Idiotismus der muttersprachlichen Weltansicht durchbrochen, und die Erscheinungen der "globalen Integration" (vgl. Копанев, 1972, 8 - 31) zerstören (oder lassen verblassen) die "innere Sprachform" und vermindern die Wirkungen der "Weltansicht der Muttersprachen".

Auf der Konferenz, die den theoretischen Fragen der sowjetischen Sprachwissenschaft im November 1974 in Moskau gewidmet war, wurde die Meinung geäußert, daß die Ausarbeitung einer materialistischen Sprachtheorie eine der wichtigsten Aufgaben der sowjetischen Sprachwissenschaft sei (Брцева и др., 1974, 4). Diese Aufgabe kann u.E. nur durch ein tiefes und umfangreiches Studium der Humboldtschen Konzeption gelöst werden. Wie einst K. Marx und Fr. Engels durch eingehendes Studium des Hegelschen Systems den dialektischen Materialismus zum Grundprinzip des heutigen wissenschaftlichen Denkens erhoben und ihn als wissenschaftlich fundierte Weltanschauung in die Praxis umsetzten, so sehen wir auch eine Möglichkeit, die theoretischen Grundlagen einer materialistischen Sprachtheorie aufzubauen, indem wir die Anschauungen Humboldts von ihren subjektiv-idealistischen Momenten und überholten Anschauungen befreien und sie auf die Basis des heutigen dialektisch-materialistischen Denkens überführen.

L I T E R A T U R

- Arens, H. Sprachwissenschaft. Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. Freiburg/München, 1955.
- Beneš, B. Wilhelm von Humboldt, Jacob Grimm, August Schlegel. Ein Vergleich ihrer Sprachauffassungen. Winterthur, 1958.
- Bense, E. Mentalismus in der Sprachtheorie Noam Chomskys. Kronberg/Ts., 1973.
- Cassirer, E. Philosophie der symbolischen Formen. Band I. Die Sprache. Darmstadt, 1954.
- Delbrück, B. Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1908.

- Flitner, A., Giel, K. W. von Humboldt. Werke in fünf Bänden. Bd. III. Darmstadt, 1963.
- Hayakawa, S.J. Vårt språk och vår värld. Stockholm, 1962.
- Haym, R. Wilhelm von Humboldt. Lebensbild und Charakteristik. Neudruck Osnabrück, 1965 (Berlin, 1856).
- Humboldt, W. Gesammelte Schriften. Hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. 17 Bde. Berlin, 1903 - 1936.
- Jost, L. Sprache als Werk und wirkende Kraft. Ein Beitrag zur Geschichte und Kritik der energetischen Sprachauffassung seit W. v. Humboldt. Bern, 1960.
- Luther, W. Sprachphilosophie als Grundwissenschaft. Heidelberg, 1970.
- Steinthal, H. Die sprachphilosophischen Werke W. von Humboldts, herausgegeben und erklärt von H. Steinthal. Berlin, 1884.
- Stenzel, J. Die Bedeutung der Sprachphilosophie W. von Humboldts für die Probleme des Humanismus. In: Logos, Bd. 10, 1921/22, S. 261 - 274.
- Weisgerber, L. Von den Kräften der deutschen Sprache. Bd. I. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. 4. Aufl. Düsseldorf, 1971.
- Weisgerber, L. Zweimal Sprache. Deutsche Linguistik 1973 - Energetische Sprachwissenschaft. Düsseldorf, 1973.
- Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1967.
- Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972.
- Лрцева В. Н., Колшанский Г. В., Степанов Ю. С., Уфимцева А.А. Основные проблемы марксистского языкознания. (Доклад на всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкознания.) М., 1974.

КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МОЖЕТ ИМЕТЬ ВИЛЬГЕЛЬМ ГУМБОЛЬДТ
ДЛЯ НАС СЕГОДНЯ

Э. Даугатс

Р е з ю м е

В статье делается попытка проанализировать причины "отхода от Гумбольдта" в XIX веке и "возврата к Гумбольдту" в XX веке. По мнению автора, это, в основном, влияние теории Дарвина, мысль об эволюции, которая выдвинула на первый план сравнительно-исторические методы и ставила себе целью этим путем найти "праязык". В деятельности А. Шлейхера отражается изменение духовного климата того времени. Г. Штейнталь "перевел" языковедение в область психологии, и этот поворот на долгое время оторвал предмет языковедения - язык - от человека. "Отход от Гумбольдта" в XIX веке, по мнению автора, обусловлен, во-первых, победой естественно-исторического образа мышления: язык - организм, или механизм, оторванный от человека, а, во-вторых, главным образом, тем, что мысли Гумбольдта были преждевременными для XIX в.

Лишь в XX веке, когда язык снова начинает рассматриваться как "орган, образующий мысль", т.е., что язык и человек являются неделимым единством, концепция Гумбольдта вновь приобретает актуальность. Отмечается, однако, что многие взгляды Гумбольдта являются неприемлемыми для материалистического языковедения. Глубокое изучение взглядов Гумбольдта может, по мнению автора, существенно помочь нам в построении прогрессивной материалистической теории языка на современном этапе развития советского языковедения.

К ПРОБЛЕМЕ СТАТУСА ГЕНИТИВА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Т.С. Глушак, Л.Д. Черкесова

Немецкий родительный падеж (генитив) принадлежит к числу тех сложных языковых явлений, интерес к которым не ослабевает с давних пор. Он активно обсуждался и обсуждается представителями немецкой грамматики, при этом нередко статус генитива в языке трактуется как "трагическая судьба", пишется о его "отмирании" со ссылками на то, что формы падежа отсутствуют в диалектах и малоупотребительны в обиходно-разговорной речи.

Действительно ли генитив - "умирающий" падеж? Некоторые исследователи дают однозначный ответ на этот вопрос, например, В.Г. Адмони: "... место родительного падежа в группе существительного остается непоколебленным", (Admoni, 1962), хотя в целом вопрос о его статусе далеко не прост. В ряде специальных исследований доказывается, что внести в него ясность можно только через исследования на широкой сопоставительно-стилистической основе, с учетом специфики использования языка, а следовательно и его падежной системы в различных функциональных стилях, с дифференцированным рассмотрением употребительности каждого падежа в свойственных ему функционально-семантических разновидностях.

Результатами некоторых проведенных исследований подтверждено, что в отдельных функциональных стилях, например, в научной прозе частотность родительного падежа весьма высока, группа существительного здесь очень расширена в объеме за счет генитивных определений, нередко лепочечного характера. В стиле художественной прозы долю родительного падежа также нельзя считать незначительной. Например, по данным статистики Х. Майера генитив хотя и уступает здесь по частотности другим падежам, однако выражается не ничтожной величиной и составляет десятую часть всех словоформ существительного (Meier, 1964, 199). И в работе Л.Н. Иноземцева (1965), посвященной исследованию распределения родительного падежа по функциональным стилям, приводимые процентные показатели свидетельствуют о том, что функционально генитив включается в общую систему падежей немецкого языка как ее существенная, весомая часть.

Интересные результаты получены и в диахронической плоскости: так, С.М. Козман (1970) исследовались тексты пяти веков - с XVI в. по XX в. Определяя коэффициент частотности употребления сочетаний с приименным родительным как частное от деления случаев употребления приименного родительного на число печатных знаков, автор выводит следующие соотношения: XVI век - 1:318; XIX век - 1:460; XX век - 1:335. То есть, если в XIX веке прослеживается некоторое понижение употребительности родительного падежа, то в XX в. ее показатель увеличивается.

В силу сказанного нет оснований считать, как это делает, например, И. Рауш (Rausch, 1897, 103), что родительный падеж "гибнет" и "все его функциональные разновидности исчезнут из немецкого языка подобно тому, как агония кончается смертью". Претерпев определенные сдвиги и "потери", немецкий родительный падеж сохраняет в основном свой статус на фоне функциональной конкуренции с предложными конструкциями. В.Г. Адмони пишет, что язык должен располагать возможностью варьировать форму именных определений в группе существительного, т.к. их число может быть значительным. Нагнетание ряда однообразных форм-определений делало бы всю конструкцию малоподвижной, искусственной, избежать этого можно посредством параллельного употребления как чисто генитивных форм, так и предложных сочетаний (см. Адмони, 1973, 62).

Разнообразие синонимических способов выражения вообще является одним из главных условий полноценного функционирования развитого литературного языка, и в этом смысле сочетание атрибутивных предложно-субстантивных конструкций с чистыми генитивными формами-атрибутами предстает как естественное расширение группы существительного. В нем заложена, кроме формальной, и функционально-семантическая обусловленность: генитивное определение в большинстве случаев не адекватно в смысловом отношении предложному определению, на что указывает Х. Бринкманн в своей грамматике (см. Brinkmann, 1962, 71-95).

Для выяснения статуса генитива нами проведено в сопоставительном плане обследование текстовых выборок из двух функциональных стилей немецкого языка на двух синхронных срезах.

Текстовый материал по шести писателям первого синхронного среза - XVIII в. дает следующую картину употребления родительного падежа в стиле художественной прозы (см. табл. I).

Анализируя таблицу, можно констатировать, что амплитуда

Таблица I
Употребительность генитива в художественной прозе XVIII в.

Автор	Коэффициент "генитивности"
Г. Гольдман	0,047
К. Мориц	0,012
Ф. Шиллер	0,035
П. Мевиус	0,012
Г. Рабенер	0,018
К. Виланд	0,026

колебаний употребительности родительного падежа значительна. Этот вывод расходится с точкой зрения В.А. Никонова (1959), утверждающего, что для любого падежа оказывается строго заданной определенная степень употребительности, с очень ограниченной амплитудой отклонения. О строгой заданности степени употребительности генитива, как показывает таблица, не может быть речи. А в целом этот падеж занимает на шкале употребительности последнее место по отношению к другим падежам во всех обследованных авторских текстах, и правомерно говорить словами В.Г. Адмони об огромном разрыве, который делает "массу" родительного падежа несоизмеримой "массе" остальных падежей (Адмони, 1973, 53).

Конструкций с *von*, выражающих генитив, насчитывается 72, их количественное распределение по отдельным авторам выглядит следующим образом: К. Мориц - 22, Г. Гольдман - 6, Ф. Шиллер - 17, П. Мевиус - 5, Г. Рабенер - 5, К. Виланд - 17. Приглагольный генитив встречается в объеме всей выборки лишь в 172 случаях, в то время как 2700 случаев свидетельствуют о преимущественно примененном (присубстантивном) употреблении этого падежа.

Несомненный интерес представляют данные о глаголах, управляющих родительным падежом. Проверка по словарям показала, что в языке XVIII века встретилось семь глаголов, управляющих родительным падежом, для которых в настоящее время это управление не характерно, как например:

Welche sich des Titels eines Gelehrten anmaßen.

(G.Rabener. Satiren. S.72)

Sie hielten sich der Meinungen.

(Fr.Schilder. Der 5-jährige Krieg. S.159)

При рассмотрении соотношения беспредложного и предложного употребления генитива обнаруживается, что во всех текстах преимущественно употребляется беспредложная форма, как это отражает таблица 2.

Таблица 2
Соотношение чистого и предложного генитива
в художественной прозе XVIII века

Автор	Количество случаев употребления беспредложных форм	Количество случаев употребления форм с предлогом	%	
			беспредложная форма	форма с предлогом
Г. Гольдман	499	1	99,8	0,2
К. Морц	462	38	92,4	7,6
Ф. Шиллер	495	5	99	1
П. Мевиус	452	48	90,8	9,6
Г. Рабенер	474	26	94,8	5,2
К. Виланд	490	10	98	2

Частотны три предлога - *wegen*, *während*, *ohngeachtet*, при этом максимально частотен только один - *wegen*. Частотность остальных предлогов низка.

Текстовый материал по шести писателям второго синхронного среза - XIX в. дает следующие цифровые показатели употребительности генитива (табл. 3).

Таблица 3
Употребительность генитива в художественной прозе II-ой половины XIX в.

Автор	Коэффициент "генитивности"
Г. Кант	0,009
И. Вангенгейм	0,013
В. Гайдучек	0,012
Ю. Брезан	0,011
Б. Рейман	0,010
Р. Крафт	0,015

Амплитуда колебаний употребительности падежа в стиле художественной прозы XIX в. не столь велика, как в XVIII в.: средние показатели очень сближаются, и только между крайними точками образуется некоторый интервал (0,009-0,015), не ме-

шающий, однако, считать употребительность генитива в основном стабильной.

Следует указать и на тот факт, что число конструкций с von, эквивалентных генитиву, невелико (62). По авторам они распределяются так: Г. Кант - 17, И. Вангенгейм - 14. В. Гайдучек - 7, Ю. Брезан - 10, Б. Рейман - 6, Р. Крафт - 8.

Сфера приименного (присубстантивного) употребления родительного падежа велика - 2729 случаев, в то время как сфера приглагольного родительного падежа ничтожно мала - всего 44 случая употребления.

В числе глаголов есть такие, которым свойственно двойное управление, как *sich freuen, sich erinnern, sterben, müde sein.*

Der Bursche war des Spieles müde.

(W. Heiduczek. Abschied von den Engeln. S.110)

Sie erinnerte sich eines Geburtstages.

(I. von Wangenheim. Professor Hudebraach. S.119)

Das erinnerte ihn an einen Alten.

(H. Kant. Die Aula. S.28)

Er war verständlichen Todes gestorben.

(H. Kant. Die Aula. S. 48)

В соотношении беспредложных и предложных форм генитива преобладающей с большим перевесом является беспредложная форма. Это отражено в таблице 4.

Таблица 4

Соотношение чистого и предложного генитива
в художественной прозе XX в.

Автор	Количество случаев употребления беспредложных форм	Количество случаев употребления форм с предлогом	%	
			беспредложная форма	форма с предлогом
Г. Кант	484	16	96,8	3,2
И. Вангенгейм	481	19	96,2	3,8
Г. Гайдучек	462	38	92,4	7,6
Ю. Брезан	466	34	93,2	6,8
Б. Рейман	474	26	94,8	5,2
Р. Крафт	470	30	94	6

Значительно частотными оказываются два предлога - wegen, während, относительно частотны еще четыре - trotz, jenseites, um...willen, außerhalb, остальные предлоги мало или совсем не продуктивны.

Для сравнения со стилем художественной прозы привлечен стиль научной прозы XVIII и XX вв., в его научно-философской разновидности.

В текстах научно-философской прозы XVIII в. родительный падеж имеет следующее употребление у четырех авторов (см. табл. 5).

Таблица 5

Употребительность генитива в научно-философской прозе XVIII в.

Автор	Коэффициент "генитивности"
Ф. Шеллинг	0,040
И. Кант	0,039
И. Фихте	0,033
Г. Херпер	0,040

Амплитуда колебаний употребительности падежа, как это видно, незначительна, а разрыв между генитивом и остальными падежами совсем невелик.

В выборке оказалось 29 случаев употребления конструкции с *von*, выражающей генитив.

В объеме всей выборки для XVIII века приглагольный генитив встречается только в 17 случаях, применной - в 952 случаях. Все авторы предпочтительнее употребляют форму чистого родительного падежа, чем форму с предлогом. Предложный родительный зафиксирован в 31 случаев (из 969).

Частотность предлогов, употребленных с генитивом, мала, все они относятся к группе предлогов вторичного происхождения и характеризуются определенной громоздкостью.

В научно-философской прозе XX в. употребительность родительного падежа выглядит так (см. табл. 6).

Можно говорить о заметной амплитуде колебаний употребительности падежа, но в целом родительный падеж является самым употребительным падежом в языке научной прозы XX века. Возросло и количество конструкций с *von*, эквивалентных генитиву (57), по отношению в XVIII в.

Таблица 6

Употребительность генитива в научно-философской
прозе II-ой половины XIX в.

Автор	Коэффициент "генитивности"
П. Больхаген	0,064
Э. Фишер	0,050
Ф. Рупрехт	0,064
В. Миллер	0,082

Сфера примененного употребления родительного падежа очень велика - 978 случаев, в то время как приглагольный родительный встретился всего два раза, после глаголов sich erinnern, begeben.

Предложный родительный падеж представлен в 20 случаях на фоне 980 случаев беспредложного употребления (см. табл. 7).

Таблица 7

Соотношение чистого и предложного генитива
в научной прозе XIX в.

Автор	Количество случаев употребления беспредложных форм	Количество случаев употребления форм с предлогом	%	
			беспредложная форма	форма с предлогом
П. Больхаген	248	2	99,6	0,4
Э. Фишер	244	6	97,6	2,4
Ф. Рупрехт	240	10	96	4
В. Миллер	248	2	99,6	0,4

Учет функционально-семантических разновидностей по двум стилям и на двух синхронных срезах отражает таблицы 8-II.

Общие выводы из сопоставительного рассмотрения функциональных стилей и синхронных срезов приводят к установлению ряда важных особенностей:

I. Количество глаголов и глагольных конструкций, управляющих генитивом, в языке XVIII в. более чем вдвое превышает их число в современном языке; внутри обоих стилей по-своему складывается снижение этого показателя от XVIII в. к XX в. (вдвое для художественной прозы и втрое для научной прозы). Эти данные отражают общую тенденцию развития языка в направ-

Таблица 8

Стиль художественной прозы XVIII в.

Автор	Приименной родительный %					Приглагольный родительный %			
	привлад- лежности	экспли- кации	партитив- ный	субъекта, объекта	каче- ства	родитель- ный объ- ект	родительный обстоятельства		
							темпо- рального	локаль- ного	модаль- ного
Гольдман	75,3	19,5	2,5	2,7	-	100	-	-	-
Моршц	78,1	12,5	6,0	3,4	-	39,2	54,9	-	5,9
Шмеллер	68,9	27,0	2,7	1,5	-	100	-	-	-
Менкус	61,6	24,2	10,5	2,0	1,7	66,7	33,3	-	-
Рабенер	63,0	26,2	5,9	1,8	3,2	8,0	-	-	29,0
Виланд	80,2	12,8	6,4	0,7	-	90	5	-	5

Таблица 9

Стиль художественной прозы XIX в.

Автор	Приименной родительный, %					Приглагольный родительный, %			
	привлад- лежности	экспли- кации	партитив- ный	субъекта, объекта	каче- ства	родитель- ный объ- ект	родительный обстоятельства		
							темпо- рального	локаль- ного	модаль- ного
Кант	72,4	16,5	8,7	2,0	0,4	29,2	5	-	20,8
Вангенгейм	64,8	28,2	3,6	2,3	1,1	60	40	-	-
Гайдучек	56,7	31,1	4,0	7,1	1,1	22,2	44,5	-	33,3
Брезан	82,1	9,5	7,7	0,7	-	21,4	64,3	-	14,3
Рейман	72,2	16,9	4,4	6,5	-	46,3	39,5	4,7	9,5
Крефт	81,0	14,3	3,2	1,5	-	50	37,5	-	12,5

Таблица IО

Стиль научной прозы ХУШ в.

Автор	Приименной родительный, %					Приглагольный родительный, %			
	принад- лежности	экспли- кации	партици- пий	субъекта, объекта	каче- ства	родитель- ный объ- ект	родительный обстоятельства		
							темпо- реального	локаль- ного	модаль- ного
Кант	5,0	85,7	5,9	3,4	-	100	-	-	-
Фихте	0,8	89,8	1,8	7,6	-	100	-	-	-
Мерцер	28,8	68,3	1,3	1,3	0,4	100	-	-	-
Шеллинг	4,0	94,8	1,2	-	-	100	-	-	-

Таблица II

Стиль научной прозы ХХ в.

Автор	Приименной родительный, %					Приглагольный родительный, %			
	принад- лежности	экспли- кации	партици- пий	субъекта, объекта	каче- ства	родитель- ный объ- ект	родительный обстоятельства		
							темпо- реального	локаль- ного	модаль- ного
Большагов	13,3	84,7	1,6	0,4	-	-	-	-	-
Финер	20,6	74,1	2,5	2,9	-	100	-	-	-
Рупрехт	15,9	80,8	0,8	2,5	-	100	-	-	-
Маллер	9,7	87,1	1,2	2,0	-	-	-	-	-

лении сужения сферы приглагольного генитива, однонаправленную и являющуюся поэтому универсальной закономерностью развития немецкого языка.

2. Различительным признаком оказывается список предлогов, употребленных с родительным падежом, в текстах двух рассматриваемых стилей. Для научной прозы список в количественном отношении меньше и характер самих предлогов иной: архаизированных предлогов типа *innen* или семантически ярких типа *ungeachtet, dank, um...willen, diesseits, unterhalb, halber, seitens*, представленных в текстах художественной прозы, здесь нет; с другой стороны, в списке художественной прозы нет предлогов *gemäß, infolge*, зафиксированных в научной прозе. Предлог *wegen* в употреблении с родительным падежом отличается максимальной частотностью в языке художественной прозы как XVIII в., так и XIX в., возглавляя в обоих случаях таблицу частотных характеристик предлогов для этого стиля. Для стиля научной прозы данный предлог не характерен. В этом, несомненно, отражается определенная общая закономерность.

3. Что касается предложной конструкции *von* + существительное, рассматриваемой в теоретической грамматике как аналитическая форма или замена падежа, то в языке XIX в. случаев ее употребления больше, чем в языке XVIII века (119 против 101). Но по стилям ситуация оказывается специфической: по XVIII в. — значительный перевес в художественной прозе, по XIX в. — в научной прозе; соотношение для языка XVIII в. — 72 (художественная проза), 29 (научная проза); для современного языка — 62 (художественная проза), 57 (научная проза).

Получается, таким образом, что в стиле художественной прозы с развитием языка от XVIII в. ко второй половине XIX в. употребительность конструкции незначительно изменилась в сторону понижения, а в стиле научной прозы она значительно возросла (в два раза). Это обстоятельство может быть интерпретировано в соответствии с теми положениями, которые были высказаны в начале статьи: изменение статуса субстантивной группы в смысле ее количественного роста и структурного усложнения оказывается непосредственно связанным как с увеличением удельного веса генитива в текстах научной прозы современного периода по отношению к XVIII в., так и с повышением частотности конструкции с *von* в группе существительного, способствующей тому, чтобы оформление этой группы не было

однообразным и громоздким в случае генитивных цепочек.

4. Изменялось соотношение приглагольного и приименного употребления генитива от XVIII в. к современному этапу: в художественной прозе приименная и приглагольная сферы падежа соотносятся на I-ом и 2-м синхронных срезах как 93,9% / 6,1% и 96,2% / 3,8%; в научной прозе это соотношение выражается как 98,3% / 1,7% и 99,8% / 0,2%. Сокращение произошло в обоих стилях за счет генитива в функции приглагольного объекта, причем в научной прозе особенно резкое (с 1,7% в XVIII в. до 0,2% в XX в.). Генитив же как обстоятельство, наоборот, несколько увеличился в объеме в стиле художественной прозы XX в.

5. Интересные изменения характеризуют отдельные функционально-семантические разновидности падежа. Для приименного родительного это особенно важно, так как соотношение его функций "genitivus possessivus" и "genitivus explicationis" в большой степени определяет специфику стилей. В художественной прозе XVIII в. это соотношение предстает как 66,9% / 19,3%, в XX в. как 68,8% / 18,8%; в научной прозе XVIII в. соотношение выглядит как 9,9% / 82,2%, XX в. - 14,7% / 81,3%. Получается, таким образом, что в стиле художественной прозы на современном этапе объем possessивного генитива несколько больше, чем в XVIII в., а объем эксплицирующего генитива соответственно несколько меньше, хотя в целом различия между синхронными срезами незначительны. В стиле научной прозы они также незначительны и малосущественны в отношении объема функции экспликации, но гораздо существеннее с точки зрения функции принадлежности: она увеличилась в объеме на современном этапе почти на 5% по сравнению с XVIII в. Примечательно, что это увеличение происходило не преимущественно за счет функции экспликации, а за счет уменьшения в объеме нескольких других функционально-семантических разновидностей: *genitivus partitivus*, *genitivus subjectivus-objectivus*, *genitivus qualitatis*.

6. Вообще уместно заметить, что наибольшие модификации в сфере приименного генитива связаны именно с малочастотными и стилистически своеобразными функционально-семантическими разновидностями. Это имеет место не только в сфере присубстантивного, но и в сфере приглагольного генитива: различные виды обстоятельств представлены в текстах художественной прозы и почти отсутствуют в текстах научной прозы. Согласно

Г. Хельбигу, во всех таких разновидностях воплощены функции не грамматического (синтаксического) плана, а семантические, денотативные, следовательно, значительная вариативность, наблюдаемая в диапазонах этих функций, не является случайностью (см. Helbig, 1973, 191-192).

В заключение правомерно утверждать, что в сфере падежа стиливая дифференциация немецкого литературного языка прорастает весьма четко. Родительный падеж играет в ней особенно значительную роль, позволяющую определить функционирование этого участка грамматической системы языка как очень живой перекресток языковой эволюции. Общее движение стиля научной прозы направлено в сторону сохранения его языковой каноничности, в то время как стиль художественной прозы обнаруживает многообразную вариативность и тяготеет к использованию стилистически специализированных падежных функций. Если исходить из учета двух основных, согласно Т.Г. Винокур, тенденций стилового развития - тенденции к взаимопроникновению стилей и тенденции к усилению дифференциации внутрестилевой специфики языковых форм и средств (см. Винокур, 1968, 8), то немецкий родительный падеж ярко отражает обе и представляет собой, следовательно, средоточие важнейших тенденций эволюции языка и закономерностей его функционально-стилистического плана.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Адмони В.Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке. М., 1973, стр. 62.
- Винокур Т.Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи. В сб. "Развитие функциональных стилей современного русского языка". М., 1968, стр. 8.
- Иновемцев Л.Н. Емкость группы существительного в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. Л., 1965, стр.9.
- Козман С.М. Еще раз об изучении количественной стороны грамматических явлений. "Вопросы языкознания", 1970, № I, стр. 89.
- Никонов В.А. Статистика падежей русского языка. В сб. "Машинный перевод и прикладная лингвистика" № 3/10/, 1959.

- Admoni, W. Die umstrittenen Gebilde der deutschen Sprache von heute. In "Muttersprache", H. 6, 1962.
- Brinkmann, H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962. стр. 103.
- Helbig, G. Die Funktionen der substantivischen Kasus in der deutschen Gegenwartssprache. Halle/Saale, 1973.
- Meier, H. Deutsche Sprachstatistik. Bd. I. Hildesheim, 1964.
- Rausch, J. Zur Geschichte des deutschen Genitivs seit der mittelhochdeutschen Zeit. Darmstadt, 1897, стр. 103.

ON FIELD APPROACH IN LINGUISTICS

Aino Jõgi

Over the past few decades linguists have grown ever more interested in problems of lexicology and lexical semantics. This is in part accounted for by the fact that, for various reasons, such as the stormy development of science and technology, the spread of mass media of communication, etc., the number of words has grown in all languages. Also, great changes have taken place within the existing vocabulary, such as specialization of lexemes and morphemes, shifts in their collocational restrictions, new productive types of word formation, etc. Another characteristic feature of the period is that theoretical linguistics is increasingly placed in the service of practical aims, especially of language teaching.

One of the most promising contributions of linguistic science to foreign language teaching is the application of the field theory which affords a systemic approach to various groups of words. The aim of this article is to acquaint our students and teachers with the principles, problems and possibilities of the field theory, and to encourage further reading.

Theories of field in linguistics are based on the assumption that language is not only a means of communication, but also the means by which we interpret our environment, by which we classify or 'conceptualize' our experiences, by which we are able to impose structure on reality. Common observation shows that languages differ in the way they classify experience. A classic instance of this is the semantics of colour terms and of kinship terms. Even in languages spoken in closely interrelated cultural areas such as England and France we find different categorization: English - 'river', French - 'fleuve' (river flowing into the sea), 'rivière' (tributary river), or: German - 'Stuhl', English - 'stool', 'chair'.

Thus each language imposes its own 'grid' on our experience. This has led scholars to think that the language one

speaks profoundly affects one's thought processes and the way one interprets the world and classifies the natural phenomena. This view has received the name of the Sapir-Whorf hypothesis, after two American anthropological linguists who championed it in the 1920s and 1930s. Various arguments can be advanced against the Sapir-Whorf hypothesis. One might be that it would be impossible to translate from one language into another. The Sapir-Whorf hypothesis in its extreme form is now rejected by most linguists.

Similar relativistic views have also been expressed by Leo Weisgerber. This West German scholar holds that between the language's vocabulary and the conceptual world, i.e. between objective reality and the words signifying it there exists what he calls a "Zwischenwelt" (an intermediate world). Weisgerber also asserts that language influences the members of the speech community by means of linguistic fields. The significance of a word exists only in a field, and our concept of the world is exclusively determined by these fields.

L. Weisgerber has been criticized for his idealistic methodology, especially for his mystical Zwischenwelt (Уфимцева, 1961:99), but the results of his work are, nevertheless, of great interest (Кацнельсон, 1965). For a more detailed discussion see Ullmann (1963:309 ff.).

Surely the field articulations are not dependent on the intellectual part of the mind alone. There can be psychological, sociological, geographical and other factors involved, especially in the development of systems of measuring distances, temperatures, weights, etc. (Robins, 1964: 70-74); Hint, 1976:108).

Language is a conceptual system. Yet not a closed conceptual system which tyrannizes over the thought processes of its users, but an open-ended system. It is thought that language is basically an innate, or genetically inherited capability. It is believed that all languages share the same basic conceptual framework (Lenneberg, 1964).

The concept of semantic or conceptual field was first made use of by G. Ipsen in his paper "Der alte Orient und die Indogermanen" (Ipsen, 1924). The use of 'field' as a linguistic term corresponded to the way of scientific think-

ing in the 1920s.* A number of scientists adopted the term, and from now on the concept of semantic field played an important role in semantic research, especially in Germany. S. Ullmann (1963:158) refers to the new approach as a 'Copernican revolution' in semantics.

The most outstanding work in this area is on the terms of intellect, "Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes; die Geschichte eines sprachlichen Feldes" by Jost Trier (1931). Trier investigates 'langue' (not 'parole'). He distinguishes between the conceptual and the lexical fields. The conceptual field exists independently of the lexical field. The lexical field is formed by a word and its conceptual cognates, and corresponds to the entirety of the conceptual field. The latter is divided into parts by the word mosaic (Wortdecke) of the lexical field. A word alone has no meaning, but requires one through the opposition between it and the neighbouring words in the field. 'Male' makes no sense without 'female', 'child' makes no sense without 'parent'.

As S. Öhmann (1953:134) has shown, Trier's field suits the study of the abstract and the nominal section of the vocabulary.

Another well known field study is "Joy and Freude" by Karl Reunig (1941). The author compares the fields of pleasurable emotions in English and German.

An approach similar to that of Trier and Reunig, but based on purely physical criteria occurs in the work of K.W. Heyse devoted to the analysis of a group of words denoting sound. The extralinguistic scale of sounds is made up of oppositions such as spreading - nonspreading, directed - undirected, homogeneous (pure) - heterogeneous (mixed), self-produced - not self-produced, etc. Heyse analyses the corresponding groups of words used to denote such sounds.

---

* The notion of 'field' was first employed in physics to denote the space (field) in which certain physical phenomena, such as temperature, atmospheric pressure, etc. were observable and could be conveniently examined. A physical field, such as an electric or magnetic field, like a linguistic field, is to be understood as a means of interpreting a phenomenon. It is a model of description.

In recent years a great deal of work has been devoted to the study of lexical systems in the vocabularies of different languages (Lyons, 1972), particularly in such fields or domains as kinship, colour, flora and fauna, weights and measures, military ranks, moral and aesthetic evaluation, and various kinds of knowledge, skills and understanding (Lounsbury, 1956; Goodenough, 1956; Conklin, 1962; Frake, 1961). All these authors build their field(s) on the assumption that there exist distinctive (or semantic) features such as age, blood relationship, bands of the spectrum, etc. A classical example given in many textbooks to illustrate the notion of field in semantics is that of colour terms. This field is also particularly suited to demonstrate that "there are distinctions in one language which are not made in another; moreover, that particular fields may be categorized in a totally different way by different languages" (Lyons, 1968:56 ff., 429 ff.).

Such semantic or lexical fields as we have mentioned or described above are of great interest for the linguist as well as for the foreign language learner. Indeed, conversation books in current use contain long lists of words resembling primitive semantic fields, such as 'a person's appearance', 'means of transport', 'family', 'house and home', 'furniture', etc. In most researches done in lexis and grammar also to date, the object of study is conceived of and treated as a structured field though it may be termed a set, group or system for reasons we shall see below.

We shall now attempt to bring order into the variety of principles underlying the field articulations and to sort out the multitude of methods employed in their study.

As all linguistic units, lexical sets can be viewed on a paradigmatic axis (as a system) and on a syntagmatic axis (as structure), both admitting of the field approach.

In paradigmatics the fields can be delimited either (a) purely or primarily on extralinguistic criteria, or (b) on linguistic criteria.

In paradigmatic fields based on extralinguistic criteria, the words are associated because the things they name are closely related in reality. Word groups with like privilege of occurrence in collocation and organized systematically to cover the con-

ceptual fields are called lexical sets (Halliday, 1966:153) or synonymic sets (Ginzburg, 1966:79). They are not necessarily synonyms, but they have a common semantic component, or a common general distinctive feature. Lexical sets covering the concept of human dwellings - 'house', 'mansion', 'cottage', 'bungalow', 'hut', 'shanty', 'shack', 'palace' - have at least one seme - 'human dwelling' in common. Each member of the group has its distinctive features. 'House' is the most neutral, unmarked member. The individual members, e.g. 'cottage' and 'mansion', 'hut' and 'palace' are brought into opposition with each other (and all the others) on the basis of their location, way of building, their purpose, etc. Style, too, can be the underlying factor of opposition: 'man' (neutral), 'bloke', 'guy' (slang), 'muck' (Amer. coll.); 'face' (neutral), 'mug' (slang).

Highly structured or transparent semantic fields admit of componential analysis. Lexemes denoting pieces of furniture meant for sitting (objects having a common function) - 'armchair', 'chair', 'couch', 'pouffe', 'settee', 'sofa', 'stool' - contain different combinations of the following semes: S1 - for sitting, S2 - having a back, S3 - having arms, S4 - having legs, S5 - for 1 person, S6 - for lying. 'Chair' has S1, S2, S4, S5; 'pouffe' has S1, S5; 'sofa' has S1, S2, S3, S6, etc.

I.V. Arnold (Арнольд, 1973:206) refers to such lexico-semantic groups as thematic subgroups, because they are delimited largely on extralinguistic criteria.

Paradigmatic fields based on linguistic, often also on psychological and logical criteria - called semantic fields proper by I.V. Arnold (Арнольд, 1973:208-209) and lexico-semantic groups by L.M. Vassilyev (Васильев, 1971:105) - cover various lexemes having a common semantic component. Lexical sets viewed as fields include groups of synonyms, antonyms, all meanings of a polysemantic word, derivational paradigms, terminological systems (Starke, 1975). Here should belong also such thematic groups as, for instance, terms of intellect, terms of cattlebreeding, terms of military ranks, etc.

From the point of view of contrastive lexicology, and for the foreign language learner, as well as for the dic-

tionary maker, the study of synonyms, antonyms and meanings of polysemantic words as fields should be most promising. The first linguist to study synonymic groups as semantic fields was Jolles (1934).

The first step in delimiting one's field, then, is to find the nucleus or the dominant word with the most general meaning in a group of synonyms. The lexical items formally defined as adjective and in the set referring to happiness in English are: 'content', 'blissful', 'blithe', 'cheerful', 'cheery', 'happy', 'merry', 'joyous', 'joyful', and possibly others. Their relationship to each other is contrastive, but there are degrees of contrast. The items also mean what they do because each can be used in a range of contexts and collocations which largely overlap (because they belong to the same set), but which do not overlap. It is the extent to which they do not overlap that provides their 'meaning' within the set, and the extent to which the set does not overlap with all the other lexical sets of the language that provides the 'meaning' of the set (field). There is further complexity in that an item may belong to several sets and its 'meaning' will also include contrast with the implications of membership of these contrastive sets.

The structure of the field, i.e. the meanings and the relations of the individual members of the group can be studied with various methods.

Componential analysis, for instance, consists in manipulations with the distinctive features of the denotational meaning of each word as defined in English-English dictionaries and dictionaries of synonyms. The fact that dictionaries employ members of the group for mutual definition enables the use of set theory in determining the relative proximity or nearness of the individual members and to find subgroups (subsets) and their nuclei within the field (Тырбева, 1970). With statistical counts it is possible to find the most frequently occurring, and, accordingly, the most active members.

Studying the lexical items in their typical contexts we find the ranges of their collocability, which is probably of greatest use for foreign language learners (Jögi, 1977). In the semantic

field of speed the most neutral item is 'fast', The other members are: 'speedy', 'swift', 'rapid', 'quick', 'flying', 'fleet', 'nimble', 'agile', 'express', 'galloping', 'mercurial', 'expeditious', according to Roget's Thesaurus. Examination of 15 best known English-English dictionaries has shown that 'fast' collocates with 'horse' (4 times), 'train', 'bowler' (3 times each); 'speedy' with 'recovery' (3); 'swift' with 'foot(ed)' (8), 'wing' (4), 'ship', 'anger', 'running' (2); 'rapid' with 'growth' (4), 'worker', 'motion' (2); 'quick' with 'temper' (4), 'succession' (4), 'mind', 'train', 'worker', 'wit' (2); 'flying' with 'visit' (3), 'journey' (2); 'fleet' with 'of foot' (4); 'nimble' with 'mind' (5); 'footed' (5); 'feet' (2); 'express' with 'train' (4), 'messenger' (3); 'galloping' with 'horse' (3); 'mercurial' with 'temperament' (2).

From the above we can establish the collocational range of each item: 'quick' has 20 collocates, 'swift', 17, 'nimble', 9, 'fast', 8, 'agile', 6, 'speedy', 5, 'fleet', 4, 'flying', 3, 'express', 2, 'expeditious', 2, 'galloping', 1, 'mercurial', 1. Of course, the larger the corpus of material, the greater the validity of the results. However, even a study of such limited scope can bring out facts and features to confirm or disprove the conclusions arrived at intuitively by teachers and learners.

Antonymic groups viewed as fields consist of pairs in binary opposition, as in 'father' - 'son', 'right' - 'left', 'day' - 'night' (Jolles, 1934), or words in polar opposition: 'lion' - 'lioness' - 'lions', 'fox' - 'vixen' - 'foxes'; 'young' - 'old' - 'new' (Coseriu, 1967).

A polysemantic word may be regarded as a unity of related meanings. An example of a study of polysemy is "Fair, Foul, Nice, Proper. A Contribution to the Study of Polysemy" by A. Rudskoger (1952).

S y n t a g m a t i c or s y n t a c t i c a l fields reflect the field concept of W. Porzig (1934; 1962). Syntagmatic fields are classes of words occurring together, but always fulfilling different, and never the same syntactical functions. Porzig finds certain essential relationships between verbs and nouns, and adjectives and nouns: 'to go' presupposes 'feet', 'to grasp' presupposes, 'hand'

or 'mind', 'blond' presupposes 'hair', etc. Such relationships, Porzig says, form the basic articulations of meaning systems. He calls them elementary semantic fields. The nucleus of such a semantic field can only consist of a verb or an adjective, because these classes of words have a predicative function and therefore are less ambiguous than nouns.

Here it should be pointed out that the same combinations of lexical items, when treated as syntagmatic fields are by some linguists (Robins, 1964:64; Firth, 1957:12) called collocations or colligations depending on whether the stress is laid on semantic (paradigmatic) combinability or interrelation of grammatical categories in syntactical structure. G. S  ur (Illyp, 1974) is of the opinion that syntagmatic fields should be regarded as systems, as they consist of different word classes (or parts of speech).

As a third possibility, semantic fields may be viewed on both the paradigmatic and syntagmatic axes. In the field covered by the verbs of 'saying' - 'sprechen', 'sagen', 'reden' - it is not only their lexical meaning, but also their selective combinability that lies at the basis of their field structure (Seidler, 1968:268). Examples of the combined study of paradigmatic and syntagmatic fields are also the familiar substitution patterns in our school textbooks. "The teacher examines his pupil" can be extended:

The	} {	teacher	} {	examines	} {	his/her	} {	pupil
Our		professor		teaches		our		student
Their		assistant		praises		their		charge
etc.)		etc.		etc.		etc.		etc.

Thematically arranged lists of words, as in conversation themes in textbooks in which grammatical meaning, such as categories of part of speech, number, case, degree, etc. is not taken into account, are not regarded as fields but as ideographic groups by Arnold (1973:206-208).

Attempts have been made to arrange the whole of the word stock of a language systematically into lexical fields (Dornseiff, 1933-1934; Interim. Report, 1936; Hallig-Wartburg, 1963).

The notion and term of 'field' in linguistic research has been criticized. G. Gabka (1967) has pointed out that it has been employed to denote phenomena too widely different in their nature, and the term itself has been given too many definitions. In some papers 'field', 'structure' and 'system' are used as synonyms, therefore G. Scur suggests that linguists should employ the term 'group' instead, as in analysing collections and ensembles of elements the group approach would be more justified.

It has also been pointed out that the image of field only fits few word areas, chiefly those in the sphere of human arrangements. The thesis that words within a field mutually determine each other's meaning has been disproved in some cases. Very often the fields of individual words overlap. For instance, the temperature scale 'hot', 'warm', 'lukewarm', 'cool', 'cold' cannot be clearly delineated. Others have suggested that such concepts as the temperature scales should be treated as forming polar oppositions. W. Betz and E. Oksaar are reported to have conducted experiments with students, but have found no traces of 'fields' in their mind (Hoberg, 1973).

G.N. Komlev has expressed doubts as to whether the precise delimitation of a field is at all possible as fields, like the whole language, are in a state of constant change, the meaning of a word being automatically modified with the change of the field as a whole (Комлев, 1969).

True, the notion of field can probably be applied to only a few relatively stable semantically structured groups of lexical items. Other elements which are linked with causal relations and interdependence (functional elements and groups) should be viewed as systems.

The great asset is that several types of fields, e.g. those suggested by Coseriu (1967), Seiler (1962), Shaikovich (Шайкевич, 1963), Halliday (1966) allow of formalization. This enables mathematical operations, and thus the use of electronic computers.

In spite of some inadequacies the field theory offers one of the numerous ways of research into the vocabulary of a language. The field approach in studying smaller or larger sets of linguistic units should, however, yield especially good results in contrastive linguistics and foreign language teaching.

R E F E R E N C E S

- Conklin, H.C. Lexicographical treatment of folk taxonomies. "Problems of Lexicography." Eds. P. Householder and S. Saporta. - "International Journal of American Linguistics". Vol. 28, P. 2. Bloomington. 1962.
- Coseriu, E. Lexikalische Solidaritäten. In: Poetica, Bd. 1., 1967.
- Dornseiff, I. Der deutsche Wortschatz synonymisch geordnet. Leipzig, 1933-1934.
- Firth, J.R. A Synopsis of Linguistic Theory (1930-1955). In: Studies in Linguistic Analysis. London, 1957.
- Frake, C.O. The diagnosis of disease among the Subanen of Mindanao. In: "American Anthropologist" Vol. 63. Menasha, 1961.
- Gabka, K. Theorien zur Darstellung eines Wortschatzes. Mit einer Kritik der Wortfeld-theorie. Halle (Saale), 1967.
- Ginzburg, R.S., Khidekel, S.S., Knyazeva, G.Y., Sankin, A.A. A Course in Modern English Lexicology. Moscow, 1966.
- Goodenough, Ward H. Componential Analysis and the Study of Meaning. "Language" Vol. 32, 1956.
- Halliday, M.A.K. Lexis as a Linguistic Level. In: Bazell, C.E. et al. (ed). Linguistic Form 1966. In Memory of J.R. Firth. London, 1966.
- Hallig, Rudolph und Walther von Wartburg. Begriffssystem als Grundlage für die Lexicographie Versuch eines Ordnungsschemas. 2., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Berlin, 1963.
- Hint, M. Keel hiidsüsteemina. In: Keel, mida harime. Koost. M. Mäger. Tallinn, 1976.
- Hoberg, R. Die Lehre vom Sprachlichen Feld. Ein Beitrag zu ihre Geschichte, Methodik and Anwendung. 2. Aufl. 1973.
- Interim Report on Vocabulary Selection for the Teaching of English as a Foreign Language. London, 1936.

- Ipsen, G. Der alte Orient und die Indogermanen. "Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft" Festschrift für W. Streitberg. Heidelberg, 1924.
- Jolles, A. Antike Bedeutungsfelder. - "Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur". Bd. 58, H. 1-2. Halle (Saale), 1934.
- Jögi, A. Field Approach to Synonymic Sets in Foreign Language Teaching. "Methodica" VI. Tartu, 1977.
- Leech, G. Semantics. Penguin Books. 1975.
- Lenneberg, E.H. A Biological Perspective of Language. In: New Directions in the Study of Language. Ed. E.H. Lenneberg. Cambridge, Mass., 1964.
- Lounsbury, Floyd G. A Semantic Analysis of the Pawnee Kinship Usage. "Language" Vol. 32., 1956.
- Lyons, J. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1968.
- Lyons, J. Structural Semantics. Cambridge, 1972.
- Öhmann, S. Theories of the 'Linguistic field'. - "Word" Vol. 9., 1953.
- Porzig, W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen. - "Beitr. zur Geschichte der deutschen Sprache u. Literatur." Bd. 58., 1934.
- Reunig, K. Joy and Freude. A Comparative Study of the Linguistic Field of Pleasurable Emotions in English and German. Swathmore, 1941.
- Robins, R.H. General Linguistics. An Introductory Survey. Longman's Linguistic Library, 1964.
- Rudskoger, A. 'Fair, Foul, Nice, Proper': A Contribution to the Study of Polysemy. Göteborg, 1952.
- Seiler, H. Zur Erforschung des lexikalischen Feldes. In: Sprache der Gegenwart. Schriften des Instituts für deutsche Sprache. Bd. 2. Düsseldorf, 1968.
- Starke, H. Die Beziehungen zwischen Struktur der Terminus und semantischem Feld. In: Fachsprachen und Sprachstatistik. Beitr. zur Angewandten Sprachwissenschaft. Berlin, 1975.

Trier, J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines Sprachlichen Feldes. In: Von Anfängen bis zum Beginn des 13. Jh. Heidelberg, 1931.

Ullmann, S. The Principles of Semantics. Barnes and Noble, Inc. New York, 1963.

Апресян Ю.Д. Дистрибутивный анализ значения и структурные семантические поля. Лексико-графический сб. У. Москва, 1962.

Арнольд И.В. Лексикология английского языка. Ленинград, 1973.

Васильев Л.М. Теория семантических полей. "Вопросы языкознания", № 5, 1971.

Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. Москва-Ленинград, 1965.

Комлев Н.Г. Компонентный анализ содержательной структуры слова. Москва, 1969.

Турьева Б.В. Сочетаемость прилагательных и их синонимия в современном английском языке. (Лекция). Ленинград, 1970.

Уфимцева А.А. Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. Москва, 1961.

Шайкевич А.Я. Распределение слов в тексте и выделение семантических полей. "Иностранные языки в высшей школе", № 3, 1963.

Шур Г.С. Теория поля в лингвистике. Москва, 1975.

ТЕОРИЯ ПОЛЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

А. Игги

Резюме

Теория поля - одна из возможных системных подходов к лексико-семантическим группам (ЛСГ), семантическим рядам и т.д. Как модель языкового описания она дала хорошие результаты в изучении таких структурных ЛСГ, как термины родства, названия цветов, разные терминологические системы и т.д. ЛСГ можно рассматривать в парадигматике и/или синтагматике. Парадигматические поля, определяемые по экстралингвистическим критериям (и называемые *lexical sets* (Halliday), *synonymic sets* (Гиназбург) или *thematic subgroups* (Арнольд)) или по лингвистическим критериям (синонимические ряды, антонимы, все значения полисемантических слов), имеют один общий дифференциальный признак. В статье даются примеры изучения семантических полей посредством компонентного анализа и примеры того, как определить сферу сочетаемости членов поля. Хотя понятие и термин *п о л я* в лингвистике критиковались многими учеными, теория поля оправдана, так как она допускает формализацию и дает хорошие результаты в сопоставительной лингвистике и в преподавании иностранных языков.

ПРАГМАНИМЫ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

З.П. Комолова

Настоящая статья посвящена рассмотрению практики фиксации в толковых словарях прагматимов – торговых названий товаров.

Прежде всего следует указать на то, что число прагматимов, введенных в толковые словари, крайне мало по сравнению с их общим числом. Так, в США в конце 1960 г. было зарегистрировано около миллиона товарных знаков (Guldén, 1963, 102), значительная часть которых – словесные, а в толковый словарь *Funk & Wagnalls* (общим объемом 1466 стр.), изданный в 1963 году, по подсчетам, проведенным специально для данной работы, вошло менее двухсот торговых названий.

Включение в толковые словари лишь очень незначительного процента торговых названий объясняется рядом причин, наиболее важными из которых являются:

1. Не все торговые названия в равной мере известны в языковом коллективе, в словарь же включаются только наиболее распространенные названия.

2. Зарегистрированное в патентном ведомстве торговое название становится собственностью предприятия и охраняется законом. Фиксация названия в словарях может способствовать тому, что оно будет употребляться и по отношению к аналогичным изделиям, выпускаемым другими фирмами, поэтому руководители предприятий борются против введения этих названий в толковые и двуязычные словари. О влиянии данных социальных факторов на лексикографическую практику указывали A. Gardiner (1940, 52) и А.Л. Василевский (1971, 242).

Но даже включение торговых названий в корпус словаря не всегда свидетельствует о том, что его составители занимают четкие позиции относительно места торговых названий в лексическом пространстве. Например, в предисловии к словарю *Funk & Wagnalls* указывается, что названия медикаментов и других товаров (зарегистрированные и незарегистрированные в патентном ведомстве) даются в Словаре так, "как будто бы они – имена собственные". Иначе говоря, с одной стороны торговые названия в этом словаре приравниваются к именам собственным (написаны с прописной буквы), с другой стороны, отмечается,

что они не принадлежат к **ономастической** лексике ("к а к б у д т о б н" они - имена собственные - разрядка автора статьи).

В задачи настоящей работы входит: 1) анализ методики под-
дачи торговых названий в толковых словарях, 2) изучение ма-
териала выборки из словаря **Funk & Wagnalls (F & W)** с це-
лью выделения графических и словообразовательных типов тор-
говых названий, 3) сопоставление материала словаря **F & W**
с данными словаря **Webster (1967)** и др.

При обзоре словарных статей торговых названий в словаре
F & W обращает на себя внимание отсутствие унификации
основных помет: все торговые названия медикаментов имеют по-
мету **"proprietary name"**, см.: **Antrycide, Metrazol, Nu-
pergoaine**, а названия других видов товаров - помету **"trade
name"**, см. **Dictograph, Carborundum, Masonite**.

Место указанных помет в словарной статье может быть раз-
личным, например, **"proprietary name"** всегда находится в на-
чале дефиниции с последующим предлогом **for** или **of**: **"Iste-
rine n. Proprietary name for a weak antiseptic solution ..."**
(см. также **Demerol, Neosalvarsan, Dramamine** и др.); поме-
та **"trade name"**, наоборот, ставится после всех других данных
о названии (см. **Tarmac, Pyrex** и др.).^ж

Прежде чем перейти к анализу словарных дефиниций прагмо-
нимов, необходимо указать на то, что выбор модели определе-
ния имени собственного в толковом словаре всегда представлял
значительные трудности для лексикографа. Л.В. Щерба, напри-
мер, писал: "...Личные имена и клички... не могут иметь мно-
го определения, кроме того, что это 'одно из личных имен'
или 'одна из кличек'". И одновременно Л.В. Щерба допускал,
что такое имя как **Ньютон** может иметь следующее определение:
"один из гениальнейших умов человечества, заложивший основы
современного знания в области точных наук" (Щерба, 1940, 99).

Два первых примера словарных дефиниций, предложенных
Л.В. Щербой, можно рассматривать как образцы дефиниций имен
собственных для толковых словарей. Определение же имени **Нь-
тон** представляет собой вид энциклопедической дефиниции.^{жж} Ин-
тересно, что сам Л.В. Щерба в той же самой работе при обсу-
ждении вопроса о значении имени собственного вообще, указы-

^ж Для краткости здесь и в дальнейшем опускаются приводимые
в Словаре данные об этимологии и произношении.

^{жж} Об энциклопедической дефиниции см. **Mielczarek, 1972;**
Ступин, 1973.

вал, что "те сведения, которые даются в энциклопедиях, никоим образом не входят в это значение" (Щерба, 1940, 99).

В словаре F & W различаются два основных типа дефиниций прагмонимов:

а) Краткие дефиниции, содержащие только видовое название товара, для которого предназначено торговое название, например: "Polythene - n. Polyethylene, a trade name". Отметим, что иногда кроме одной из двух ранее названных помет, в словарной статье может быть дополнительное указание на то, что торговое название не является именем нарицательным, т.е. не предназначено для обозначения понятия. Для этой цели используются слова **brand** "марка" или **type** - "тип", "вид", включаемые в дефиницию, например: "Holocain n. - " Proprietary name for a brand of phenacaine", "Gramophone n. A type of phonograph: a trade name".

б) Дефиниции, содержащие не только данные о виде референта, но и дополнительные сведения об объекте; такие как: функция, конструктивные особенности, составные элементы и т. п. Например: "Multigraph n. A typesetting and printing machine in which the type is moved from typesetting drum to a printing drum: a trade name". "Tutocaine n. Proprietary name for an ivory-colored, odorless, crystalline compound $C_{14}H_{22}O_2N_2$, used as a local anesthetic".

Иллюстрация словарной статьи при помощи рисунка отмечается один раз (**Ononset hut**).

Сопоставление словарных определений прагмонимов, зарегистрированных в других словарях, показывает, что дефиниции для одного и того же прагмонима могут отличаться по типу. Например дефиниция прагмонима **Plasmochin** в словаре F & W содержит 15 слов и химическую формулу вещества, а то же торговое название в словаре Webster (1967) определяется как "trademark - used for pamaquine" (ср. в этих же словарях слово **Euribenzamine**). Попутно отметим, что в словаре Webster для торговых названий всех видов изделий, включая медицинские препараты, используется только помета "trademark".

Тот факт, что многие товары, для которых предназначены торговые названия, используются не в быту, а в определенной сфере производственной или научной деятельности, объясняет наличие в словаре F & W ряда помет, указывающих на область функционирования данного названия. Отмечаются следующие пометы: **Printing** для прагмонима **Monotype**;

Aeron - для **Holophane light**; **Electronics** - для **Twistor**;
Chem - для **Estron**. (При тех же прагмонимах эти пометы в
словаре **Webster** отсутствуют).

Указываемое в словаре **F & W** произношение прагмонимов
нередко отражает распространенность различной звуковой формы
одного и того же торгового названия. Так, для торговых наз-
ваний **Dioumarol**, **Lysol** словарь **F & W** приводит три виде
произношения, для **Sulfonal**, **Formica** - два вида.

Графическая форма некоторых прагмонимов, зафиксированных
в словаре **F & W** имеет специфические черты по сравнению
с общепотребительной лексикой: в американских и английских
торговых названиях наблюдаются разнообразные отклонения от
общепринятой орфографии, диктуемые как стремление сделать
название непохожим на ранее принятые, так и желанием прив-
лечь внимание к названию и, следовательно, к товару. Мате-
риал Словаря иллюстрирует следующие особенности написания
прагмонимов:

1. Допустимость использования заглавной буквы в начале
второго компонента сложного образования **Vary-Typer**.

2. Субституция графем, напр.: **c > k**: **Kleenex**, **Fabrikoid**.

3. Элиминирование графем, напр.: **ss > s**: **Plexiglas**.

Указанные типы графического преобразования языкового ма-
териала, использованного для прагмонимов как в отдельном ви-
де, так и в совокупности, чрезвычайно широко распространены
в прагмонимической лексике, не включенной в корпус словарей.
Так, на особую продуктивность замены именно **c > k** указывала
еще в 1913 г. **L. Pound** (1913, 35), **S. Jacobson** (1966) пос-
вятил специальную монографию описанию видов нарушения норма-
тивной орфографии в американских торговых названиях.

Прагмонимы, включенные в корпус словаря **F & W** иссле-
довались также на предмет выявления способов их создания.
Материал проиллюстрировал следующие пути образования торго-
вых названий:

1) Переосмысление. **Thermein** - торговое название музы-
кального инструмента, изобретателем которого является **L.**
Thermein. Прагмоним создан путем метонимического переноса
фамильного имени.

2) Создание словосочетаний (при их одновременной лекси-
кализации): **Dry Ice**, **Link trainer**.

Во втором случае **Link** - фамилия изобретателя аппаратуры,
для которой предназначено данное название. В состав словосо-

четания может входить и топоним, как в прагмониме **Quonset hut** (**Quonset** - город, где впервые было налажено производство сборных домов особого типа). Примером трехкомпонентного словосочетания является **Palm Beach cloth** - ткань.

Ш) Словосложение: **Wirephoto, Teleprompter, Firefoam** и др. Особенно продуктивными в словосложении оказываются морфемы греческого и латинского происхождения, такие как **graph-, tele-, photo, auto-, giro-, aqua-** и др. Между компонентами нередко отмечается соединительный гласный, например: **Addressograph, Graphophoto**.

IV) Компрессия одного слова: **Polythene < polythylene**.

У) Создание сложносокращенных слов следующих структур:

- 1) Инициальная аббревиатура (a+a+a):* **VAL < V(ritish) + A(nti) + L(ewisite)**.
- 2) Конечнорезанная основа + полная основа (a+R): **Graphalloy < graph(ite) + alloy XX**
- 3) Полная основа (связанная) + конечнорезанная основа (R+a): **Rugosegam < rug + o + segam(ic)**.
- 4) Стяжение (бленд) а) конечнорезанная + начальнорезанная основы (a+b): **Carboloy < carb(ide) + o + (alloy** (см. дефиницию: "A cemented tungsten carbide ..."); б) середина слова + конечнорезанная основа (o+a): **Lastex < (e)las(tic) + tex(tile)**.

VI) Деривация:

- 1) Суффиксальное оформление: **Twistor < twist+or; Foamite < foam + ite; Listerine < Lister** (фамильное имя) **+ ine**.
- 2) Префиксальное оформление: **Minitrack < mini- + track, XXX**

УП) Использование нескольких способов словообразования одновременно:

- 1) усечение + деривация: **Syrette < sur(inge) + ette**.
- 2) создание сложносокращенной основы + суффиксальное оформление: **Iodobismitol < iodo- + bism(uth) ("arbitrarily altered") + it (интерфикс) + ol**.

* В формулах сложносокращенных слов приняты следующие условные обозначения: **В** - полная основа, **а** - конечнорезанная основа, **в** - начальнорезанная основа, **с** - одновременно начальнорезанная и конечнорезанная основа.

XX В словарной статье для этого прагмонима, как и для многих других этимологическая справка не приводится, в таких случаях выводы об этимологии делаются на основании данных дефиниции.

XXX Префикс выделен Б. Фостером (см. **Foster, 1968, 180**).

Среди торговых названий, получивших распространение в США и введенных в словарь F & W, имеется и французское название *Dubonnet*, но его нельзя квалифицировать как заимствование, поскольку - это название французского вина.

При анализе словарных статей прагмонимов обращает на себя внимание регистрация вариантов торгового названия. Например: для названия *Superfortress* (тяжелый, 4-моторный бомбардировщик В-29) зафиксирован сокращенный вариант *Superfort*. Прагмоним *Levis* имеет вариант *Levi Strausses*.

Иногда разные словари регистрируют разные графические формы одного и того же прагмонима (ср. *Teleprompter* в словаре F & W и *TelePromTer* в словаре Webster).

Особое место среди торговых названий словаря F & W занимают слова, которые, несмотря на написание с заглавной буквы и специальную помету (*trade name, proprietary name*), фактически уже давно перешли из имен собственных в имена нарицательные, и Словарь, можно считать, отражает лишь их историю. К числу слов этого типа относятся: *Escalator, Nylon, Novocain, Duralumin, Linotype, Kodak, Gramophone, Teletype, Pullman, Aqua-Lung, Technicolor, Zipper* и др.

В Словаре иногда указывается на параллельно существующее написание заголовочного слова со строчной буквы, что является одним из признаков перехода имен существительных собственных в нарицательные, например, наряду с написанием *Aqua-Lung* Словарь дает: *aqualung*.

Webster, изданный на 4 года позже, чем F & W, уже регистрирует некоторые из вышеперечисленных названий как имена нарицательные - не сохраняет заглавную букву в заголовочном слове, например: *escalator, technicolor, mimeograph, autogiro* (*autogyro*), *zipper* и др. Но на происхождение этих слов из торговых названий указывается в словарной статье. Например: "*fr. Autogiro, a trademark*", "*fr. Zipper, a trademark*".

Историю перехода прагмонимов в имена нарицательные отчасти отражает датированное употребление торговых названий в текстах, приведенное в Оксфордском словаре (*The Oxford English Dictionary, 1970*). Анализ материала словаря показывает, что во многих случаях в более поздних цитатах наблюдается изменение формы, в которой прагмоним начинает функционировать в тексте (отсутствуют графические признаки торговых названий). Нижеприводимая сводная таблица содержит ряд при-

меров;

Год публикации	Форма названия	Год публикации	Форма названия
1901	'Adrenalin'	1922	adrenalin
1913	'Bakelite'	1921	bakelite
1907	'dictaphone'	1920	dictaphone
1910	'escalators'	1923	escalators
1922	'Monel metal'	1930	monel metal
1918	'The Multigraph'	1925	multigraph

Как показывает таблица, торговые названия через 7-13 лет после первой регистрации употребления в тексте начинают писаться со строчной буквы и теряют характерное оформление - кавычки. Это свидетельствует о том, что прагмонимы уже воспринимаются носителями языка как обычные имена нарицательные.

Следует обратить внимание на то, что некоторые прагмонимы, ассимилированные языком, участвуют в разнообразных словообразовательных процессах: **linotype** - **linotyper** - **linotypist**; возникают глаголы-конверсивы: **kodak** - **to kodak**; получают распространения аббревиатурные формы: названий: **Zipper**, **zipr**, **zip (n)**, **zip (v)** (см. F & W).

Переход прагмонимов в имена нарицательные происходит под влиянием ряда экстралингвистических факторов, наиболее важными из которых являются следующие: 1) предмет-носитель торгового названия обладает какими-то признаками, отличающими его от предметов того же класса (от других подъемных устройств, дыхательных аппаратов и т.п.); 2) предмет известен среди значительной части носителей языка; 3) устанавливается стабильное соединение названия с предметом, обладающим отличительными признаками.

Целый ряд прагмонимов, зафиксированных в словаре F & W, заимствован в русский язык, например: акваланг, граммофон, целлулоид, эскалатор, дюралюминий, диктофон, люминал, нейлон и др. Причиной заимствования послужило отсутствие в русском языке названий для новых понятий. В связи с этим указанные слова были сразу заимствованы не как имена собственные, а как имена нарицательные. Составители толковых словарей русского языка соответственно не находились в плену традиций и зафиксировали новые слова без особых помет. Следует заметить, что все перечисленные и многие другие однословные торговые

названия вошли в русский язык в транслитерированной форме, и только название - словосочетание калькировано: Dry Ice - сухой лед.

Пополнение словарного состава языка за счет прагмонимов делает изучение данного пласта лексики особенно актуальным, поскольку даже прагмонимы, не введенные в словари, могут рассматриваться как потенциальные лексические единицы общеупотребительной лексики.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Василевский А.Д. Некоторые вопросы ктематонимии. - В сб.: "Этнография имен". М., 1971.
- Ступин Л.П. Словари современного английского языка. Л., изд. ЛГУ, 1973.
- Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии. Известия АН СССР. 1940, № 3.
- Funk & Wagnalls. Standard Dictionary of the English Language. International Edition, NY. 1963.
В работе используется сокращение F & W или Словарь.
- Foster, B. The Changing English Language. N.Y., 1968.
- Gardiner, A. The theory of Proper Names. L., N.Y., Toronto, 1940.
- Gylden, Y. Rational construction of trade marks. "Statistical methods in linguistics", 1963, v.2.
- Jacobson, S. Unorthodox spelling in American trademarks. Stockholm, 1966.
- Mielczarek, A. Z zagadnień leksykografii encyklopedycznej, Warszawa, 1972.
- Pound, L. Word-coinage and modern trade-names. - "Dialect Notes", Vol. IV, part I, University of Nebraska, 1913.
- Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. Springfield, 1967.
- The Oxford English dictionary. Being a corr. re-issue with an introd., suppl., and bibliogr. of a New English dictionary on historical principles, founded mainly on the

materials collected by the Philol. soc. Ed by James A. H. Murray (s.o.), Oxford, Clarendon press, 1970.

PRAGMONYMS IN GENERAL DICTIONARIES

Z. Komolova

S u m m a r y

The number of pragmonyms (brand names) registered in general dictionaries is very small compared to the number of existing pragmonyms. The paper deals with the problems related to the lexicographic presentation of pragmonyms in three general dictionaries of the English language. Special attention is paid to the brand names that have changed over to common nouns, e.g. linotype, escalator, duralumin, teletype, dictaphone, aqualung, zip.

GRAMMATICAL TRANSFORMATION IN TRANSLATION

Urve Lehtsalu, Gustav Liiv

The term "transformation", borrowed from mathematics where it implies a process of altering the form of an expression without changing its value, has been recently applied in the theory of translation. Accordingly, translation has been defined as interlingual transformation (cf. e.g. Бархударов, 1975, 6).

Eugene A. Nida (1973, 9) suggests that in translating from one language into another the translator must go beyond mere comparison of corresponding structures and attempt to describe the mechanism by which the total message is coded, transferred and transformed into the structures of another language. He presents the work of the translator in terms of transformational generative grammar. E. Nida's theory of revealing the deep structure of a sentence on the level of kernel sentences has been supported by other linguists (cf. Швейцер, 1973, 34-43).

Transformation in translation may be regarded as involving the retention of an unchanged semantic invariant, i.e. the contents of the original, whereas the surface structure may undergo various changes (Бархударов, 1973, 60; Левинская, Фитерман, 1976, 4).

Grammatical transformations are caused by various reasons including purely grammatical ones, i.e. differences in the grammatical structures of the languages concerned, as well as lexical considerations.

Grammatical transformations may be divided into: 1) rearrangements, i.e. changes in the structure of the sentence, 2) substitutions (both morphological and syntactical), 3) additions and omissions (cf. Левинская, Фитерман, 1976, 7).*

Dealing with grammatical transformations the fact should be taken into consideration that a grammatical form cannot be treated apart from its lexical contents and the

---

* There are also other possibilities of classifying types of grammatical transformation (cf. e.g. Редкер, 1974, 9).

rearrangement of the sentence structure is often caused by lexical reasons. Besides, in English there are certain lexico-grammatical phenomena, such as various means of expressing causative and modal functions or adding emphasis to the utterance which have not been established as grammatical forms.

In the present article we shall give a brief survey of the most typical cases of rearrangements, substitutions, additions and omissions which one is likely to encounter when translating from English into Estonian. The illustrative material has been obtained from recent Estonian translations of British and American fiction.

Rearrangement in translation may be regarded as consisting in the changes in the order of linguistic elements in the target language as compared with the same in the source language. These elements may be words or clauses in a sentence or sentences in a text unit larger than a sentence.

Differences in word-order are often caused by the fact that in English the place of a word in the sentence is predominantly determined by its syntactic function, whereas in Estonian the functional sentence perspective is to a greater extent responsible for the place a word occupies in the sentence.

Although both in English and in Estonian the new information (i.e. the rheme) tends to be placed towards the end of the utterance, there are marked deviations from this general tendency in English. Thus the grammatical subject is often placed at the beginning of the sentence even if it carries the new information. Here the English articles have a distinguishing role. In Estonian, however, the grammatical subject which conveys the new information is mostly placed towards the end of the utterance, e.g.

A breeze came between sparse prickly bushes. (A.Sillitoe)

Hõredate okkaliste põõsaste vahel puhus kerge tuulehoog.

On the other hand, adverbials are transferred towards the beginning of the utterance if they do not represent the rheme, e.g.

Primroses grew to each side of the track. (A.Sillitoe)
Kummalgi pool teerada kasvas nurmenukke.

This type of rearrangement is also stimulated by the fact that in Estonian the word order 'adverbial/object - predicate - subject', which is sometimes called inversion, presents an almost equally frequent sentence structure as compared with the structure 'subject - predicate - adverbial/object', and does not necessarily involve any emotional charge (Valgma, Rimmel, 1965, 253).

Adverbials expressing the rheme, however, generally undergo no transformation, as they tend to be placed towards the end of the utterance in both languages, e.g.

He stood behind his desk in the far end of the dim room. (E.Hemingway)

Ta seisis oma puldi taga, hāmara ruumi tagaseina ääres.

In sentences with several adverbials rearrangements are sometimes caused by the fact that in English certain adverbs form word-combinations with the verb they modify and can thus not be separated from their head-word, whereas in Estonian the arrangement of adverbials is dominated by the amount of information which tends to increase towards the end of the utterance, e.g..

They went back along the gravel path. (E.Hemingway)
Nad läksid mööda kruusateed kõnniteele tagasi.

Direct speech, adverbial clauses or constructions with verbals usually entail rearrangement of the word-order of the main clauses in the Estonian translation, e.g..

"When did you get back," Michael asked. (I.Shaw)

"Millal te tagasi jõudsite?" küsis Michael.

The tendency to place the new information towards the end of the utterance entails also rearrangement of clauses within a composite sentence, e.g.

I slept in the garage the night he died. (J.Salinger)

Tol ööl, kui ta suri, magasin ma garaazis.

Roger was still up when Noah got home. (I.Shaw)

Kui Noah koju jõudis, oli Roger ikka veel üleval.

Substitution constitutes a most frequent type of interlingual transformation. Substitution involves changes in

grammatical forms of words, parts of speech, parts of the sentence and types of syntactical relations.

Substitutions of the grammatical form of the word include changes in the number of nouns, e.g..

Women get these notions in their heads. (F.S.Fitzgerald)

Naised võtavad endale idee pähe.

Translation of the verb entails various substitutions. Changes in the aspect and the voice are most typical, changes in tense forms are often accompanied with lexical changes. The continuous aspect is generally rendered by the common aspect, e.g.

It was raining. (E.Hemingway)

Sadas vihma.

George was reading again. (E.Hemingway)

George luges jälle raamatut.

The passive voice is often replaced by the personal form of the verb, e.g.

The door was opened by a middle-aged Chinese woman.

(W.S.Maughan)

Ukse avas keegi vanaldane hiinlane.

Substitution of parts of speech is another typical type of transformation. As there is no article in Estonian, the English article is replaced by some other part of speech according to its additional semantic function, e.g.

You forget there's a lady present. (F.S.Fitzgerald)

Sa unustad, et siin toas viibib ka üks daam.

Anyway, it was the Saturday of the football game with Saxon Hall. (J.D.Salinger)

Igatahes algas see lugu tol laupäeval, kui meil oli jalgpallivõistlus.

Personal pronouns are often replaced by corresponding nouns in order to avoid ambiguity, e.g.

I think they were very much in love, my mother and father. She used to cry every time he went away. (T. Capote)

Arvan, et mu ema ja isa armastasid teineteist väga.

Ema nuttis alati, kui isa külmuskappe müüma läks.

A noun with the agent-forming suffix is frequently replaced by a verb, e.g.

She is a dancer, I said. (J.D.Salinger)

Ta tansib hästi.

Naturally I never told him I thought he was a terrific whistler. (J.D.Salinger)

Mina muidugi ei öelnud talle, et ta nii vahvalt vilitab.

Syntactic substitutions include changes in the types of parts of the sentence. A phraseological predicate in English is often replaced by a simple verbal predicate in Estonian, e.g.

She gave her father a hug. (J.Galsworthy)

Ta kaelustas oma isa.

A simple verbal predicate may sometimes be replaced by a compound one, e.g.

The mountainside sloped gently where he lay. (E.Hemingway)

Mäeveer oli siin, kus ta lamas, lauge.

Another characteristic type of grammatical substitution is the replacing of one part of the sentence by another. A subject expressed by a noun denoting a lifeless object may be replaced by an adverbial modifier, e.g.

The moment found Emily without reply. (J.Galsworthy)

Nüüd ei osanud Emily vastata.

Adverbial modifiers expressed by verbals are frequently replaced by another predicate, e.g.

George was on the bed, reading. (E.Hemingway)

George oli voodis ja luges.

The American wife stood at the window, looking out. (E.Hemingway)

Ameeriklanna seisis akna juures ja vaatas välja.

The most characteristic type of substitution on the word-combination level is the replacing of attributive word-combinations by verbal-adverbial ones, e.g.

She had a momentary feeling of being of supreme importance. (E.Hemingway)

Hetke kestel tundis naine, et ta on ülimalt tähtis.

A little smile became settled in his beard. (J.Galsworthy)

Ta naeratas tasakesi oma habemesse.

Substitutions include various changes in types of sentences. A simple sentence including a complex with verbals is often replaced by a complex sentence, e.g.

You can't expect me to believe a word you say. (J.Galsworthy)

Sa ei või oodata, et usuksin üht sõnagi su jutust.

He rose, his heart pushing him towards something more modern. (J.Galsworthy)

Ta tõusis püsti, sest ta süda kiskus teda millegikaas-
aegsema poole.

Simple sentences with complicated postpositive attributes are, as a rule, replaced by complex sentences with attributive clauses, e.g.

It was a dreary cell in a rooming house on 28th Street, with damp walls and bugs and the toilet pipes roaring above his head. (I.Shaw)

Ta elas viletsas keldris kahekümne kaheksandal tänaval, mõbleeritud toas, mille seinad olid niisked, mis oli lutikaid täis ja kus käimlatoru mürises pea kohal.

The opposite tendency, a complex sentence replaced by a simple one, is less characteristic in translating from English into Estonian. One of the reasons for this type of transformation may be the tendency in Estonian to avoid repeating the same verb in two successive predicates, e.g.

Even though it was so late, old Ernie's was jam-packed. (J.D.Salinger)

Hilisele tunnile vaatamata oli Ernie lokaal puupüsti täis.

Omissions, which are prevalently due to lexical reasons (see Lehtsalu, Liiv, 1976, 60-61), may sometimes be caused by differences in the grammatical structures of the languages concerned. Some parts of the sentence may appear to be redundant from the point of view of the target language. For instance, English possessive and demonstrative pronouns with little semantic function (also called 'redundant pronouns') are usually omitted in translation, e.g.

He clenched his fists and they were so hard and hairy as coconuts. (T.Capote)

Ta tõmbas käed rusikasse ja need olid kõvad ja karvased nagu kookospähklid.

Seaton sat in his cap and coat. (A.Sillitoe)

Seaton istus mütsis ja palitus.

Repetition of conjunctions (polysyndeton), which is characteristic of certain British and American authors, would be ungrammatical from the point of view of the Estonian language. The translator therefore has to resort to at least partial omission, e.g.

All you do is make a lot of dough and play golf and play bridge and buy cars and drink Martinis and look like a hotshot. (J.D.Salinger)

... siis sa ei tee muud kui ajad raha kokku, mängid golfi ja bridži, ostad autosid, jood martinit ja püüad näida kange asjamehena.

In conversation full sentences are transferred into elliptical ones with the repeated parts being left out, e.g.

"I must see you, Alice," I said. "Must you really?" (J.Braine)

"Pea sinuga kokku saama, Alice." "Kas tčesti?"

"Can you remember when it was a mill?" Marjorie asked.

"I can just remember," Nick said. (E.Hemingway)

"Kas sa toda aega mäletad, kui seal veel lauavabrik oli?" küsis Marjorie. "Vaevu, vaevu," vastas Nick.

Similar to omissions, additions are also mostly caused by lexical reasons (see Lehtsalu, Liiv, 1976, 58-60). There are, however, also differences in the syntactic structures of English and Estonian which may entail additions in translation. For instance, nominative sentences are often changed into two-member sentences in translation, e.g.

No other way. (J.Galsworthy)

Ei olnud teist teed.

Actors, Michael thought. (I.Shaw)

"Näitleja on näitleja," mõtles Michael.

In the former example the negative construction seems to be responsible for the transformation. The latter example serves to illustrate transformation caused by the emotional charge of the English nominative sentence.

Several successive nominative sentences are generally replaced by two-member sentences, e.g.

Bleak and dark the January night; little sound of traffic; a frost coming; a star or two. (J.Galsworthy)
Sünge ja pime oli jaanuariöö; kuuludus nõrka liiklemiskära; tundus külma lähenemist; paar tähte vilkus taevas.

The knowledge of the most typical kinds of transformation enables the translator to avoid violating the standards of the target language and thus contributes to achieving adequacy in translation.

R E F E R E N C E S

- Lehtsalu, U., Liiv, G. Lexical transformation in translation. - *Linguistica*, VIII. Tartu, TRÜ, 1976, 55-62.
- Nida, E.A. *Towards a Science of Translation*. New York 1973.
- Valgma, J., Remmel, N. *Eesti keele grammatika*. Tallinn 1968.
- Бархударов Д.С. К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения. - *Вопросы языкознания*, 1973, №3.
- Бархударов Д.С. *Язык и перевод*. М., 1975.
- Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. *Проблемы перевода*. М., 1976.
- Рецкер Я.И. *Теория перевода и переводческая практика*. М., 1974.
- Швейцер А.Д. *Перевод и лингвистика*. М., 1973.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ

У. Лехтсалу, Г. Лийв

Р е з ю м е

Под трансформацией подразумевается изменения в переводе, сделанные по стилистическим, лексическим или грамматическим соображениям. Грамматическая трансформация в переводе включает следующие подгруппы: перестановка (т.е. изменения в структуре предложения), замещение (морфологические и синтаксические субституции), прибавления и пропуски. Грамматические изменения рассматриваются в тесной связи с лексической трансформацией, так как в английском языке имеется целый ряд так называемых лексико-грамматических феноменов. Грамматические изменения в настоящей статье анализируются на иллюстративном материале из современной английской и американской литературы.

РОЛЬ МЕСТОИМЕНИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ АБЗАЦА В АРАБСКИХ
ТЕКСТАХ ДВУХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ
(ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО)

М.А. Мещерякова

Любой текст, являясь внутренне организованным целым, характеризуется сложной иерархической системой отношений, составляющих его компоненты. Одним из важных компонентов текста, несомненно, является абзац, который выделяется интонационно и графически.

С точки зрения внутренней структуры абзац представляет собой систему контактно расположенных предложений.* Совершенно очевидно, что предложение как компонент абзаца, вступающая в его структурные отношения, в некоторой степени теряет свою самостоятельность. Это обусловлено организацией абзаца как одного из составляющих компонентов текста, что достигается за счет ряда средств, относящихся к разным уровням языковой системы.

Данная статья посвящена вопросу о выявлении и анализе средств организации абзаца как структурного целого. При этом предполагается, что слова входящие в предложения, также влияют на формирование абзаца, с одной стороны, и на организацию функционального стиля - с другой. Предмет исследования в данной статье ограничивается анализом роли местоимений в организации структурной целостности абзаца и их функции в формировании различных функциональных стилей. Таким образом, абзац служит для нас рамочной единицей стилистического варьирования текста. Анализ абзаца не ограничивается формальным аспектом, а включает и решение вопросов актуального членения.

С точки зрения актуального членения в абзаце мы выделяем тематическую часть (введение темы повествования), основную (развитие темы) и результативную (новое в повествовании).**

* Подобной точки зрения придерживаются Фридман Л.Г. (1975), Сильман Г.И. (1967), Сергова Н.И. (1967) и другие авторы.

** Тема исследования абзаца с точки зрения его актуального членения разрабатывается в некоторых работах, посвященных проблеме лингвистики текста и созданных в последние годы (см. Материалы научной конференции МГПИИЯ им. М. Тореза, "Лингвистика текста", 1974).

Материалом для исследования является сборник статей, эссе и коротких новелл современного палестинского поэта и писателя М. Дервиша. Эта книга написана в двух основных функциональных стилях - художественном и публицистическом. Исследование на таком материале дает основание распространить выводы не на один случайно выбранный функциональный стиль, а не весь текст данного автора.

Местоименными мы считаем такие слова, как ^{الذي} "я" ^{أنا} "который"; ^{ما} "что" ^{من} "кто"; ^{هؤلاء} "эти" ^{هو} "его"; ^ت "я" ^ت "ты (м.р.)" ^ت "ты (ж.р.)" В связи с этим возникает вопрос, к какой категории слов отнести такие элементы, как ^{أنا} я; ^{أنت} Ты (м.р.) ^{أنت} ты (ж.р.) и т.д. в позиции сказуемых ^{كُتِبَ} я написал ^{كُتِبْتَ} - ты написал; ^{كُتِبْتِ} - ты написала и т.д. Известно, что арабские грамматисты в качестве местоимений выделяют не только элементы, которые по терминологии европейской традиции, представляют отдельные слова, но и элементы, представляющие части слова или морфемы.

Итак, если с точки зрения европейской традиции ^{كُتِبْتُ} одно слово, и, следовательно, ^ت морфема, то в арабской грамматической традиции ^{كُتِبْتَ} рассматривается в качестве синтаксической конструкции и, следовательно, ^ت как отдельное слово. В данном исследовании принимается точка зрения арабских грамматистов.

Исследование абзацев в текстах разных функциональных стилей показало, что местоимения выполняют функцию ключевых слов, формирующих абзац и заменяющих члены тематической его части в двух других. Так, например, тематический член тематической части абзаца ^{قضية الشعب العربي} "проблема арабского народа". Этот тематический член в основной и результативной частях воспроизводится следующим образом:

^{قضيتهم}	"их проблема"
^{عز لهم}	"их (арабов) изоляция"
^{إنتساءهم}	"их принадлежность"
^{طردهم}	"прогнать их"

Особенность употребления местоимений в арабском языке заключается в том, что они, заменяя любое слово в значении определенности, выполняют функцию передачи известного слушателю. Кроме того, исключительность "поведения" местоимений в рамках абзаца выступает в том, что оно может заменить любое имя и в позиции неопределенности, актуализируя его в извест-

ное для адресата слово.

Таким образом, местоимения способствуют актуализации синтаксической схемы без нагрузки лексической. При этом местоимение выполняет функцию анафоры. Именно в силу этого обстоятельства, не давая экспликации, они отсылают к той или иной части текста.

Нередко слитными местоимениями с частицами начинается результативная часть. Местоимение в таком случае воспроизводит тематическое подлежащее тематического предложения и актуально выделяет новое в абзаце. Так, в результативном предложении *إنه فضل إسرائيلى لاكم* "Это - вина Израиля, а не его заслуга" слитное местоимение 3-го лица, присоединяемое к частице *إن* является субститутутом подлежащего тематической части абзаца *تطور المجتمع العربى* "развитие арабского общества".

Другие местоимения вместе с частицами также выполняют функцию актуализации подлежащего тематической части или других ее компонентов в результативном предложении, как например: *وهم* "... и они", *هكذا هم* "так они", *لعلهم* "возможно они", *ها هى* "это и есть" и т.д.

Нами был произведен подсчет местоимений всех типов, а также других категорий слов, участвующих в организации абзаца в самостоятельную единицу. Оказалось, что относительно других разрядов слов в абзаце, местоимения находятся на первом месте по численности. Думается, что такая продуктивность местоимений связана во-первых, с разнообразием типов местоимений, во-вторых, с многочисленностью их синтаксических функций. Так, личные местоимения выступают подлежащими *أنا عربى*

"Я - араб". Указательные местоимения могут быть квалифицированы как определения: *هذا الطالب* "Этот студент", слитные местоимения могут являться вторым членом генитивной конструкции "их изоляция", а относительные местоимения - либо подлежащим, либо каким-нибудь другим членом предложения: *القضية التى نطرحها* "проблема, которую мы обсуждаем".

Различие синтаксических позиций, занимаемых местоимениями в абзаце связано с его структурой. Важная роль местоимений в организации структуры абзаца объясняется, вероятно, еще и тем, (как упоминалось выше), что только местоимение, обладающее значением определенности, может заменить любой из членов тематической или основной части абзаца и актуализировать его в результативной.

При наблюдениях над местоимениями в рамках абзаца было

обращено внимание на анафоричность их поведения в его структуре

"ليس هناك ما يشبه حالة الاقلية العربية في إسرائيل" هكذا قالت صحيفة معرب: إن هذه الاقلية تعيش، جغرافياً، بالقرب من وعدة الشعب الأم. إنها جديدة في وضعها كاقلية. لهذا ما زالت تذكر أنها كانت تشكل الاكثية قبل ٢٠ سنة. إنها تعيش في بلد يعين حالة حرب مع أبناء شعبها. إنها تعيش في ظل خوف الاكثية من أن تصبح الاقلية اكثية.

"В мире нет ничего похожего на положение арабского меньшинства в Израиле", - так пишет газета "Маариб". Это меньшинство расселено вблизи своих соотечественников. Оно молодо как меньшинство. Поэтому оно все еще помнит, как 24 года тому назад оно составляло большинство населения. Сейчас это меньшинство живет в стране, находящейся в состоянии войны с его соотечественниками". Этот абзац показывает, как местоимение 3-го лица женского рода с частицей إن систематически повторяется в рамках абзаца в начале основной и результативной его частей, воспроизводя тематическое подлежащее "меньшинство". Такой систематический повтор местоимений играет определенную роль в организации системных отношений внутри абзаца.

Различное употребление местоимений в абзаце способствует формированию функциональных стилей. Наблюдение над стилистическим употреблением местоимений в абзаце проводилось в двух аспектах: качественном и количественном. При качественном анализе были отмечены следующие основные моменты:

1. Если абзац "ломает" структуру нейтрального повествования, (не от автора) и начинается авторскими словами (от 3-го лица), то вводится функциональный стиль художественной прозы. Характерным для этого часто является повторение глаголов в форме 3-го лица ("он сказал", "они рассказали", "они увидели"). В таком абзаце, как правило, результативная часть дается в самом его начале и, видимо, в предложениях побочных линий почти всегда отсутствует местоимение. Нет развертывания темы, результат дан вначале. В подобных абзацах высок процент местоимений, имплицитно выраженных в глаголе.

2. Смена абзацев, сопровождаемая сменой местоимений и глагола иногда сопровождается появлением другого функционального стиля.

I هم الصوم والكلام ...
 وهم الذين يحددون لنا ما هو "الوطن"
 تخرج مع موسى من مصر مارياً. تضرب البحر بعضاً ينشق
 البحر يجر بني إسرائيل، ثم يلتهم البحر أعداءهم. تبقى في صحراء
 سيناء أربعين عاماً، تتصالح مع الرب، وتعود.

II
 III هم الصوم والكلام
 وهم الذين يحددون لنا ما هو "الوطن"
 IV جلس تيودور هرتزل وفكر بصير شعبه العظيم، الف الفكرة الصهيونية
 التي هي الطريق الوحيد إلى أرض الناصح الوحيد.

I. "Они - соперники и господа

Они - законодатели "родины"

2. Спасаетесь бегством Моисея. Усмирять море палкой, и оно расступается. Сыновья Израиля проходят. Потом море пожирает их врагов. Остаешься в Синайской пустыне 40 лет, примираешься с ветром и возвращаешься.

III. Они - соперники и господа

Они - законодатели "родины"

IV. Теодор Герцель сел и задумался о судьбе своего преследуемого народа. Он сичнил сионистскую теорию, которая является единственным путем к земле единственного спасения ...
 Лишь возвратясь на землю своих предков, евреи выполняют свое предназначение и возложенную на них историей миссию".

Эти четыре абзаца иллюстрируют вышеуказанное положение.

I абзац - ритмическая проза. II абзац - художественная проза. III абзац - ритмическая проза. IV абзац - публицистический текст.

Введение 2-го глагольного лица во II абзаце символизирует переход к новому функциональному стилю - авторскому монологу. Введение IV абзаца глаголами в форме 3-го лица говорит о появлении еще одного функционального стиля - стиля публицистики.

3. В результате исследования абзацев в произведениях разных жанров и стилей сборника М. Дервиша установлено, что при смене литературно-художественного стиля на публицистический новый абзац начинается другим глагольным временем и другим местоимением, выраженным в форме глагола.

4. В рамках абзаца публицистики одно местоимение выступает как элемент, цементирующий абзац и влияющий на внутрисистемные отношения внутри него. Одно и тоже местоимение, как правило, не переходит из одного абзаца в другой. Лишь в том случае, когда следующий абзац тематически развивает пре-

дыдущий и имеет тематическое подлежащее первого абзаца, местоимение остается прежним. Из всех наблюдаемых абзацах такие случаи оказались чрезвычайно редкими.

Употребление местоимений в литературно-художественных стилях связано со спецификой этого стиля (количеством действующих лиц, прежде всего). Что касается роли местоимений в системных отношениях компонентов абзаца, то и тут эта роль достаточно важна.

Основной функцией местоимения является его анафорическая функция. Выполняя свою первичную, т.е. анафорическую, функцию, местоимение устанавливает связь между разными частями абзаца и способствует организации абзаца как целого. Местоимение, будучи элементом предложения, выходит за его пределы через систему иерархических отношений абзаца.

Однако, функционирование одного местоимения в его анафорических вариантах не всегда заканчивается рамками абзаца. Будучи одним из его компонентов, местоимение, в свою очередь, выходит за пределы абзаца через систему иерархических отношений текста. Связь данного функционирования со спецификой внутренней структуры абзаца и всего текста, с одной стороны, и функциональными стилями - с другой, нуждается в дальнейшем исследовании.

Местоимение принимает участие в организации абзаца в двух основных функциональных стилях рассматриваемой книги (в публицистическом и литературно-художественном). Исследование показало, что в обоих функциональных стилях они являются наиболее употребительными словами по сравнению с именем, глаголом, частицей. Вопрос о специфике, функции местоимений в разных функциональных стилях нуждается в уточнении. Предварительный анализ дает основание полагать, что функционирование местоимений в известной степени связано с формированием разных функциональных стилей арабского текста.

ЛИТЕРАТУРА

Материалы научной конференции МГПИИЯ им. М. Тореца, "Лингвистика текста", М., 1974.

Сергова Н.И. О некоторых вопросах функциональной перспективы предложения в терминах сверхфразовых единств, В.Я., 1967, № 3.

Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967.

Фридман Л.Г. К вопросу о сверхфразовых единицах (на материале немецкого языка), сб. "Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков", 1975.

THE ROLE OF PRONOUNS IN THE ORGANIZATION OF THE PARAGRAPH IN ARABIC TEXTS BELONGING TO TWO FUNCTIONAL STYLES

M. Meshcheryakova

S u m m a r y

The analysis is based on texts by a contemporary Palestinian author representing the styles of belles-lettres and publicistic writing. The stylistic use of pronouns is examined from the qualitative and quantitative aspects. Relevant questions of functional sentence perspective are also discussed. Preliminary results show that in the two styles mentioned the pronoun affects the structure of the paragraph as well as its style. Because of its anaphoric function the pronoun contributes to the structural organization of a paragraph and due to hierarchical relationships within a text it likewise influences the latter as a whole.

ZUR FUNKTIONALSTILISTISCHEN CHARAKTERISTIK
DES DEUTSCHEN PASSIVS

A.A. Mirsky

Die verbale Genusform Passiv gehört in den problematischen Bereich der deutschen Gegenwartsgrammatik. Die deutlich hervortretenden Meinungsverschiedenheiten der Sprachforscher beziehen sich auf die Erschließung des Inhalts, des kommunikativen und stilistischen Wertes und auf den theoretischen Status dieser komplizierten sprachlichen Erscheinung (Admoni, 1972, 177; Duden-Grammatik, 1959, 114; Glinz, 1961, 369; Jung, 1966, 233; Schmidt, 1965, 201; Beneš, 1967, 23 u.a.).

Der vorliegende Artikel stellt sich zum Ziel, die Passivstrukturen aus funktionalstilistischer Sicht zu betrachten, d.h. die Spezifika der Funktionalstile der deutschen Gegenwartssprache vom Standpunkt der Verteilung dieser Strukturen aus mit Hilfe der linguistischen Statistik nachzuweisen.

Dabei werden die Passivstrukturen bzw. Passivkonstruktionen als selbständige sprachliche Erscheinungen aufgefaßt und nach der Zahl der sie konstituierenden Glieder klassifiziert (vgl. auch: Гyxман, 1964, 3; Moskalskaja, 1975, 134).

1. Eingliedrige Passivkonstruktionen,
z.B. Es wird heute viel getanzt.
(Unpersönliches Passiv)

Das Satzobjekt fehlt in dieser Konstruktion, aber es ist durch das unpersönliche "es" vertreten. Formell ist der Satz zweigliedrig, doch die Genusstruktur bleibt eingliedrig.

2. Zweigliedrige Passivkonstruktionen,
z.B. Diese Methode wird oft verwendet.

Diese Konstruktion ist zweigliedrig und kann als persönliches Passiv ohne Angabe des Agens angesehen werden.

3. Dreigliedrige Passivkonstruktionen,
z.B. Er wird vom Lehrer gelobt.

Die genannte Struktur besteht aus drei Gliedern und ist

ein persönliches Passiv mit Angabe des Agens. Das Satzsubjekt ist in der Regel Gegenstand der Äußerung, besitzt also den Themawert, während der Rhemawert dem Objekt zukommt (vgl. Beneš, 1967, 23).

4. Wir schließen uns der Meinung von E. Schendels und W.W. Wytschegshanin an und betrachten die passivische Konstruktion "sein + Part. II" als ein selbständiges Genus verbi, als Zustandspassiv bzw. Stativ (Высегжанн, 1972). Dieses Genus verbi (das Stativ) drückt einen statischen Zustand aus, der die Folge, das Resultat eines vorübergehenden dynamischen Vorganges ist, d.h. der Zustand muß als nichtprozessuales Resultat eines prozeßhaften Vorganges angesehen werden, z.B.: Das Fenster ist geöffnet.

Als sprachliches Material dienen Stichproben aus den Texten der schönggeistigen Literatur, der Presse (Zeitung "Neues Deutschland") und der wissenschaftlichen Prosa (wissenschaftliche Zeitschriften). Die Texte der drei genannten Stilarten werden nach der Häufigkeit des Vorkommens der Passivkonstruktionen untersucht. Der Gesamtumfang der Stichproben beträgt 2700 Beispielsätze, also ist jeder zu untersuchende Funktionalstil durch 900 Beispielsätze repräsentiert.

Zur Ermittlung der Signifikanzen wurde der χ^2 -Test verwendet (Tuldava, 1970, 163 ff.). Dabei werden die χ^2 -Werte überall auf Grund der absoluten Häufigkeiten (m) errechnet.

Die obengenannten Arten der Passivkonstruktionen werden nach ihrem Vorkommen in den Texten der drei Stilarten analysiert. Die durch das Experiment gewonnenen Daten sind ein Ausgangspunkt für die weitere Auswertung der Häufigkeitsangaben im Sinne ihrer formalen und inhaltlichen Interpretation.

In der folgenden Tabelle werden die Häufigkeiten des Gebrauchs der Passivkonstruktionen in den drei Funktionalstilen aufgeführt (Tabelle 1):

Tabelle 1

Konstruktion	Sch.Lit.		Presse		Wiss.Prosa		$\bar{p} \%$	χ^2
	m	p %	m	p %	m	p %		
Passivfälle (insgesamt)	60	6,7	214	28,2	402	44,6	26,5	358 ⁺⁺⁺

Der χ^2 -Test zeigt, daß die Unterschiede im Gebrauch des Passivs in der ganzen Reihe hochsignifikant sind. Aus der Tabelle ist es ersichtlich, daß die relative Häufigkeit der Passivstrukturen im Stil der schöngeistigen Literatur von den entsprechenden Häufigkeiten des Stils der Presse und besonders des Stils der wissenschaftlichen Prosa abweicht. Der Pressestil scheint in dieser Hinsicht eine Zwischenstellung einzunehmen, doch es darf nicht unbemerkt bleiben, daß er dem wissenschaftlichen Stil näher steht.

Die einzelnen Passivstrukturen verteilen sich in den Texten der zu analysierenden Stiltypen folgenderweise (Tabelle 2):

Tabelle 2

Die Verteilung der einzelnen Passivkonstruktionen in den drei Funktionalstilen

Konstruktion	Sch.Lit.		Presse		Wiss.Prosa		$\bar{p} \%$	χ^2
	m	p %	m	p %	m	p %		
1-gliedriges Passiv	6	0,7	14	1,7	20	2,2	1,5	7,61 ⁺⁺
2-gliedriges Passiv	52	5,8	207	23,0	325	36,1	21,6	246 ⁺⁺⁺
3-gliedriges Passiv	5	0,6	41	4,6	63	7,0	4,1	48,2 ⁺⁺⁺
Stativ	26	2,9	37	4,1	86	9,6	5,5	40,8 ⁺⁺⁺

a) Hinsichtlich des Gebrauchs der eingliedrigen Passivkonstruktionen sind die Unterschiede statistisch signifikant. Es soll bedeuten, daß die verglichenen Stile untereinander nicht homogen sind. Im Stil der Wissenschaft kommen die

eingliedrigen Passivkonstruktionen häufiger vor als im Stil der schönggeistigen Literatur. Dieselben Unterschiede sind aber im Stil der Presse und im Stil der wissenschaftlichen Prosa nicht signifikant (p ist entsprechend 1,7% und 2,2%; $\bar{p}\% = 1,95$, $\chi^2 = 1,06$).

b) Die Unterschiede in der Verwendung der zweigliedrigen Passivstrukturen sind in allen drei Stilen hochsignifikant. Gerade sie werden in allen Stiltypen am meisten verwendet. Ihr Prozentsatz im Stil der schönggeistigen Literatur ist bedeutend geringer als der im Stil der Presse, und noch geringer scheint er im Vergleich mit dem Stil der wissenschaftlichen Prosa zu sein.

c) Aus dem Gebrauch der dreigliedrigen Passivkonstruktionen resultieren hochsignifikante Änderungen. Ihr Prozentsatz im Stil der schönggeistigen Literatur ist geringer als im Stil der Presse. Durch eine größere Zahl sind sie im Stil der wissenschaftlichen Prosa im Vergleich mit dem Stil der Presse vertreten (p ist entsprechend 4,6% und 7,0%; $\bar{p}\% = 4,1\%$, $\chi^2 = 4,66^+$).

d) Die gewonnenen Daten zeigen, daß die wissenschaftliche Prosa häufiger zum Stativ greift als die Presse und die schönggeistige Literatur. In den letzteren zwei Stilarten verteilt sich das Stativ fast gleichmäßig (p ist entsprechend 2,9% und 4,1%; $\bar{p}\% = 3,5\%$, $\chi^2 = 1,96$). Es soll heißen, daß die eben genannten Stile in dieser Hinsicht einer Grundgesamtheit angehören.

Die besprochenen statistischen Angaben veranlassen zu ihrer sprachtheoretischen Auswertung:

1. Man kann den Stil- und Sprachforschern zustimmen, wenn sie behaupten, daß dem Passiv ein Platz im wissenschaftlichen Stil angewiesen ist (Riesel, Schendels, 1975, 132). Eine bedeutende Häufigkeit der Passivkonstruktionen in diesem Stil kann wohl durch seine Spezifik selbst erklärt werden. Der Inhalt und das Ziel der Beschreibung in den wissenschaftlichen Texten fordern, daß die Aussage unpersönlich, meistens inaktivisch gestaltet wird. Es handelt sich um Prozesse und Gegenstände, die in der Regel verallgemeinert sind. Die Erwähnung der beteiligten Person ist dabei unwesentlich, die "lexische Information über das Subjekt" (Тимо-

логия ... , 1974, 45) würde nur die Aufmerksamkeit ablenken und die Aussage überladen.

2. Eine relativ weite Verbreitung der Passivstrukturen im Stil der Presse kann durch die gesellschaftlich-politische Thematik seiner Texte begründet werden, wobei der Urheber oft eine kollektive Bedeutung hat. In solchen Fällen kommt es mehr auf die Tatsache selbst an als auf den Täter, der unausgedrückt, d.h. nicht genannt bleiben kann.

3. Eine geringere Verbreitung des Passivs im Stil der schöngeistigen Literatur läßt sich dadurch erklären, daß hier die handelnde Person in den Vordergrund gerückt wird, was seinerseits den Gebrauch der finiten Verbalformen des Aktivs verursacht. Die Nennung der handelnden Person aktiviert den Sachverhalt, verstärkt das Interesse des Lesers für den Inhalt des Textes.

4. Die eingliedrigen Passivkonstruktionen (das unpersönliche Passiv) sind durch den geringsten Prozentsatz in allen untersuchten Funktionalstilen vertreten. Es soll heißen, daß das Ziel der Kommunikation in den meisten Fällen darin besteht, nicht nur den Prozeß zu nennen, was beim unpersönlichen Passiv der Fall ist, sondern auch das Objekt der Handlung zu erwähnen. Diese Funktion übernimmt eine andere, nämlich die zweigliedrige Passivkonstruktion.

5. Die zweigliedrigen Passivstrukturen sind am zahlreichsten im Stil der wissenschaftlichen Prosa (36,1%) vorzufinden. Man kann annehmen, daß das zweigliedrige Passiv eine Idealform für den wissenschaftlichen Stil ist, mit seinen Feststellungen verallgemeinerten Charakters, Beschreibungen der Denkresultate oder Ergebnisse von Experimenten usw. Diese Form des Passivs trägt zur akademischen Sachlichkeit einer wissenschaftlichen Darlegung, die von jedem subjektiven Einfluß befreit werden soll.

Im Stil der Presse, in dem das Subjekt sehr oft eine kollektive Bedeutung hat oder unbekannt ist oder nicht genannt werden darf, ermöglicht die zweigliedrige passivische Konstruktion eine subjektlose Gestaltung der Aussagen.

6. Die gewonnenen Daten über die Verteilung des dreigliedrigen Passivs (Tabelle 2) nach den drei Stilarten besagen, daß diese Konstruktion nicht in solchem Maße für die

Stile charakteristisch ist wie das zweigliedrige Passiv. Trotzdem kann man von der Tabelle 2 ablesen, daß sie im Stil der Presse und besonders im Stil der wissenschaftlichen Prosa häufiger vorkommt als im Stil der schöngeistigen Literatur. Mit der Wahl dieser schwerfälligen Konstruktion wird eine übersichtliche strukturelle Organisierung der Satzaussage erzielt, das Objekt als Ausgangspunkt der Handlung wird am Satzanfang gestellt, wodurch sich "die funktionale Satzperspektive" verändert (Beneš, 1967, 23).

7. Die Sätze mit dem Stativ erscheinen im Stil der wissenschaftlichen Prosa häufiger als in den anderen zwei Stiltypen. Das Stativ bringt kein Leben und keine Bewegung in das sprachliche Gebilde, es malt Ruhelage. So verhilft es im Stil der Wissenschaft, der durch die statische Perspektive gekennzeichnet ist, Prozesse und Erscheinungen im gegebenen Zustand zu betrachten. Es dient der Schilderung von verschiedenen Gegenständen und Sachverhalten durch ihre dynamischen Merkmale. Außerdem werden in den wissenschaftlichen Texten allgemeine Grundsätze und Thesen formuliert, deren Gültigkeit und Richtigkeit schon längst bewiesen sind.

Im Stil der schöngeistigen Literatur, für den die dynamische Perspektive im hohen Maße charakteristisch ist, wird das Stativ weniger gebraucht.

Abschließend könnte man behaupten, daß die Verwendung der Passivstrukturen mit der Spezifik der Funktionalstile bestimmterweise verbunden ist und als ein stildifferenzierendes Merkmal angesehen werden kann.

Die vergleichende Betrachtung verschiedener Funktionalstile in bezug auf dieses Merkmal ermöglicht eine genauere Erfassung der Sprache in ihrem Funktionieren und führt zu wesentlichen sprachtheoretischen Feststellungen.

L I T E R A T U R

- Admoni, W. Der deutsche Sprachbau, L. 1972.
- Beneš, E. Die funktionale Satzperspektive (Thema-Rhema-Gliederung) im Deutschen. In: "Deutsch als Fremdsprache", 1/1967.
- Duden-Grammatik, hggb. v. P. Grebe. Mannheim 1959.
- Glinz, H. Die innere Form des Deutschen. Bern/München 1961.
- Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig 1966.
- Moskalskaja, O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. M., 1975.
- Riesel, E., Schendels, E. Deutsche Stilistik. M., 1975.
- Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin 1965.
- Tuldava, J. Statistilised testid keeleteaduses. - Linguistica II. Tartu 1970.
- Высегжанн В. В. Статив как залоговая форма в современном немецком языке. - Сб.: Вопросы грамматики и лексикологии английского, немецкого и французского языков. Киров, 1972.
- Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964.
- Типология пассивных конструкций. Диктезы и залогов. Л., 1974.

К ВОПРОСУ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕМЕЦКОГО ПАССИВА

А. А. Мирский

Р е з ю м е

В статье рассматривается вопрос о статистических распределениях пассивных конструкций (одночленного, двучленного, трехчленного пассива и статива) в трех стилях современного немецкого языка - в художественной литературе, в научной прозе и прессе. В результате анализа статистических данных констатируется, что употребление пассивных конструкций связано со спецификой функциональных стилей и может служить стилидифференцирующим признаком.

ОЦЕНКА И ЕЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ
В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале прессы)

И. Мулламаа

Изучение языка как средства воздействия имеет разные аспекты. Одним из них является выявление возможностей и своеобразия выражения оценки лингвистическими средствами в сфере массовой коммуникации и пропаганды, в частности, в газетно-публицистическом стиле речи.

В газетном жанре передовицы мы часто сталкиваемся с авторскими оценками, которые всегда общественно детерминированы. По мнению некоторых исследователей (Grann, 1962, 180-184; Ohlström, 1966, 75), оценка является самой характерной чертой жанра передовиц, так как именно в этом жанре выражается отношение газеты и стоящих за ней кругов к внутри- и внешнеполитическим событиям. Отмечается также зависимость лингвистического оформления передовиц от выражаемых в них оценок и отношений (Nordentoft, 1972, 76).

В данной статье рассматриваются возможности лингвистического выражения оценки в шведском языке и дается классификация лексико-семантических средств оценки на материале передовиц газеты *Dagens Nyheter* (в дальнейшем *DN*) за 1976 год.

Лингвистический анализ и выделение оценок производились на основе обобщенного логико-философского определения оценки и ее структуры (см. Мулламаа, 1976, 63-73).

Под оценкой понимается языковое выражение духовной деятельности субъекта, направленной на объект на основании его ценности для того же субъекта.

Оценка не тождественна дескриптивной характеристике объекта (явлений и фактов окружающей действительности), хотя имеет неразрывную связь с познавательной деятельностью. Оценивающая характеристика направлена не на сам объект познания, а на его ценность для субъекта, т.е. для лица, которое выражает эту характеристику. Языковыми средствами обозначается ценность объекта высказывания для говорящего/пишущего лица, передается его оценочное отношение к объекту. Так как оценки связаны с положительными/отрицательными понятиями и соответ-

ствующими значениями языковых единиц, можем заключить, что оценки в основном выражаются на лексико-семантическом уровне.

Прежде чем приступить к рассмотрению лексико-семантических средств выражения оценки, приведем некоторые соображения, касающиеся лингвистического выражения оценок.

Представляется, что оценка создается на смысловом уровне и кодируется для передачи с помощью лингвистических средств, которые образуют высказывание, отрывок текста или полный текст. При этом в основном используется лексика, так как именно отбор лексических средств в основном выражает отношение субъекта к предметам и явлениям. Оценке принадлежит не семантическое содержание слов, а то, что этими словами обозначается, что ими описывается и характеризуется. При выражении своей оценки субъект не просто "приклеивает" какое-то языковое значение данному предмету или явлению, а соотносит с ними концептуальное, обобщенное понятие о классе таких предметов (явлений). Соотношение между конкретным предметом (явлением), т.е. денотатом, и оценочным значением есть один потенциальный компонент этого концептуального понятия. Выбор одного конкретного компонента, одной стороны в возможной характеристике предмета или явления, исходя из потребностей, намерений, установок и нормы, составляет оценку данного лица. На лексико-семантическом уровне оценка трактуется как оценочная информация в структуре значения слова. Мы придерживаемся мнения, согласно которому значение слова предопределяет его денотативную способность, и денотация может быть истинной или ложной в зависимости от того, соответствует или нет информация, заключенная в слове, действительным, общественно признанным свойствам или характеристике объекта (Теория речевой деятельности, 1968, 138). При выражении оценки используют слова, в которых оценочная информация является главной, сопутствует дескриптивной информации или появляется в семантике слова при его переносном употреблении, когда на основе ассоциации умышленно изменяют обычную информацию слова.

Цель высказывания обуславливает его лингвистическое развертывание, выбор лингвистических (особенно лексических) средств. Как отмечает Л.А. Черняховская, "при обычном акте порождения высказывания у него появляется конкретное коммуникативное задание, обусловленное множеством факторов, выз-

ванных именно данной ситуацией (включение в определенный контекст, приобретение внешних синтаксических связей, появление экспрессивного задания, выражение отношения говорящего к высказыванию, особенности его речевого опыта и т.д.)". (Черняховская, 1976, 12).

Авторы передовиц стремятся дать общую (положительную или отрицательную) оценку явлениям и фактам общественной жизни посредством целого текста, используя при этом разные оценки в разном лингвистическом выражении, которые, однако, подчинены общей оценочной задаче всей статьи. Использование лингвистических средств для достижения экстралингвистической цели (общая оценка) следует рассматривать как линейные целенаправленные акты, подчиненные задаче воздействия на читателей (Муратова, 1974, 230; Троянская, 1976, 38, 54-55; Андрианов, 1975, 65-66).

В психолингвистическом плане речевое воздействие, трактуемое как влияние на систему ценностей индивида посредством оценки со стороны автора высказывания, видимо, нужно понимать как заявку на изменение смыслового поля (термин А.А. Леонтьева - Леонтьев, 1974, 37-39) лиц, воспринимающих такой оценочный текст.

Анализ рассмотренных передовиц не позволяет согласиться с А.В. Зубовым, который, исходя из анализа англо-американской прессы, утверждает, что "средства оценки могут быть единицами практически всех языковых уровней, способных выражать значение" (Зубов, 1974, 36). В передовицах не отмечалось выражение оценки лексико-семантическими, синтаксическими и графическими (т.е. путем обозначения интонации) средствами.

Разделение лингвистических средств выражения оценки на знаковые и коммуникативные (Зубов, 1974, 40-41) является спорным, поскольку, по нашему мнению, все лингвистические средства являются одновременно знаковыми и коммуникативными: при чтении текста сигнал об оценке воспринимается именно через языковые знаки. Если мы в так называемом коммуникативном типе (отдельное предложение, предложение - часть сложного предложения, ряд связанных между собой по смыслу предложений) не можем выделить отдельных лингвистических единиц, выражающих оценку, то вряд ли можно, ввиду отсутствия материально выраженного основания, отнести такие предложения к оценочным. О несостоятельности такого различия говорит также

высказывание о том, что "... в функции знака может выступать почти любая единица языка - от морфемы до предложения" (Леонтьев, 1974, 98). В газетно-публицистическом стиле речи оценка выражается в высказывании, предложении, т.е. в коммуникативной сфере, где мы имеем дело с предикативными знаками (см. Уфимцева, 1974, 21). Таким образом, представляется, что средства выражения оценки в речи являются одновременно знаковыми и коммуникативными, причем "основным в означаемом любого высказывания является содержание речевого сообщения, субъективное отношение к высказываемому - модальность, наконец обязательная соотношенность с коммуникантами и временем речевого акта, чем не обладают слова как номинативные знаки" (Уфимцева, 1974, 32-33). Если в высказывании или тексте нельзя выделить оценочных средств, но это высказывание или этот текст все-таки воспринимаются как оценочные, то мы имеем дело со случаем, когда передается нейтральное предметно-логическое значение, но сами денотаты имеют определенный общественно-закрепленный ценностный статус.

Исходя из вышеприведенных соображений, считается возможным разграничить собственно оценочные средства - лексико-семантические единицы, - в структуре значения которых можно выделить оценочную информацию (узуальное или окказиональное, прямое или переносное, денотативное или коннотационное) и вспомогательные оценочные средства, чаще всего - синтаксические и графические, а также свободные словосочетания, приводящие к таким семантическим осложнениям, которые придают большую (или меньшую) экспрессивность или эмоциональность оценочному высказыванию. Во вспомогательных средствах нельзя выделить лингвистическую единицу, которая обладает самостоятельным оценочным значением, их оценочность часто возникает в результате смысловых ассоциаций с оценочными словами, которые располагаются в одном из предыдущих или последующих предложений.

Лексико-семантические оценочные средства являются самыми распространенными (ср. Зубов, 1974, 36) и используются для передачи эксплицитной или имплицитной оценки через семантику лексемы.* Эксплицитными (аргументированными) оценками мы

* Под лексемой понимается "объединение корневых и аффиксальных морфем, образующих лексическую единицу, независимо от возможных для нее синтаксических функций, парадигмы и валентности" (Арнольд, 1973, III).

считаем такие, в которых можно выделить все четыре компонента структуры оценок — субъект, объект, основание и характер. Аргументированность оценок, однако, не является подтверждением их истинности, которая зависит от их общественной направленности, так как все оценки являются релятивными. Аргументированность с точки зрения структуры оценки нельзя путать с формально-логической аргументацией, потому что оценки появляются лишь в тех случаях, когда избегают логического аргументирования, и стараются передать свое положительное или негативное отношение посредством "хороших" или "плохих" языковых символов (см. Fredriksson, 1969, 35, 42, 45, 50).

Выделение оценочного значения или употребления лексем является семасиологической процедурой, ведущей нас к актуальным значениям слов и лексико-семантическим вариантам многозначных слов.

Разграничение и классификация лексико-семантических единиц с точки зрения их способности служить средствами выражения оценки тесно связано с проблемой эмоциональности и рациональности (интеллектуальности) оценок.

Представляется, что разграничение эмоциональных и интеллектуальных лингвистических средств оценки как двух разных типов (Зубов, 1973, 55) является малоэффективным, так как не существует надежных критериев для такого различения.

Относительно оценок, чувств и эмоций А.Я. Хапсироков пишет следующее: "... чувства и эмоции являются не основанием оценки, а первичной формой ее, лежащей в основе последующих, производных процессов оценки" (Хапсироков, 1972, 163). Думается, что даже если оценки и побуждаются эмоциями, то, по крайней мере, в газетно-публицистическом подстиле, они выражаются нерелекторными языковыми средствами, т.е. опосредованно, через абстрактное мыслительное содержание, и их можно считать главным образом рациональными. Как было изложено выше, мы оценку в основном связываем со значением лексических единиц и исходим из того, что передовицы как тексты являются продуктом целенаправленного использования языковых единиц. Поэтому считается приемлемым следующее высказывание Г.В. Колшанского: "Что касается оценочного момента в речевом акте, то необходимо еще раз подчеркнуть его сугубо рациональный характер как некоторого суждения, выносимого говорящим по поводу какого-либо предмета высказывания. Никакая эмоциональная оценка, не прошедшая через фильтр сознания, не может

быть непосредственно выражена в системе языка" (Колшанский, 1975, 143).

Зафиксированные в языковых средствах оценки могут иметь и эмоциональное воздействие, которое является индивидуальным. Оценочность, эмоциональность и экспрессивность могут в конкретном высказывании или лексической единице совпадать, так как "предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, оно является одновременно и знаком мысли говорящего и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения" (Виноградов, 1947, 19). Несмотря на такое возможное совпадение, считается оправданным различение как этих понятий, так и самих явлений в теоретическом анализе (ср. Арнольд, 1973, 114; Зубов, 1973, 63).

Итак, в данной статье мы анализируем собственно оценочные лингвистические средства - лексико-семантические единицы языка, которыми выражается преимущественно рациональная оценка.

При изучении лексико-семантического выражения оценки мы имеем дело с тремя уровнями в смысловой структуре слова: лексематическим, лексико-семантическим и уровнем речевой реализации, функционального использования.

На основе языка передовиц мы можно сделать вывод, что в группу собственно оценочных средств входят прежде всего слова значимых частей речи - прилагательные, наречия, существительные и глаголы.

Например:

god, dålig, klok, oklok, märklig, dåraktig;
bra, dåligt, klokt, oklokt, märkligt, dåraktigt;
ovana, hysteri, missdåd, årkebov, munhuggande, feltramp;
föröda, lovorda, godkänna, underkänna, missbruka, vansköta.

Это слова, которые имеют постоянную оценочность или оценочную коннотацию и используются для обозначения и характеристики разных предметов и явлений с целью придать последним оценочную маркированность, исходящую от общественно закрепленного словозначения.

С точки зрения словообразования и семантического наполнения лексико-семантические выражения оценки в передовицах можно подразделить на следующие подгруппы:

I. Корневые средства выражения оценки.

Оценка выражается посредством оценочного значения корня слова, которое довольно жестко фиксировано и принимается в данном языковом коллективе одинаково. В эту подгруппу мы относим следующие разряды слов:

1) слова, в смысловом содержании которых главным является оценочное значение. Это в основном качественные прилагательные типа *god, dålig* и наречия типа *bra, illa, dåligt, utmärkt*. В этих словах отсутствует дескриптивный, предметно-логический компонент содержания (ср. Marc-Wogau, 1967, 13; Tejde, 1966, 8; Теория речевой деятельности, 1968, 146), так как они используются только в оценочной функции, они обозначают чисто ценностные качества объектов для субъекта, который их выражает. Это т.н. слова широкой семантики, их оценочное значение является крайне обобщенным и может быть соотнесено с любым предметом или явлением, причем оценочная характеристика при помощи таких слов относится ко всему объекту. Эксплицитно не выделяется, какие стороны объекта считаются положительными или негативными, какими конкретными качествами должен обладать объект, чтобы соответствовать заключенной в таких словах оценке. В этом проявляется очень высокая степень относительности таких оценок.

В эту группу входят также производные от прилагательных, оценочное значение которых исходит от корня, а словообразовательные аффиксы таким значением не обладают. Например: *godhet, dålighet, godis*.

2) слова, которые наряду с предметно-логической дескриптивной информацией содержат также оценочную информацию - коннотацию, являющуюся общественно закрепленной. Такие слова используются как для обозначения предмета и явления, так и для одновременной дескриптивной и оценочной характеристики. Если такие слова входят в синонимический ряд, то представляется, что выбор одного конкретного эквивалента часто обуславливается именно оценочной информацией, которую это слово содержит и которую автор высказывания использует для выражения своей оценки. Это относится как к стилистическим вариантам, так и к синонимам одного и того же стилистического пласта лексики. Например, в синонимическом ряду *hjälpare, medhjälpare, biträde, assistent, hantlangare, hejduk, supporter* перечисленные семантические эквиваленты имеют разную денотативную способность, которая зависит от оценочного содержания. Это содержание может в одном синонимическом

ряду быть противоположным — например, негативное в *hantlangare* и *hejduk* а в остальных словах положительное.

Близость денотативного аспекта и предметно-логического значения таких слов делает возможной намеренную манипуляцию ими, исходя из их оценочного значения (ср. Andersson, Furberg, 1967, 90, 91; Fredriksson, 1969, 35-63; Зубов, 1974, 81-89).

В целях оценки используют большинство слов социально-политической лексики, как например: *demokrati, demokratisk, aggression, den fria världen, fri företagsamhet, välfärd, välfärdssamhälle, invasion, inmarsch, införlivande, arbetsköpare, arbetsgivare, löntagare, medbestämmande*, которые широко распространены в передовицах *DN*. Характер оценки при использовании таких слов колеблется в зависимости от экстралингвистического контекста и сводится к политической ориентации субъекта, которая является основанием оценки.

Следовательно, оценочность таких слов подвижна и социально опосредована. В зависимости от экстралингвистического контекста, от того, что в данный период является ценностью для языкового коллектива, и некоторые нейтральные слова могут приобрести оценочность. Так, например, отмечается все увеличивающаяся положительная оценочная коннотация слова "*miljö*" (*Grünbaum*, 1974, 146-157), которое раньше такого созначения не имело.

К этой подгруппе мы также относим производные слова, в которых главным носителем оценочной информации является корень слова, хотя и аффиксы могут быть оценочными (например, *huckleri, bedrägeri*), и нецельнозначные сложные слова, в основном сочинительные и определительные сложные слова, основы которых сохраняют свое значение, а один из компонентов сложного слова содержит оценочную информацию (например, *välfärdssamhälle, utpressningspolitik, skattefusk*).

2. Аффиксальные средства выражения оценки.

1) оценка в сложноположительных словах в основном выражается через словообразовательные аффиксы, которые имеют общезначимое закрепленное значение, и, следовательно, могут вплоть до противоположности изменить корневые лексические значения, добавить или уменьшить оценочность, так как присоединение их к корню является условием передачи лексического значения (*Маслова-Лашанская*, 1973, 27).

В шведском языке оценочностью обладают следующие префикс-

СН: bi-, des-, dis-, för-, kvasi-, miss-, o-, pseudo-, van-, veder-, ärke- (Söderbergh, 1971, 48, 54, 60; Telemann, 1970, 54-55).

Использование слов со всеми перечисленными префиксами в оценочных целях было зарегистрировано и в передовицах DN, например: bifigur, bihänsyn; desorganisera, desorientera; diskreditera, diskvalificera; försmä, förleda; kvasifilosofisk, kvasivetenskap; misstro, missvisande; ovän, ovana; pseudovetenskaplig, pseudomarxistisk; vanryktad, vansköta; vedervilja, vedervärdig; ärkefiende, ärkereaktionär.

Из суффиксов обладают оценочностью следующие: -aktig, -ande (в случае, когда имеются параллельные производные на -(n)ing) -eri, -ig, -issa, -lig (в случаях, когда имеются параллельные производные на -bar), (Söderbergh, 1971, 80 и след.; Telemann, 1970, 69-70 и 80). Например: reportageaktig, filmaktig; munhuggande, skatteökande; kineseri, spioneri; pratig; journalissa; märklig; outsäglig.

Следует оговориться, что не каждое использование названных префиксов и суффиксов можно автоматически считать оценочным. Каждый раз требуется семантический анализ встречающегося слова и учет экстралингвистического контекста.

2) к этой подгруппе мы относим слова, в которых один из составных элементов формально сложного слова в результате делексикализации превратился в словообразовательный аффикс. Словопроизводство с помощью таких полуаффиксов является очень продуктивным в современном шведском языке (Söderbergh, 1971, 30-31; Telemann, 1970, 44 и след.; Маслова-Лашанская, 1973, 174-175), и многие из таких аффиксов имеют оценочное значение или созначение. Например:

blixtnabb, bottenhederlig, företagsvänlig, förtroendefull, genomtrevlig, helsäker, idefattig, jättedum, körriktig, stendöv, toppenbra, trafiksäker, värdelös, älskvärd.

В словах, корень которых уже имеет оценочное значение, эти полуаффиксы имеют в основном усиливающий характер или дают дополнительную семантическую информацию, указывая на интенсивность и степень оценки, как например:

blixtnabb, bottenhederlig, genomtrevlig, helsäker, jättedum, toppenbra.

Эти примеры включают слова, содержащие делексикализованный компонент в роли префикса. При словообразовании с десе-мантизированными словами, которые приобрели статус суффикса, основная оценочная информация отмечается в них, например:

företagsvänlig, förtroendefull, idéfattig, trafikskäker,
värdelös, älskvärd.

Предметно-логическое значение в таких полусуффиксах частично или полностью вытесняется, и производное слово получает новое значение, которое отличается от суммы значений отдельно взятых составляющих (ср. Söderbergh, 1971, 29-30).

3. Выражение оценки сложными словами.

В эту группу мы относим цельнозначные (Маслова-Лашанская, 1973, 157; Telemann, 1970, 20) сложные слова, значение которых не сводимо к сумме значений составляющих и в которых можно распознать оценочную информацию. Она может содержаться в одном компоненте сложного слова (например, *mönsternation*, *valmakare*) во всех (*storhetsvansinnig*, *komplikationsgalen*) или же возникать на основе смысловых ассоциаций с предметно-логическим значением составляющих (*gummiformel*, *kautsukpara-graf*, *korridorpolitik*, *siffergymnastik*), которые в таком случае используются переносно.

Этот тип выражения оценки очень часто встречается в периодиках и так как шведская пресса вообще изобилует различными приемами словосложения (Åkermalm, 1972, 57 и след.; Dahlstedt, 1970, 23), что связано, с одной стороны, со стремлением создать дополнительную экспрессию и оценочность и "оживить" язык за счет новообразований, а с другой стороны, со стремлением авторов концентрировать информацию.

4. Выражение оценки фразеологизмами.

В данной статье под фразеологизмами понимаются устойчивые сочетания слов, которые имеют полностью или частично переосмысленное значение. К фразеологизмам относятся также пословицы и крылатые слова (ср. Арнольд, 1973, 161; Маслова-Лашанская, 1974, 113), так как основными критериями фразеологизмов мы считаем языковую устойчивость и семантическую целостность. Семантическая целостность фразеологизмов связана с тем, что они выражают одно понятие.

Можно выделить два разных способа использования фразеологизмов в качестве средств выражения оценки:

1) используются цельные фразеологические единицы, каждую из которых можно считать эквивалентом оценочного слова.

Оценка выражается целым положительным или пейоративным со-
значением фразеологизма, что не обязательно связано с оце-
ночностью составляющих его слов. Например:

Medborgarna kan lätt få intrycket att de styrande silar mygg och
svåljor kameler när det gäller den statliga utgiftspolitikern.
(DN, 11/3 1976)

Фразеологизм в данном примере связан с отрицательной
оценочностью.

2) авторское преобразование фразеологизмов создает до-
полнительную экспрессивность и оценочность. Замечались два
основных типа разложения фразеологизма – вклинение, при ко-
тором посторонние лексемы включаются в состав фразеологизма,
и истолкование фразеологизма, распространяющееся только на
часть его. Например:

De vände inte kappan efter vinden, de gick emot den och lyckades
till en stor del vända den. (DN, 1/6 1976)

х х х

Целью данной статьи являлось выделение возможностей лек-
сико-семантического выражения оценки в современном шведском
языке на материале передовиц газеты Dagens Nyheter. Линг-
вистическое (в частности лексико-семантическое) выражение
оценки в этом жанре понимается как осознанное, целенаправ-
ленное речевое действие. Очевидно, что среди лексико-семан-
тических средств оценки можно с точки зрения словообразова-
ния и семантического наполнения лексических единиц выделить
четыре разные подгруппы – корневые и аффиксальные средства,
цельнозначные сложные слова, фразеологизмы. Мы ограничились
краткой характеристикой слов, входящих в эти подгруппы.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрианов В.В. Текст газетной передовицы как инструмент общения (на материале газеты "Юманите"). - Материалы У всесоюзного симпозиума по психо-лингвистике и теории коммуникации. Часть I. М., 1975.
- Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973.
- Винogradov В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947.
- Зубов А.А. Относительно некоторых лингвистических средств оценки в прессе. - Сборник научных трудов. МПШИА, Вып. 72. М., 1973.
- Зубов А.А. О языковых средствах выражения категории оценки в современном английском языке (на материале англо-американской прессы). Канд. дисс. М., 1974.
- Колшанский Г.В. Соотношение объективных и субъективных факторов в языке. М., 1975.
- Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1974.
- Леонтьев А.А. Психолингвистическая модель речевого воздействия. М., 1974.
- Маслова-Лашанская С.С. Лексикология шведского языка. Л., 1973.
- Мулламаа И.К. Несколько замечаний о понятии оценки в газетно-публицистическом стиле речи (на материале шведской прессы) - *Linguistica* VIII. Тарту, 1976.
- Муратова Н.Н. О некоторых особенностях газетно-публицистического подстиля (на материале французской газеты). - Сборник научных трудов МПШИА. Вып. 82. М., 1974.
- Теория речевой деятельности. М., 1968.
- Троянская Е.С. К общей концепции понимания функциональных стилей. - Особенности стиля научного изложения. М., 1976.
- Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1974.
- Хапсиронов А.Я. Отражение и оценка. Горький, 1972.
- Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. М., 1976.

- Andersson J., Furberg M. Språk och påverkan. Lund, 1967.
- Grahn L. Ledare och reportage. Försök till stilistisk analys av några texter i Dagens nyheter hösten 1962 -Nysvenska studier 42, 1962.
- Grünbaum, C. Ordet miljö - i olika miljöer.- Språkvärdsstudier. Stockholm, 1974.
- Dahlstedt K-H. Massmedierna och språket. Stockholm, 1970.
- Fredriksson G. Det politiska språket. Uddevalla, 1969.
- Marc-Wogau K. Värdeomdömen, språk och språkvård. - Språk och kommunikation. Lund, 1967.
- Nordentoft M. Avisledere. Nogle tekstanalyser. Copenhagen, 1972.
- Ohlström B. Information and Propaganda? A Content Analysis of Editorials in Four Swedish Daily Newspapers. - Journal of Peace Research. Vol.1. Oslo, 1966.
- Söderbergh R. Svensk ordbildning. Stockholm, 1971.
- Tejde J.O. Om värdestermer i religiöst språk. En semantisk studie över användningar av "god" och "rätt" om Gud och människan i nutida svenskt predikamaterial. - Filosofiska problem nr. XXXIII. Universitetsförlaget, 1966.
- Telemann U. Om svenska ord, Lund, 1970
- Åkernalm Å. Modern svenska. Falköping, 1972.

SOME GYNOLECTAL FEATURES IN PRESENT-DAY ENGLISH

Oleg Nutt

The differences between the way men and women use language have been dealt with from time to time in linguistic literature. The pertinent observations have generally been of a random character and interest has concentrated for the most part on the more extreme cases occurring, for instance, among primitive populations in the Caribbean area, New Guinea, etc. where for various reasons the representatives of one sex have used or continue to use among themselves a language distinct from that of the community as a whole. Our knowledge of the sex peculiarities of usage in the major languages of Europe and elsewhere has so far remained rather sketchy. We are aware that in some languages, e.g. Japanese, there are distinct men's and women's speech forms whereas in others only minor differences exist in vocabulary, terms of address, pronunciation, etc. Relatively more attention has been given to these matters in German, Czech, Hungarian and more recently Swedish, etc., but, on the whole, authors have been sporadic in their comments (Ruoff 1973; Вейлерт 1976; Крэйс 1976; Палл & Кунн 1976, Widmark 1973, Hassler-Göransson 1976).

It is primarily as a result of sociolinguistic studies and, to some extent, also due to the women's liberation movement in the English-speaking countries that more attention has been directed in recent years to features of English correlated with the sex of the speaker or writer. The work of Robin Lakoff based mainly on American English material comes to mind in this connection. Although R. Lakoff's findings have come in for criticism ("Lingua" 1976: 244-252), they are, insofar as the present writer knows, the fullest account to date of the phenomena involved.

In the opinion of women's emancipation activists the English language has developed over the centuries in a one-sidedly male-dominated and sexist direction. In 1974, a convention of the National Council of Teachers of English in the U.S.A. (NCTE) adopted a resolution calling for the preparation of new NCTE guidelines to encourage the use of non-

sexist English. "Sexism" was defined as words or actions that arbitrarily assign roles or characteristics to people on the basis of sex. For millennia, it was claimed, men have been conditioned to be aggressive, analytical and active; women to be only submissive, emotional and passive. Language has played a central role in this process of socialization for it has helped teach children the roles that are expected of them. The age-old dominant role of men in society is reflected in English, for instance, in such words and collocations as mankind, man's achievements, man-made, chairman, businessman, spokesman, etc. The women's liberation movement has recommended that the non-sexist terms humanity, human achievements, synthetic (or manufactured), coordinator (of a committee or department) or presiding officer, head; business executive, manager, etc. should be used instead. In the interest of equal treatment job titles should be the same, e.g. flight attendant instead of steward and stewardess. According to the spokesmen (sorry - spokespersons!) of women's lib the elimination of sexist language will help considerably to eliminate sex discrimination in society. To us in the Soviet Union, living as we do in a progressive, socialist society, it is obvious that the inequality that still exists between men and women under capitalism will not be abolished by getting rid of what are after all a few minor linguistic survivals. What must be decisively tackled are the economic and social roots of that inequality.

Contrary to what women's emancipation activists would like to see happen, it is probably inevitable that certain sex differences will persist in English as well as in any other natural language. In the terminology of sociolinguistics the common interests, activities, etc. of any in-group, social or otherwise, give rise to the development and use of elements of a restricted code. Throughout the centuries women have in most societies been segregated and discriminated against, thus forming groups with certain concomitant linguistic features.

The present writer is not in a position to give a detailed account of the development and present state of the characteristics of native female speakers of English. It

is the modest purpose of this paper to list some of the more salient features - let us call them gynolectal features - that distinguish the use of language by educated British and American women today. Because of the great individual variations depending on education, social status, etc. in present-day capitalist society, it is possible to speak about the relevant phenomena in very general terms only.

The material presented below has been drawn from a variety of sources (see References) and includes a few personal observations made by the author during a summer spent in England in 1976.

1. Lexical Features

As might be expected, most of the specific features of women's English are in the area of vocabulary. Women have a stock of words and expressions related to their specific interests and to what is traditionally called "women's work", e.g. sewing, cooking, caring for children, etc. It is obvious that only men connected with fashion-designing, the clothing or catering industries would be familiar with and use such words as magenta, dart (in sewing), to parboil, etc.

Words associated with the nursery, e.g. tootsie-wootsie, tummy, doggie-woggie are, of course, familiar also to adult English-speaking males, but are undoubtedly more commonly used by women. Other diminutives such as hanky, teeny (as in Just a teeny bit more, please.), bonny (applied to babies, rather affected) are exclusively feminine. A wife will speak of her hubby to a woman friend, but a husband will not speak of his wifey to a man friend (Ball, 1960:119).

Swearing habits tend to change with time and the use of darned and bloody is no longer a masculine prerogative. Nevertheless, it is true to say that women are still inclined to avoid the more meaty masculine swear-words. On the other hand, women have their own expletives that men regard as effeminate and weak: Oh Lord! - Gracious me!

As a rule, women are experts at euphemizing and avoiding indelicate expressions. A fairly recent instance in British English is the use of I'll just disappear for a minute meaning I'm going to the lavatory.

It has been pointed out both by American and British authors that women are more prone to hedging, i.e. they refuse to commit themselves and use hedges of various kinds: kind of, sort of, I mean, well, you see, you know, I guess, etc. which convey the sense that the speaker is uncertain about what she is saying, or cannot vouch for the accuracy of the statement. Women also tend to use "empty" adjectives like divine, charming and cute (the latter occurs mainly in American English, especially when talking about the opposite sex).

The intensive adverb simply has been widely used in American English since Shakespeare's time. Nowadays American women and girls in particular incline to use locutions like simply wonderful, simply marvelous, simply swell, and this usage has spread to British English (Lehnert, 1976:38).

There are some sex differences in even the standard vocabularies of men and women. Thus, an American woman may ask her husband to set the table for dinner, telling him to put out the silver, crystal and china, while the man will set the table with knives, forks, spoons, glasses and dishes. The wife might think the table linen is attractive, the husband finds the tablecloth and napkins pretty (Wentworth & Flexner 1967:xli). On the whole, it has been noted that a woman tends to use descriptive and more personal words for anything associated with her home or her belongings. For instance, of a couple living under the same roof, the wife will more likely speak of her home, the man of his house.

It has likewise been noted that most slang is created and used by men, and that the majority of entries in a slang dictionary could therefore be labelled "primarily masculine use" (Wentworth & Flexner 1967:xii). Women make use of only some general slang words and expressions, and have little slang of their own (except in the case of some female sub-groups such as airline stewardesses, beauty-parlour operators, nurses, waitresses, etc.).

Attention has also been drawn to the greater use by women of interjections (the result of greater emotionality) and to their dislike of "goobledygook".

The vocabulary of women is generally believed to be more limited than that of men belonging to the same age

and social group. There is, however, no reliable evidence that this is true of present-day English. It is even possible that the position in English is the same as in Swedish, concerning which a recent statistical study of the word-stock of forty well-known writers (20 men and 20 women) over the past century has shown that contrary to what was formerly believed the vocabulary of women writers is actually slightly richer than that of their male colleagues (Hasler-Göransson 1976: Sammanfattning).

2. Phonetic Features

Women speakers of standard British English tend to prefer certain sounds and intonation patterns. In the case of individual sounds women speakers generally show a preference for more conservative variants. Thus, for instance, the alternative pronunciation with [ɜ:] of words like off, cloth, cross still occurs in conservative Received Pronunciation (RP) and mainly in the case of women (being practically replaced in the speech of the younger generation by [ɒ]). The noticeably lower percentage of [n] forms instead of [ŋ] as in walking, running among female speakers in several regional varieties of English is believed to be due to the greater awareness among women of the social significance of linguistic variables (Sandred 1976:154). The voiceless labio-velar fricative [ʍ] occurs more often in female speakers of RP, who, consequently, tend to distinguish word-pairs such as which - witch, where - were, whether - weather, etc. (Ross 1970:15). The use of [ʍ] as a phoneme has declined rapidly (Gimson 1970:217). A.S.C. Ross finds that the omission of the initial [h] in historic as in an historic event is a pedantic and, possibly, rather female usage (Ross 1970:15).

The material available on sex differences in intonation patterns is scanty. Attention has been drawn to the more frequent use by women of tones such as the rise-fall and to their more common use of the rising tone in tag-questions such as It's so hot, isn't it?

Other phonetic correlates of effeminate speech (referred to impressionistically as "simpering") include a wider pitch-range than is normal for men, the use of breathiness

and huskiness, switching to a higher (falsetto) register from time to time, as well as the modification of certain consonants ("lispings") (Crystal 1970:214). The various tones of voice, voice qualities and other effects of this nature have so far been largely neglected in English studies and in the context of language teaching.

3. Grammatical Features

By and large, women tend to avoid talking rough. They are, as a rule, more concerned with linguistic correctness and also more conservative in their linguistic habits. Such an attitude is the result of a desire to preserve respectability and may be actuated by a certain amount of social snobbishness. Consequently, the language of women is grammatically more correct and often even hypercorrect in comparison with that of men, who sometimes affect a deliberately careless and ungrammatical manner of speaking.

O. Jespersen was of the opinion that women use simpler and shorter sentences and incline to use coordinated clauses instead of subordinated clauses (Widmark 1973). Indeed, O. Jespersen recommended that a learner of a foreign language wishing to read his first book in that language should begin with one by a woman author as it is bound to be simpler in sentence structure as well as vocabulary. It would be interesting to know whether this subjectively arrived at impression would be borne out by statistical evidence.

An area very much neglected with regard to sex differences is that of paralinguistic features, i.e. gestures, proxemics, etc. Such differences do exist among native speakers of English, but too little is known about them as yet to warrant their discussion here.

Conclusion

Despite a certain stock of specific vocabulary and some differences in pronunciation, one cannot speak of a women's language or gynolect (as contrasted to an androlect) in present-day English. Moreover, in this day and age, where the occupational activities and social status of women are steadily drawing closer to those of men, many of the re-

maintaining linguistic differences between the sexes are gradually being levelled out.

Although the existing differences between the kind of English used by men and women should not be exaggerated, they are of interest not only to the sociolinguist, but also to the teacher of English at an advanced level and to the translator whose target language is English.

Real proficiency in a foreign language should be measured by one's ability to conform in the approved manner to many disparate socio-linguistic situations. The development of a sense of style and appropriateness should include the ability of a foreign speaker to resemble a native speaker in respect to the sex features of the language as well. Hence it is important that the syllabus for advanced English language teaching should include some instruction in these matters.

Sensitiveness to details such as linguistic sex features is an important asset in a novelist or playwright, e.g. in the handling of conversation. The same is true of translators. It has been suggested that more natural translations of works of fiction would be produced if two translators were to work together, a man translating a man's lines and a woman translating the lines spoken by a woman.

It seems a pity that so little linguistic research has been carried out into this area of English. One can only hope that a comprehensive and reliable description of the neglected sex features of English will be forthcoming in the near future.

R E F E R E N C E S

- Ball, W.J. (1960). *Conversational English. An Analysis of Contemporary Spoken English for Foreign Students.* London.
- Brook, G.I. (1965). *A History of the English Language.* London.
- Crystal, D. (1970). *New Perspectives for Language Study 2: Semiotics. "English Language Teaching" Vol. XXIV, No. 3, 209-215.*
- Gimson, A.C. (1970). *An Introduction to the Pronunciation of English. Second Edition.* London.
- Hassler-Göransson, C. (1976). *Fyrtio författare i statistik belysning.* Stockholm.
- Lakoff, R. (1975a). *Linguistic Theory and the Real World. "Language Learning" Vol. 25, No. 2, 309-338.*
- Lehnert, M. (1976). *Die Sprache Shakespeares und das Amerikanische Englisch.* Berlin.
- "Lingua" (1976). *Review of R. Lakoff's Language and the Woman's Place. Vol. 39, No. 3, 244-252.*
- Mutt, O. (1972). *Some Notes on Recent and Current Research into English and the Teaching of English (2). Sociolinguistic Studies. "Linguistica IV". Tartu 53-67.*
- Ross, A.S.C. (1970). *How to Pronounce It.* London.
- Ross, A.S.C. (1973). *Don't Say It.* London.
- Ruoff, A. (1973). *Grundlagen und Methoden der Untersuchung gesprochener Sprache.* Tübingen.
- Sandred, K. (1976). *Review of P. Trudgill, The Social Differentiation of English in Norwich (London 1971). "Moderna Språk" Vol. LXX, No. 2, 151-156.*
- Wentworth, H. & Flexner, S.B. (1967). *Dictionary of American Slang.*
- Widmark, G. (1973). *Om kvinnospråk. "Upsala Nya Tidning" 20 oktober 1973. - 111 -*

Вейлерт А. А. (1976). О зависимости количественных показателей единиц от пола говорящего лица. - "Вопросы языковедения" № 5, с. 138-143.

Краус И. (1976). К пониманию социолингвистики в Чехословакии. - Сб.: "Социально-лингвистические исследования". М., с. 208-218.

Папп Ф., Кинчи К. Э. (1976). Вопросы социальной лингвистики в Венгрии. - Сб.: "Социально-лингвистические исследования". М., с. 208-218.

О НЕКОТОРЫХ Т.Н. ГИПЕЛЕКТИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О. Мутт

Р е з ю м е

Различия в употреблении английского языка, зависящие от пола говорящего лица, пока мало изучены. На основе данных, приведенных в литературе, и личных наблюдений автора, в статье перечислены важнейшие языковые особенности, характерные для женщины, говорящих на литературном британском или американском вариантах современного английского языка. Наряду с примерами в области лексики приводятся также некоторые более заметные отличительные черты в фонетике и грамматике.

Более значительные различия в употреблении языка, зависящие от пола говорящего лица, следовало бы учесть при преподавании языка на более успевающем уровне, а также в практике перевода прозаических художественной литературы.

VON DEN STEHENDEN REDEWENDUNGEN IN DER LIVLÄNDI-
SCHEN CHRONIK VON BALTHASAR RUSSOW (PAARFORMELN)

Lilia Otsmaa

Die Phraseologie des baltischen Niederdeutsch ist, soweit uns bekannt, fast überhaupt noch nicht erforscht worden. Im folgenden wird ein Versuch gemacht, die Phraseologie der wichtigsten Quelle des baltischen Niederdeutsch - der Livländischen Chronik von Balthasar Russow - zu untersuchen. Da eine allseitige Behandlung des reichhaltigen Belegmaterials aus der Chronik die Rahmen eines kurzen Artikels sprengen würde, wird nur eine Gruppe der Phraseologismen zur näheren Betrachtung herausgegriffen, und zwar die **Paarformeln** - die typischste und zahlreichste Gruppe der stehenden Redewendungen der Chronik. Die Behandlung der anderen Arten der Phraseologismen wird einem späteren Aufsatz vorbehalten. Da die niederdeutsche Phraseologie die des Estnischen recht stark beeinflusst hat (Schlüter, 1909,36; Vakk, 1970,17-19), könnte unsere kleine Untersuchung auch für die Forscher der estnischen Sprache von einigem Interesse sein.

Das Untersuchungsmaterial entstammt der ersten Ausgabe der Livländischen Chronik von Balthasar Russow, die im Jahre 1578 in Rostock erschienen ist. Da in der Chronik nicht die Seiten, sondern nur die Blätter paginiert sind, wird in der vorliegenden Arbeit die nummerierte Seite mit "a" und deren Rückseite mit "b" bezeichnet, die entsprechende Nummer vermerkt aber das Blatt. Die Seiten des Vorworts, die in der Chronik überhaupt nicht paginiert sind, werden von uns mit römischen Ziffern bezeichnet.

Die zahlreichen **Paarformeln** (auch **Zwillingsformeln**, Wortpaare genannt) verleihen der Sprache der Chronik ein besonders eigenartiges Gepräge. Auffällige strukturelle Merkmale rechtfertigen es, sie gesondert zu behandeln.

Die Paarformeln sind umgedeutete Verbindungen von zwei Wörtern der gleichen Wortart, die durch eine Konjunktion oder seltener eine Präposition verbunden und in ihrer Rei-

henfolge (mehr oder weniger) festgelegt sind.

Die typischste Struktur der Paarformeln der Chronik ist die Verbindung von substantivischen Komponenten: mit... spotte vnde hone 52 a, Mann vnde RoB 50 a, mit henden vnde vöten 191 b, hülpe vnde trost 80 b, dach vnde nacht 188 a, gudt vnde böse 138 b, schreck vnde angst 83 a, twist vnde torn 88 a, tho Peerde vnde tho Vote 78 a, tho water vnde tho lande 15 b, Wehre vnde wapen 38 a, an Iyff vnde gude 111 b.

Nach J. Olschanski (Ольшанский, 1965, 12) sind die substantivischen Paarformeln auch in der modernen deutschen Sprache am häufigsten vertreten.

Die zweite Stelle nehmen bei Russow die Paarformeln von zwei Adjektiven ein: korth vnde gudt 135 a, angest vnde bange 109 b, samptlik vnde sunderlik 42 b, Ryck vnde mechtig 63 b, keck vnde freidich 133 b, kale vnde bloedt 135 a, ganz vnde gar 70 a. Viel seltener bestehen die Paarformeln aus Adverben oder Präpositionen: oftt vnde vaken 162 a, hen vnde wedder 55 a, hen vnde her 185 a, vmme vnde vmme 184 b, dorch vnde dorch 37 b.

Obwohl der Chronist eine besondere Vorliebe für zweigliedrige verbale Formeln zeigt, handelt es sich dabei meistens doch nur um individuelle Neubildungen. Nur wenige davon könnten vielleicht doch als stehende Paarformeln angesehen werden, z.B. lyden vnde dilden 199 a, sehen vnde spören 188 b 'am eigenen Leibe kennenlernen', gelauet vnde thogesecht 70 a 'feierlich versprochen'.

Das häufigste Verbindungsmittel der Komponenten der Paarformeln der Chronik ist vnd(e) (siehe oben!), nur einmal kommt auch sowol...also und die Kombination der Präpositionen van...tho vor; sowol binnen also buten 60 a, van dage tho dage IX.

Zur Verknüpfung der Wörter zu einem Ganzen dienen oft euphemische Mittel, wodurch die Paarformeln auch eine besondere lautliche Form bekommen. Diese Mittel sind:

- 1) der Stabreim, z.B. mit lust vnde leue 127 b, alle Kisten vnd Kasten 75 b, gudt vnde quadt 11 a, ganz vnde gar 112 b, hen vnd her 185 b;
- 2) der Endreim, z.B. roeck vnde schmöck 35 a, vorheret vnde vorteret 194 a, Handel vnde wandel 72 a.

Die Verknüpfung der Komponenten kann auch bloß durch semantische Zusammenstellung der Wörter geschehen, deren Bedeutungen einander ergänzen und dadurch eine begriffliche Einheit bilden.

Nach der inhaltlichen Beziehung ihrer Glieder bestehen die Paarformeln der Chronik:

- 1) meistens aus zwei Synonymen: Kisten vnd Kasten 75 b, 'alle Behälter', roeck vnde schmöck 35 a 'großer Brand', mnd. smok m. 'Schmauch, Rauch' (Sch.-L. IV 265), vgl. nhd. in Rauch (und Flammen) aufgehen 'gänzlich verbrennen' (K2954), mit...spotte vnd hone 52 a, syt vnd spot 52 a, mnd. syt m. oder n. 'Verdruß, Hohn, Kränkung' (Sch.-L. IV 332) (alle ere) Wehre vnde Wafen 38 a, mnd. were f. 1. Wehre, Verteidigung 2. alles, was dient, um Widerstand zu leisten (Sch.-L. V 677) vgl. mhd. wer(e) f. 1. Verteidigung, 2. Mittel zur Verteidigung Bewaffnung, Gesamtheit der Waffen, mit denen jemand ausgerüstet ist, dann auch eine einzelne Waffe, in der Regel das Schwert. Häufige Verbindung: in Wehre und Wafen (P. II 728) naket vnd bloedt 35 b 'völlig nackt', kale vnde bloed 135 a 'sehr arm', vgl. est. puupaljas. Nach Hermann Paul kommt kahl auch im Sinne 'von Geld entblüßt' vor (P. 1318), wodurch sich die Gesamtbedeutung der Redewendung erklären läßt; dat schimp vnde schande 169 a, vgl. est. häbi ja teotus, (ys) angst vnd bange (geworden) 109 b 'hat...Angst bekommen', vgl. est. hirm ja kartus.

Zur Angabe der Dauer oder zur Verstärkung des Begriffs dient die Wiederholung des gleichen Wortes. In der Chronik gibt es dafür nur drei Belege: van dage tho dage IX 'mit jedem Tag, allmählich', vgl. est. päevast päeva. Vgl. auch: van worde tho worde (Rb. 335 /1500/) 'ein Wort nach dem anderen', dorch vnde dorch 37 b 'völlig gänzlich', vgl. est. läbi ja läbi, vmme vnde vmme 184 b 'rund herum'.

Obwohl die Paarformeln mit identischen Gliedern nach bestimmten Mustern gebildet sind (van x tho x, x vnd x), soll man sie doch zur eigentlichen Phraseologie zählen, weil beim ersten Muster die Präpositionen nicht die Bedeutung der freien Präpositionen haben, beim zweiten Modell aber die Positionen nicht frei besetzbar sind. Nicht akzep-

tabel sind z.B. *vp vnde vp, *yegen vnde yegen

2) seltener aus zwei A n t o n y m e n, deren gegensätzliche Bedeutungen zu einer verstärkten und verallgemeinerten Gesamtbedeutung zusammenschmelzen, z.B.

gudt vnde quadt 11 a 'alles', mnd. guat n. Böses, Übel (Sch.-L. 111398), est. hea ja halb

dach vnde nacht 188 a 'die ganze Zeit, unaufhörlich', est. ööd ja päevad

tho water vnde tho lande 15 b 'überall, auf allen wegen' est. maal ja veel

Eddel vnd Vneddel 193 b 'alle Einwohner'

hen vnde her 146 b 'ständig die Richtung wechselnd est. siia-sinna, edasi-tagasi

junck vnd oldt 33 a 'jedermann, alle Menschen' est. vana ja noor

so wol binnen also buten 60 a 'überall', mnd. binnen 'innerhalb' (Sch.-L. I 338), mnd. buten 'außerhalb' (Sch.-L. I 463), vgl. auch: bynnen vnd buten (Rb 381/1514/), est. sees ja väljas

3) aus thematisch nahestehenden Wörtern, die meist einander ergänzen und dadurch eine Einheit bilden:

mit dem Schwerde vnde Vüre 70 b 'mit dem Kriege' est. tule ja mõõgaga

hen vnde wedder 55 a 'manchmal' est. vahete-vahel

samt...Frouwen vnde Kindern 50 a 'mit der ganzen Familie' est. naiste-lastega

mit lust vnde leue 127 b 'sehr gerne' mnd. leuef. 'Liebe' (Sch.-L. II 677)

middel vnde wege 81 b 'erfolgsversprechende Methoden' est. teed ja vahendid

Unabhängig davon, ob die Paarformeln der Chronik aus Synonymen, Antonymen oder thematisch nahestehenden Wörtern bestehen, drücken sie doch einen einheitlichen Begriff aus und besitzen eine mehr oder weniger einheitliche Gesamtbedeutung.

Nach dem Grad der Bedeutungsübertragung und der Motivierung der neuen Gesamtbedeutung gehören alle Paarformeln der Chronik zu den phrasologischen Einheiten, d.h. die ganze Wendung ist umgedeutet, ihre Einzelglieder stehen aber in so durchsichtiger Beziehung zueinander, daß ihre Gesamtbedeutung sich leicht aus den Bedeutungen ihrer Komponenten schließen läßt, vgl. mit lust vnde leue 127 b 'sehr gerne', mit dem Schwerde Vüre 70 b 'mit dem Kriege'.

Das gilt auch für solche Paarformeln, die unter synchroner Perspektive betrachtet nicht mehr lebendige oder durch Bedeutungsentwicklung (in diesem Zusammenhang) unverständlich gewordene Wörter enthalten und heute zu den starren phraseologischen Verbindungen gezählt werden müßten. Zu Russows Zeiten waren diese Wörter aber noch lebendig und wurden in ihrem ursprünglichen Sinn benutzt:

to...nutz vnde framen 126 a 'zu j-s Nutzen', mnd. vrome, vrame, vromen m. l. Nutzen, Gewinn, Vorteil (Sch.-L.V 537), ahd. fruma 'Vorteil'. Auch bei Luther in der alten Bedeutung (P. I 204). Heute nur in der festen Verbindung "j-m zu Nutz und Frommen", 'zu j-s Nutzen, Besten' (K.279, B.421), mit...möye vnde arbeide 125 a 'mit großer Mühe', mnd. arbeit m,n, selten f. l. Mühe, Not, Beschwerde (Sch.-L.I 122), est. hāda ja vaevaga. Auch im Hochdeutschen bezeichnete Arbeit ursprünglich etwas 'lästiges, Beschwerliches' (P. I 38). Heute wird in der entsprechenden Wendung das zeitgenössische Synonym verwendet; vgl. 'mit Müh und Not' 'mit großer Anstrengung, knapp' (K. 2564, B. 402), wedder... recht vnd billicheit 108.b 'gegen alle Gerechtigkeit, ungerecht', mnd. billich 'passend, gerecht' (Sch.-L. I 336), billicheit ist in der Wendung mit recht synonym, bezeichnet aber jedoch nicht das gesetzliche Recht, sondern das Recht, das dem natürlichen Rechtsgefühl entspricht. Die heutige Bedeutung entwickelt sich erst im 18. Jh. (P. II 96) mit...pryse vnd ehren 147 b 'mit großer Ehre', mnd. pris m. Preis, Ruhm (Sch.-L. III 376),

mhd. pris m. Lob, Ruhm. Die Bedeutung 'was für eine Sache gezahlt wird' erscheint doch schon seit dem Ausgang des 15. Jh. (P. II 460). Heute nur Ruhm und Ehre (K. 3093, B. 468), est. au ja kuulsus

den höchsten Koer vnde wale 47 a 'die höchste Wahl', mnd. kor, kur m., f. l. Entscheidung, Beliebung (aus der Erwägung hervorgegangen) ... die Wahl zwischen zwei oder mehr Dingen (Sch.-L. II 533, 535).

Auch im Hochdeutschen bedeutete Kur ursprünglich 'Beschluss, Entschluss, Wahl'. Die alte Bedeutung ist heute lebendig nur in Zusammensetzungen wie Kurpfalz und Kurfürst (P. I 355)

dat Krudt vnd Loedt 76 b 'die ganze Munition'.

mnd. lot, lode n. Blei, alles aus Blei gemachte, Kugel (Sch.-L. II 730),

mnd. krut, krude n. 1. grünes Kraut. 2. Gewürz 3. Pulver (Sch.-L. II 584)

Hd. Kraut bezeichnete seit dem 14. Jh. 'Schießpulver' und wurde in der Verbindung Kraut und Lot 'Pulver und Blei' bis ins 17. Jh. häufig gebraucht (P. I 348). Heutzutage nur in der Jägersprache: Kraut und Lot (K. 2224). Sonst aber mit Ersetzung der Komponenten j-n zu Pulver und Blei verurteilen 'j-n zur Erschießung verurteilen' (B. 444)

Obwohl die Paarformeln einen umgedeuteten Gesamtsinn besitzen, hat man im Neuhochdeutsch zwecks besserer Verständlichkeit der Wendungen in einigen Fällen die Archaismen durch zeitgenössische Wörter ersetzt, vgl. mit Ruhm und Ehre, mit Mühe und Not, zu Pulver und Blei. Das weist darauf hin, daß die Glieder der Paarformeln bei der Umdeutung ihre Eigenbedeutungen doch nicht völlig einbüßen.

Nach der Art der Umdeutung lassen sich die Paarformeln der Chronik in zwei Gruppen einteilen:

- 1) Paarformeln mit bildlich übertragener Bedeutung, wie gudt vnde guadt 11a 'alles', junck vnde oldt 33 a 'jedermann', mit lust vnde leue 127b 'sehr gerne', kale vnde bloed 135 a 'sehr arm', dune vnde vull 121 a 'völlig betrunken', mnd. dun(e) adj. mnd. adv., abgeleitet von dunen, donen 'schwellen, strotzen'. Also bedeutet mnd. dune 'aufgeschwollen, straff'. In stehenden Wendungen übertragen auch 'betrunken' (Sch.-L. I 526)

Im Vergleich zu den heutigen Paarformeln ist jedoch der Grad der Bedeutungsübertragung bei den Paarformeln der Chronik oft viel niedriger. Alle Komponenten können

sowohl wörtlich als auch figurativ verstanden werden, wobei das Bild, das der Übertragung zugrunde liegt, meist völlig klar ist, vgl. mit dem Schwerde vnde Vüre 70 b 'mit dem Kriege', dat Krudt vnd Loedt 76 b 'die ganze Munition' naket vnd bloodt 35 b 'völlig nackt'.

Mit der Zeit hat sich der Gesamtsinn dieser Formeln vom ursprünglichen Bild immer mehr entfernt. Heute bedeutet z.B. etw. mit Feuer und Schwert ausrotten 'etw. gänzlich, völlig ausrotten' (K. 3350) j-n zu Pulver und Blei verurteilen 'j-n zur Erschießung verurteilen' (B. 444), nackt und bloß, 'völlig nackt' aber auch 'mittellos' (K. 2600)

Einige von den heutigen Paarformeln erscheinen bei Rusow sogar nur in ihrem ursprünglichen direkten Sinn, so daß man sie hier noch nicht zur Phraseologie zählen kann, z.B. dar ein Kerspel veer edder vyff mylen weg lanck vnde breyd ys V. Vgl. nhd. lang und breit (erzählen) 'sehr ausführlich' (K. 2299) alte moneten an... Schroet vnde korne den Portugalosern gelyck 57 b.

Schroet (zu schroten 'abschneiden') bezeichnet hier noch das zur Prägung der Münze von dem Metallbarren abgeschnittene Stück, eigentlich das gesetzmäßige Gewicht der Münze, Körn aber ihren Silber- oder Goldgehalt (B.-W.-Sch. 439)

Die übertragene Bedeutung der Formel vorn echten(alten) Schrot und Korn 'von alter, guter Art' (erst seit dem 18. Jh. bezeugt) (B.-W.-Sch. 430) ist das Produkt einer langen Bedeutungsentwicklung.

Es gibt aber auch Paarformeln, die wahrscheinlich von Anfang an phraseologischer Natur gewesen sind. Ihre Bedeutung scheint schon bei ihrer Entstehung auf ein Ganzes hinzuweisen, vgl. dorch vnde dorch 37 b 'völlig, gänzlich', hen vnde wedder 55 a 'manchmal'.

Besonders gut läßt sich dies in der Rechtssprache zeigen. Die Rechtsformeln visieren meist von Anfang an deutlich ein Ganzes an und lassen sich gewöhnlich semantisch nicht in ihre Teile zerlegen: z.B. huß vnde hoff (Rb 338 /1500/) meint nicht 'Haus und den dazugehörenden Hof', sondern 'den gesamten Besitz', vgl. nhd. Haus und Hof verlieren (K. 1878). Ebenso bezeichnet: al zyn ghut... bowechlick vnde vnbowechlick (Rb 381 /1514/) jegliche Güter eines Menschen, d.h. sei-

den 'ganzen Besitz', quid vnde frigh ... to besittende (Rb 340 /1501/) bedeutet aber 'etw. völlig frei besitzen'. Wenn die Mehrgliedrigkeit des Ausdruckes im späten Mittelalter auch zur modischen Wucherung gelangte, es gab sogar viergliedrige Formeln, vgl. fry, guid, leddich vnde loB (Rb 333 /1500/) 'völlig frei', liegt ihr Ursprung doch in der möglichst genauen Definition eines Begriffsinhalts.

- 2) Paarformeln mit **v e r s t ä r k t e r** B e d e u t u n g. Bei vielen Paarformeln der Chronik kann man eigentlich keine Bedeutungsübertragung, sondern nur eine Bedeutungsverstärkung beobachten. Also kommt hier die idiomatische Bedeutung anders zustande als bei sonstigen Phraseologismen. In einer Reihe von Paarformeln, die zur Verstärkung des Begriffs zwei Synonyme (oder thematisch nahestehende Wörter) benutzen, liegt die Gesamtbedeutung nur bei e i n e r Komponente der Formel, jedoch im gesteigerten Maße, vgl.

<u>Paarformel:</u>	<u>Gesamtbedeutung liegt:</u>
mit grothem pryse vnd ehren 147 b	bei <u>ehre</u> , aber in gesteigertem Sinn
mit möye vnde arbeide 125 a	bei <u>möye</u> , aber gesteigert
to nutz vnde framen 126 a	bei <u>nutz</u> , aber gesteigert
naket vnd bloedt 43 a	bei <u>naket</u> , aber gesteigert
Handel vnde Wandel 72 a	bei <u>Handel</u> , aber gesteigert

Wie wir sehen, liegt die Gesamtbedeutung bei der Komponente mit genauer begrenzter Bedeutung (z.B. ehre, möye, nutz), die mehrdeutigen zweiten Glieder, deren Bedeutung im 16. Jh. noch im Werden ist (z.B. prys, arbeit, frame, (siehe oben S. 118)) dienen nur zur Bedeutungsverstärkung.

Daß nur die eine Komponente die gesteigerte Gesamtbedeutung trägt, kann man heute hauptsächlich bei solchen Paarformeln beobachten, die nicht mehr lebendige (und daher unverständliche) Wörter enthalten, z.B. frank und frei, mit Fug und Recht, klipp und klar, zu Nutz und Frommen.

Neben der semantischen Umdeutung ist das weitere wesentliche Merkmal der Phraseologismen i h r e F e -

st i g k e i t. Auf der l e x i s c h e n E b e n e äußert sich die Festigkeit in der einmaligen Verknüpfung der Komponenten des Phraseologismus. Auch bei den Paarformeln können im modernen Deutsch die Glieder meistens nicht ausgetauscht werden. Im Mittelniederdeutsch des 16. Jh. scheint die lexische Festigkeit der Paarformeln sich noch nicht völlig herausgebildet zu haben, denn sowohl Russow als auch die Schreiber der Revaler Kanzleibücher ersetzen die Komponenten der Paarformeln recht oft durch Synonyme, z.B. oftt vnde vaken 8 a: oftt vnde dicke 190 a, vgl. vaken vnde velemals (Rb 333 /1500/), keck vnde freidich 133 b, mnd. vreidich, adj. herzhaf, mutig, kühh (Sch.-L. V 526): dapper vnde freidich 56 a, dune vnde vull 121 a: druncken vnde vull 154 a, gudt vnde quadt 11 a: gudt vnde böse 138 b, schreck vnde angst 83 a: schreck vnde drowent 108 a, sampt..Frouwen vnde Kindern 50 a: sampt Wiueren vnde Kindern 172 a, twist vnde torn 89 a: twist vnde vneinicheit 62 b, in busseche vnde broke 171 b: in de Wiltenisse vnde bussche 98 a, starck vnde geweldich 26 b: starck vnde mechtig 199 a, spot und schande 75 a: mit spotte vnde hone 52 a, in zanck vnd hader (Gb 258 /1576/): in zanck vnd tweiung (Gb 273 /1581/): in vneinigkeit vnd zank (GB 294 /1592/) to... schaden vnd nadele 127 a: to ... schaden vnde vorderue IV sick...frölich vnde guder dinge makeden 142 a: sick lüstich vnde guder dinge makeden 157 a.

Die Festigkeit auf der s y n t a k t i s c h e n E b e n e äußert sich in der Stabilität der Wortfolge der Phraseologismen. Auch bei den Paarformeln sind die Komponenten heute in der Regel nicht umstellbar.

Nach H. Burger (1973, 44) gilt das besonders für solche Paarformeln, die nicht mehr lebendige Moneme enthalten, also unmotiviert sind, z.B. nhd. Lug und Trug, frank und frei.

Aber auch dort, wo die Zusammenstellung der Moneme wegen ihres Bedeutungswandels synchron nicht mehr verständlich (motiviert) ist:

in Hülle und Fülle

*in Fülle und Hülle

Auch bei den Paarformeln, die noch bis zu einem gewissen Grade motiviert sind, ist die Umkehrung gewöhnlich nicht akzeptabel, weil dabei die Eigenbedeutungen der Komponenten

aktualisiert werden und die Formel ihre idiomatische Bedeutung verliert: Haus und Hof: Hof und Haus. Also ist der Hauptgrund der Stabilität der Wortfolge die semantische Einheitlichkeit der Paarformeln.

E. Riesel (1963, 149) weist auf weitere Gründe hin, die eine stabile Wortfolge der Paarformeln bedingen:

- 1) der Lautwandel i-a: Kisten und Kasten, Gift und Galle;
- 2) das Gesetz der wachsenden Glieder (d.h. zuerst das kürzere, dann das längere Wort):
RoB und Reiter, hoch und heilig.

Nur wenn die oben behandelten Gründe zur festen Wortfolge fehlen und wenn die Komponenten ihre Eigenbedeutungen nicht eingebüßt haben, sondern sich gegenseitig nur verstärken, können die Komponenten umgestellt werden, ohne daß die Paarformel dabei ihre idiomatische Bedeutung verliert, vgl. Hohn und Spott: Spott und Hohn (K. 3506).

Alle diese Regeln gelten im allgemeinen auch für die Paarformeln der Chronik und der Kanzleibücher.

Mit unveränderter Wortfolge treten auf:

- 1) Paarformeln mit schwach motivierter Gesamtbedeutung z.B. dune vnde vull 121 a 'völlig betrunken', mnd. dune 'aufgeschwollen, dick' (L. 495)

ohne... fuge vnd recht (GB 255 /1575/) 'ohne jegliches Recht', vgl. mhd. fuoc 'Angemessenheit, Schicklichkeit' (P. I 206)

- 2) Paarformeln mit motiviertem, aber völlig umgedeutetem Gesamtsinn: z.B. huB vnde hoff (RB 338 /1500/) 'der ganze Besitz', kale vnde bloed 158 a, 'sehr arm'
- 3) Paarformeln mit dem Lautwechsel i-a, z.B. Kisten vnde Kasten 75 b, in ... tid vnde daghe (Rb 342 /1501/)
- 4) Paarformeln mit den "wachsenden Gliedern", z.B. mit möye vnde arbeide 125 a, to nutz vnde Framen 126 a, lust vnde leue 127 b, recht vnde billicheit 108 b.

Da im Mittelniederdeutschen die Gesamtbedeutung vieler Paarformeln der Summe der Bedeutungen ihrer Komponenten recht nahekommt (d.h. der Grad der Umdeutung noch recht niedrig ist), gibt es auch in dem von uns untersuchten Belegmaterial eine ganze Reihe von Paarformeln mit umstellbaren

Gliedern. Bei der Umstellung bleibt der figurative Sinn der Paarformeln unverändert:

mit...dem Schwerde vnde Vüre 70 b: myt vure vnde myt schwerden (Sch.-L. IV 493) 'mit dem Kriege', van golde vnde Sülver 166 b: van Sülver vnde golde 46 b 'von Wertsachen', mit Schande vnde spotte 72 a: spot vnd schande 75 a 'große Schande',
plage vnde straffe 49 a: straffe vnde plage 93 a 'große Plage', bedröuet vnde trwrich 182 a: trwrich vnd bedröuet 'sehr traurig', hader vnd zanck (GB 241 /1571/): zanck vnd hader 'heftiger Zank' (Gb 251 /1574/), bynnen vnd buten (Rb 381 /1514/): buten vnde bynnen (Rb 335 / 1500 /), quid vnde frigh (Rb 340 /1501/): fry vnd quid (Rb 364 /1505/) 'völlig frei, frei von allen Verpflichtungen'.

Im modernen Deutsch ist die semantische Einheit und die Festigkeit der Komponenten der Paarformeln oft so stark, daß die gesamte Wortgruppe formal wie ein Wort behandelt wird (A. XXVII). Das äußert sich im Fehlen der Flexionsendungen der ersten Komponente (des Grund und Bodens, seines Tun und Treibens, ein klipp und klares Ja), ebenso in der Vereinheitlichung des Geschlechts nach der zweiten Komponente der substantivischen Paarformeln (Für ihr ganzes Hab und Gut, vgl. aber: die Habe) (Чернышева, 1970, 60; Behaghel, 1958, 229).

Da bei Russow die Komponenten der Paarformeln ihre Eigenbedeutungen noch in recht starkem Maße beibehalten haben und die Gewohnheit ihres Zusammengebrauchs auch um vier Jahrhunderte kürzer ist, kann man in der Chronik ein ganz anderes Bild beobachten:

- 1) die beiden Komponenten werden flektiert: des rokes vnde schmokes haluen 35 a; tho bussche vnd tho broke 78 b; mit grothem pryse vnd ehren 147 b.
- 2) das Geschlecht richtet sich nicht nach der zweiten, sondern nach der ersten Komponente: den höchsten Koer vnde wale 47 a, vgl. mhd. wal(e) f. (P. II 717); mit grothem pryse vnd ehren 147 b, mnd. ere, f. (Sch.-L. II) dat schimp vnde schande 169 a, mnd. schande, f. (Sch.-L. IV 44);

in dem langwiligen frede vnde rouwe IV, mnd. rouwe, rowe, f. (Sch.-L. III 515).

Nur das regelmässige Fehlen des Artikels (oder des attributiven Adjektivs) vor der zweiten Komponente zeugt davon, daß die Formel schon im 16. Jh. einigermaßen als ein Ganzes aufgefaßt wurde, vgl. eine grothe fröwde vnde frolockent 87 a. Außerhalb der Paarformel müßte es heißen: eine grothe fröwde vnde ein (groth) frolockent.

Sonst unterscheidet sich der Gebrauch des Artikels in den Paarformeln der Chronik nicht von dem in den freien syntaktischen Wortverbindungen. Es gibt Paarformeln

- 1) ohne Artikel, z.B. dach vnde nacht 185 b, by dage vnde by nacht 156 a, hülpe vnde Trost 165 b, mit hande vnde munde 59 b 'feierlich', an Lyff vnd gude 111 b, hülpe vnd radt 80 a.
- 2) mit dem unbestimmten Artikel, z.B. eine grothe fröwde vnde frolockent 87 a, ein weemoed vnd bedröffenisse 77 a, einen grüwliken roeck vnde schmöck 35 a, nicht einen geringen schreck vnde angst 83 a.
- 3) seltener mit dem bestimmten Artikel, z.B. dat schimp vnde schande 169 a, de twist vnde torn 89 a, mit dem Schwerde vnde Vüre 70 b. Vgl. aber: verheerende dat... myt vure vnde myt schwerden (Sch.-L. IV 493).

In modernem Deutsch können die Paarformeln verschiedene syntaktische Funktionen erfüllen, d.h. als Äquivalente der Wörter können sie verschiedene Satzglieder vertreten. Auch bei Russow werden die Paarformeln im Satze als einheitliche Satzglieder benutzt. Sie können gebraucht werden:

- 1) als Subjekt, z.B. Darup eine grote plage vnde straffe auer Lyffflandt geulget ys 49 a.
- 2) als Objekt, z.B. ... mosten se ... andere middel vnde wege söken 81 b; ... vnde einen grüwliken roeck vnde schmöck angerichtet hadden 35 a; ... da wille wy ... gudt vnde quadt mit juw lyden 11 a
- 3) als Prädikat, z.B. Welckes eme de Meister Andreas van Stucklandt ock gelauet vnde thogesecht hefft 20 b, mnd. loven, laven l. glauben... 3. geloben, versprechen (Sch.-L. II 736).

- 4) als Prädikativ, z.B. Also se nu dune vnde vull weren 121 a.
- 5) als Attribut, z.B. Derwegen vele van Lyfflendisschen Adel, junck vnde oldt, sick tho em gesellt hebben 73 a. Vgl. auch: ... sinem echten vnd rechten naturligen broder (Gb 134 /1547/)
- 6) als verschiedene Adverbialbestimmungen, z.B. Desse Meister Vinno hefft offt vnde vaken mit den Vnchristen gestreden 8 a; ... he hedde den dat vnkrudt...ganz vnde gar vthgeradet 139 b; darinne se ere wahr fry vnde vnuorhindert mit jedermanne vorhandelen möchte 69 b.

Die Paarformel kann auch als Teil eines Idioms auftreten: Na deme de Haßelude in erem Borchleger mit dem roffgude... sick lüstich vnde guder dinge maken 157 a 'sich vergnügen'. Vgl. mnd. sik vrolik maken 'sich vergnügen' (Sch.-L. V 536), frühhd. sich lustig (fröhlich) machen 'sich vergnügen' (G. VI 1390). Gleichbedeutend: sich guter dinge machen (G. II 1167). Später mit Bedeutungsver schlechterung: sich, (über j-n) lustig machen 'j-n verlachen' (K. 2410). Sowohl bei Schiller-Lübben als auch bei Grimm ist die zweigliedrige Form der Redewendung nicht registriert. ... als de Geste dar ganz fröhlich vnde guder dinge weren 60 b, 'guter Laune, vergnügt waren'. Vgl. est. rčõmus ja heas tujus. Frühhd. guter ding und fröhlich sein; 'lustig und guter ding sein', vergnügt, fröhlich, heiter sein'. Belegt schon im 15. Jh. (G. II 1168). Gebräuchlich auch im heutigen Deutsch (B. 126). Nach L. Röhrich erklärt sich die Bedeutung der Redensart aus mhd. gedinge 'Hoffnung, Zuversicht', frühhd. 'Laune, Stimmung'. Demnach war der ursprüngliche Sinn der Wendung 'voll guter Hoffnung sein' (R. I 206).

... middeler wyle scholden se vp beyden parten mit hande vnde munde Stille holden vnd keiner den andern schelden edder beledigen 117 b 'den Gegner weder schlagen noch schimpfen, sich ruhig verhalten'. Vgl. mnd. dat he syne hande holde 'daB er sich ruhig verhalte' (Sch.-L. II 190). Est. kãtele ja suule mitte voli andma.

De Meister vp dem Rathuse geboeth frede, mit hande vnde munde 59 b 'feierlich, mit schwörend erhobener Hand und entsprechenden Worten' (L. 724; Sch.-L. III 191). Bei der

Polysemie dieser Paarformeln handelt es sich offensichtlich um parallele Bedeutungsübertragung des Wortes hand. Im ersten Fall steht hand bildlich für "Schlagen", wie sie überhaupt für viele körperliche Tätigkeiten stehen kann (P. I 272), im zweiten Fall liegt der Umdeutung aber die symbolische Geste der Hand beim feierlichen Eid zugrunde (Sch.-L. III 191). Welche von den beiden übertragenen Bedeutungen aktualisiert wird, hängt vom Kontext ab. Im allgemeinen ist für die Paarformeln der Chronik (wie auch im heutigen Deutsch (Чернышева, 1970, 101) doch monosemantische Charakter typisch.

Nach dem Modell der gemeinsprachlichen Paarformeln schafft Russow in sehr großer Zahl individuelle Neubildungen, die an ihrer Expressivität den volkstümlichen kaum nachstehen: (gegen) Hunde vnde Winde 43 b, dem Gebruke vnde Gewahnheit na 50 a, pracht vnde prael V, gudt vnd raedtsam 160 a, viend vnde gram 181 b, freten vnd essen 66 b, bereden vnde bewegen 49 a u.v.a.

Um seinen Schilderungen ein besonders feierliches Gewicht zu verleihen, benutzt Russow oft individuelle Paarformeln aus einem deutschen Wort und einem Fremdwort: herrschen vnde regeren 90 b, höuet vnde Principal 104 a, mit... groten Fryheiden vnde Privilegien 42 a, ein Wunderwerck vnde Mirakel Gades 56 b, mit groten fröwden vnde triumphhe 20 a, allerley tyrannye vnde moedtwillen 52 a u.v.a.

Neben den zweigliedrigen Formeln trifft man in der Chronik (wie auch in den Revaler Kanzleibüchern) auf Schritt und Tritt drei- und mehrgliedrige Verbindungen, die einen Begriff verstärken oder von mehreren Seiten her beschreiben sollen: Radtsherren, Börger, Koepegesellen, Landesknechte vnde gemeine Mann 78 a, 'alle Männer der Stadt'; ein herteleidt, elende vnde jamer 197 a, 'großes Herzenleid'; in hadder, zank vnd schleggen geraten (Gb 301 /1595/) 'in heftigen Streit'; by eren eden geschecht, tuget vnde wargemaket (Gb 351 /1502/), 'unwiderruflich festgestellt'.

Eine solche sehewülstige Ausdrucksweise ist der ganzen deutschen mittelalterlichen Schriftsprache charakteristisch (Berger, 1931, 41); Siggelkow 1929, 47, 69). Diese Synonymik des Ausdrucks ist aber kein Erzeugnis der deutschen mittelalterlichen Kunstprosa, sondern geht zurück auf die mittel-

alterliche lateinische Rhetorik, die reichliche Verwendung sinnverwandter Wörter vorschreibt (Siggelkow, 1929, 69). Es ist kein Wunder, daß Russow als lateinkundiger Prediger von diesem Stilmittel so fleißig Gebrauch macht. Sogar manche sonst in zweigliedriger Form gebräuchliche Formeln treten in der Chronik als mehrgliedrig auf: mit mordt, roeff vnde brande 28 a, vgl. nhd. Mord und Brand schreien (B. 400); Hüser, Lande vnde Lüde 65 a, vgl. nhd. Land und Leute kennenlernen (K. 2293); keinen beteren Raedt, Hulpe vnd trost wuste 81 b, vgl. nhd. weder Hilfe noch Rat wissen (B. 285); Gades wedder vnd Windt vnd alle Elemente 107 a, vgl. nhd. Wind und Wetter (B. 624).

Ähnliches auch in den Kanzleibüchern: fry, quid, led-dich vnde loB (Rb. 364 /1505/). Daneben auch zweigliedrig: van den zaken leddich vnde los (Rb. 332 /1500/). Vgl. nhd. los und ledig (K. 2393).

Einige der mittelalterlichen dreigliedrigen Formeln haben sich usualisiert und bestehen auch heutzutage (Drillingsformeln), z.B. Mann und RoB und Wagen; Punkt, Schluß und Streusand darüber (Burger, 1973, 43), aber sie erfreuen sich nicht mehr solcher Beliebtheit wie im 16. Jh.

L I T E R A T U R

- Behaghel, O. Die deutsche Sprache. Halle (Saale), 1958.
- Bergner, D. Eine niederdeutsche Predigtsammlung von 1470, II. In: Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung, Jahrgang 1930/31. Hamburg, 1932.
- Burger, H. (unter Mitarbeit von H. Jaksche). Idiomatik des Deutschen. Tübingen 1973.
- Riesel, E. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau 1963.
- Schlüter, W. Über die Beeinflussung des Estnischen durch das Deutsche, mit besonderer Berücksichtigung des Niederdeutschen. In: Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft 1909.
- Siggelkow, F.-E. Studium zu mittelniederdeutschen Volksbüchern. In: Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung, Jahrgang 1929. Hamburg 1931.

Vakk, F. Suured ninad murdsid päid... Tallinn, 1970.

Ольшанский М.Г. Парные сочетания слов современного немецкого языка. Автореферат канд. дисс. Москва, 1965.

Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. Москва, 1970.

W Ö R T E R B Ü C H E R

Agricola, E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig, 1962 (A.)

Binowitsch, L.E. und Grischin, N.N. Deutsch-russisches phraseologisches Wörterbuch. Zweite verbesserte und erweiterte Auflage. Moskau, 1975 (B.)

Borchardt-Wustmann-Schoppe, Die sprichwörterlichen Redensarten im deutschen Volksmund. Siebente Auflage neu bearbeitet von A. Schirmer. Leipzig, 1955 (B.-W.-Sch.)

Grimm, J. und W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1854-1911.

Klappenbach, R. und Steinitz, W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1961-1976 (K.)

Lasch, A., Borchling, G. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Hamburg, 1928-1934 (L.)

Paul, H. Deutsches Wörterbuch. I; II. Fünfte Auflage. Bearbeitet von A. Schirmer. Halle (Saale) 1956 (P.)

Röhrich, L. Lexikon der sprichwörterlichen Redensaften. B. I, II. Dritte Auflage. Freiburg. Basel. Wien 1974 (R.)

Schiller, K., Lübben, A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. B. I-VI, Bremen 1875-1881 (Sch.-L.)

QUELLENVERZEICHNIS

Chronica Der Prouintz Lyfflandt ... Korth vnde loffwerdich
beschreuen Dorch Balthasar Rüssouwen Reualiensem,
Rostock ... Anno MDL XXVIII.

Das Revaler Geleitsbuch 1515-1626. I. Teil: Text. Heraus-
gegeben von N. Essen, P. Johansen. Tallinn 1939.
In: Publikationen aus dem Stadtarchiv Tallinn. Nr. 9
(Gb.)

Das Revaler Pergament Rentebuch 1382-1518. Herausgegeben
von A. Plaesterer. Reval 1930. In: Publikationen aus
dem Revaler Stadtarchiv. Nr. 5 (Rb.)

ПАРНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ В ЯЗЫКЕ ХРОНИКИ БАЛЬТАЗАРА РУССОВА

Л. Отсмаа

Р е з ю м е

Парные сочетания слов образуют специфическую особенность фразеологии хроники. Анализ материала показывает, что 1) все парные сочетания слов хроники относятся к фразеологическим единствам, поскольку компонентов с немотивированным общим значением среди них нет; 2) метафорических парных слов меньше, чем сочетаний с усиленным значением, причем общее значение часто опирается только на один компонент; 3) лексическая и синтаксическая устойчивость парных сочетаний слов еще полностью не образовалась, поскольку компоненты заменяются синонимами, а также можно изменять последовательность компонентов; 4) нельзя говорить о семантической цельности парных сочетаний слов, так как оба компонента склоняются; 5) к целому ряду парных сочетаний хроники можно найти точные соответствия в эстонском языке.

О КАТЕГОРИИ ВИДА В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

В. Рястна

В последние 30 лет в языкознании все большее внимание ученых привлекает проблема категории вида. Учение о виде глагола в настоящее время выделилось в специальную часть грамматики - аспектологию (Маслов, 1962, 7). В современной грамматике эта проблема считается одной из наиболее сложных, интерес к которой проявляют как советские, так и зарубежные лингвисты. В данной статье делается попытка дать краткий обзор изучения названной проблемы в зарубежной лингвистике.

Прежде чем рассмотреть наличие категории вида в германских языках, остановимся коротко на понятии вида. Грамматическая категория вида не имеет единого определения. Каждый раз, когда речь идет об определении категории вида в каком-либо языке, обращаются обычно к определению этой категории в славянских языках. Так поступил, например, В. Штрейтберг при изучении готского глагола (Holt, 1943, 7).

По поводу содержания категории вида в славянских языках существуют в современной лингвистике различные мнения. Так Н.С. Авилова (1976, 25) считает, что имеется две основные точки зрения на значение совершенного вида, который является грамматически маркированным членом видовой оппозиции. Наибольшее значение получила точка зрения, по которой совершенный вид означает целостность выражения глагольного действия, в то время как несовершенный вид не несет в себе положительной семантической характеристики.

Другая точка зрения на семантику совершенного вида опирается на понятие предела (Авилова, 1976, 22). С категорией вида тесно связана семантическая группировка глаголов, которую в германистике называют *Aktionsarten* (способы действия).

В "Грамматике современного русского литературного языка" делается упор на понятие предела. Глаголы совершенного вида - это глаголы, называющие действие как достигшие своего предела. Глаголы несовершенного вида - это глаголы не содержащие указание на достижение предела. Глаголы совершенного и несовершенного вида лексически тождественные и составляют видовую оппозицию или видовую пару. Они противопоставлены друг другу по грамматическому значению, т.е. тождественные

лексически и различающиеся только видовым значением. На грамматическую оппозицию глаголов совершенного и несовершенного вида и опирается категория вида как грамматическая категория (стр. 337).

Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой называет видом грамматическую категорию, обозначающую характер протекания действия по отношению к его результату, продолжительности, повторяемости и т.д. (см. стр. 75).

В новейшей английской грамматике Р. Квэрка мы находим следующее определение: аспект есть способ рассмотрения и испытывания действия (Quirk, 1974, 90).

В современных лингвистических работах под аспектом подразумеваются нередко и иные грамматические оппозиции, имеющие известное функционально-семантическое сходство со славянской аспектной парой, например английские глагольные формы: *I write / I am writing* и испанские *escribo / estoy escribiendo* (пишу).

Часто считают видом и формы глагола, противопоставленные в рамках прошедшего времени, например во французском *imparfait / passé simple* или *passé composé* (Маслов, 1962, 354). Некоторые авторы включают в понятие аспекта и перфектные формы современных германских языков, в частности английского.

В настоящей работе понимается под категорией вида характер протекания действия в отношении к его внутреннему пределу, результативности, длительности, целостности, повторяемости.

Переходим к рассмотрению точки зрения лингвистов на аспектуальные отношения в немецком языке. Наиболее подробную характеристику категории аспектуальности в русском и немецком языках дает шведский языковед Г.И. Андерссон в своей книге "Aktionalität im Deutschen". В книге рассматривается проблематика совершенного (несовершенного) вида, т.е. соответствующие способы действия в немецком языке.* Автор выделяет две пары оппозиций, относящихся к различным уровням языка:

Первая пара - предельность/непредельность (П/НП). Глаголы подразделяются по наличию предела в семантике глагола на

* О понятии вида и способов действия в немецком языке см. в рецензии Ю.С. Маслова на книгу С.Т. Андерссона в журнале "Вопросы языкознания, 1976, № 2.

3 группы, не строго ограниченных друг от друга (Andersson, 1972, 33-35):

1) лексикатически предельные глаголы (П), например: приносить, принести;

2) Лексикатически неопредельные глаголы (НП), например: носить, нести. Эта лексикатическая предельность/неопредельность проявляется как способ действия. Третью группу составляют многочисленные нейтральные глаголы, при которых значение П/НП выявляется на уровне словосочетания (рекиональная предельность). Автор различает 2 степени рекиональной предельности:

I ступень связана с наличием при глаголе одного дополнения или обстоятельства: Einem Wagen ziehen (тащить телегу);

II ступень требует более одного дополнения или обстоятельства: Den Wagen auf den Hof ziehen (вытаскивать/вытащить телегу на двор).

Оппозиция П/НП не идентична видовым противопоставлениям славянских языков. Автор справедливо подвергает критике неправомерное отождествление П/НП со славянским видом. Он указывает на различие обеих глагольных систем (см. Andersson, 1972, 62).

Вторая оппозиция – достижение/недостижение предела действия (Д/НД) относится к уровню сочетания предикатов. Эта категория в немецком языке семантически соответствует славянской видовой оппозиции. В качестве примера автор приводит глагол zurückkehren (возвращаться/возвратиться), который в различном окружении выступает то в значении Д действия, то в НД, например: Als er zurückkehrte, fand er ein Telegramm vor (когда он возвратился, он нашел телеграмму). Schmidt, der von seinem Büro zurückkehrte, merkte nicht, daß er die ganze Zeit gegen den Menschenstrom ging (Шмидт, который возвращался из своего бюро, не замечал, что он все время идет навстречу людскому потоку). (Andersson, 1972, I, 63.)

Таким образом Андерссон считает, что аспектуальное значение П/НП реализуется, в основном, в контексте; при этом те значения, которые раскрываются в широком контексте (на уровне предикатов), соответствуют славянской видовой оппозиции. Те же значения П/НП, которые реализуются в минимальном контексте на уровне словосочетания или заданы тематикой глагола, специфичны для немецкого языка и неадекватны славянским видовым оппозициям.

В зарубежной лингвистике находят освещение и вопросы связи между *Aktionsarten* и аспектом. Так Г. Дитрих в книге "Erweiterte Form, Präteritum und Perfektum im Englischen" признает разделение глаголов на дуративные и недуративные. Он выделяет и глаголы промежуточные по характеру, например: auf der Straße gehen (ходить/идти по улице), где глагол употреблен в неопределенном значении и auf die Straße gehen (выходить/выйти на улицу) (Dietrich, 1955, 27-28). В этом предложении легко прослеживается предельное значение глагола. Выделяя ряд *Aktionsarten* он показывает, как они приближаются к аспектуальному значению. Так, например, он считает неопределенно дуративными итеративные глаголы типа zittern (дрожать) и диминуративные - lächeln (улыбаться). К недуративным он относит, например, моментальноточечные глаголы типа finden (находить) и др. (Dietrich, 1955, 29). Он подчеркивает те различия, которые современные лингвисты выявляют в этих глаголах. *Aktionsarten* показывают ряд возможностей объективного осуществления действия. Ссылаясь на Э. Хольман, он подчеркивает своеобразие аспекта в новоанглийском языке. При способах действия речь идет о вариантах протекания объективного процесса. По Э. Хольману аспект связан с субъективной точкой зрения говорящего. Отсюда и определение аспекта: это - точка зрения говорящего на действие, которое воспринимается им. Следует однако отметить, что субъективное приравнивание понятия аспекта к точке зрения говорящего представляется не убедительным, т.к. приводит к смешению понятий модальности и аспектуальности. Так Дитрих пытается показать, как *Aktionsarten* перекрещиваются с аспектом в германских языках.

Итак, мы видим, что аспектуальные моменты вычлняются и в немецком языке, хотя в работах современных лингвистов их трактовка нередко имеет противоречивый характер.

Переходим к рассмотрению возможностей выражения аспектуальных отношений в английском языке. В современном английском языке не существует грамматической категории вида, сопоставимой с соответствующей категорией вида в русском языке, где он выражается посредством парных глаголов. В английском языке нет морфологических средств для выражения глагольного вида, кроме английских длительных форм, выполняющих и аспектуальные функции. Рассмотрим их освещение в зарубежной лингвистической литературе.

При определении функций длительной формы нужно использовать простую форму, так как она представляет оппозицию по отношению к длительной форме, например I work / I am working. Некоторые авторы называют их tenses и рассматривают их как противопоставление simple/expanded (О. Есперсен). Другие говорят о формах, которые они выражают при помощи прилагательных simple/progressive (Ф.В. Зандвурт), progressive / non-progressive (Ф.Р. Палмер). Третьи используют термин аспект (Р. Керм, М. Йоз). Р.Л. Аллен сопоставляет сложные и простые формы (expanded/non-expanded verb clusters).^{*}

Многие авторы рассматривали функции длительных форм, пытаясь определить основную функцию, однако к единому мнению до сих пор не пришли. Они считают существенным лишь длительность (Р. Квэрк, В.Ф. Тводел), другие ограниченную во времени длительность (М. Йоз, Ф.Р. Палмер, Г.Н. Лич).

По В. Матезиусу существенной функцией длительных форм является актуальность действия.

Таким образом длительные формы находят противоречивое рассмотрение у современных лингвистов. Наряду с рядом лингвистов, признающих аспектуальный характер длительных форм, имеются и исследователи, отрицающие у этих форм видového значения.

В лингвистической литературе часто сравнивают длительные формы с французским imparfait как некий длящийся фон во времени, на котором выделяются события, происходящие в ином временном ритме.

Эта специфическая особенность английских длительных форм выражать аспектное значение выявляется в сопоставлении с семантически сходными формами романских языков, как, например, указывает Г. Маршанд (Marchand, 1965, 51).

В испанском языке можно свободно заменить настоящее длительного разряда простой формой, например, estoy escribiendo (пишу в настоящий момент) и escribo (пишу).

Различие в этих формах только в стиле. На вопрос What are you doing? можно по-французски ответить J'écris une lettre (я пишу письмо) или для фактического подчеркивания действия Je suis en train d'écrire une lettre (я пишу письмо в настоящий момент). В английском же языке такого выбора

^{*} Финитные формы глагола, состоящие из одного или более вспомогательных глаголов и основной формы.

нет. Можно ответить только I am writing a letter. При рассмотрении аспектуальных значений в английском языке некоторые лингвисты (см. напр. Twaddell, 1960, 7; Leech, 1971, 18-22; Ota, 1963, 55-56; Quirk, 1973) подчеркивают связь между временными формами и лексическим значением глагола. Это касается как длительных, так и перфектных форм. My watch works perfectly (мои часы ходят хорошо). My watch is working perfectly. В первом предложении ясно прослеживается неограниченная длительность, в то время как во втором делается упор на выражение действия и данный отрезок времени.

Рассматривая постановку проблемы в английских грамматиках последнего времени можно сказать, что авторы статей, в которых используется термин аспект, не всегда включают его в общую систему глагольных форм. Так Ф.Р. Палмер, разделяя глаголы на progressive/non-progressive и perfective / non-perfective, высказывает сомнения в том, как их назвать. Термин аспект дается только в виде ссылки (Palmer, 1965, 59).

В новейших английских грамматиках Р. Квэрк, С. Гринбаум, Г. Лич, М. Свартвик "A Grammar of Contemporary English" и в составленной на ее основе университетской грамматике "A University Grammar of English" аспект рассматривается последовательно и в связи с временными формами. В грамматике различаются две пары аспектуальных оппозиций perfective / non-perfective и progressive / non-progressive. Основной функцией имперфективного аспекта, соответствующего в известной степени несовершенному виду, авторы считают длительность, однако отличают также такие значения, как ограниченная длительность, незавершенность, эмоциональная окраска и др. Перфективный аспект, соответствующий совершенному виду, рассматривается наряду с категорией времени и наречиями.

Подробный анализ точек зрения как исследований прошлого, так и современных лингвистов мы находим в работе Р.Л. Аллена "The Verb System of Present-Day American English" (1966) Автор анализирует различные точки зрения в традиционной грамматике (Ф. Моссе, Б. Крейзинга, Х. Суйт, Т. Онгонз, Г.О. Керм), где в основе для классификации аспектуальных функций лежит значение.

На основе обширного материала и ознакомления с различни-

* См. также рецензию Р.В. Зандвуста на грамматику Р. Квэрка и др. в журнале "Lingua", Vol. 33, 1974.

ми точками зрения Аллен считает возможным использовать термин аспект только при оппозиции сложная/простая форма. (Allen, 1966. 29).

Точка зрения представителей Пражской лингвистической школы на проблему аспектуальных отношений в английском языке приведена в сборнике статей "Пражский лингвистический кружок". В. Матезиус в статье "О системном грамматическом анализе" пишет об аспектной модификации как об определяющем факторе при решении проблемы о глагольном виде в германских языках. Он сравнивает английский язык с чешским, где все глаголы по способу образования относятся к определенному видовому типу, в то время как в английском языке глагол сам по себе не принадлежит к видовому типу и может переходить из одного видового типа в другой. Говоря об английском языке, нужно иметь в виду, какие формальные средства имеются для выражения видовых значений, обусловленных контекстом. Исключения составляют английские длительные времена, способные выражать аспектную модификацию, но их основная функция по Матезиусу не имеет ничего общего с выражением длительности или с чем-то подобным глагольному виду в славянских языках. Длительная форма выражает актуальность соответствующего действия, а длительность подобно описательности или эмфатичности - второстепенное значение (Матезиус, 1967, 233).

Однако, как показал предыдущий анализ, современные английские грамматисты придерживаются иной точки зрения в большинстве своей, считая выражение длительности определяющей функцией форм на -ing.

Б. Тринка считает основным значением английской длительной формой конкретную актуальность, являющуюся совсем не характерной чертой в славянских языках. Изучая и сопоставляя различные трактовки глагольного вида, он приходит к выводу, что вид в английском языке не существует как грамматическая категория. Этой точки зрения придерживается и Р.В. Зандвурт, который ссылается на мнение Пражской лингвистической школы. Он критикует неясное и противоречивое определение аспекта у Н. Поутсама и О. Керма (см. Zandvoort, 1962, 15).

Финский исследователь Т.Ф. Мустаноя не отрицает видовых отношений, однако настаивает на их своеобразии по сравнению со славянскими языками. "В германских и романских языках термин вид означает совсем другое, что в славянских языках" (Mustanoja, 1960, 445).

До сих пор мы обсуждали в основном длительную форму как средство выражения аспектуальных отношений. Перфект в этой функции в лингвистической литературе освещен меньше. Более того, как показывают работы ряда исследователей, в частности М. Йоз и Б. Бютте, место перфекта в системе английского глагола определяется нечетко. Так Бютте рекомендует выделить перфект в особую категорию, поскольку он не позволяет себя отнести ни к категории времени ни к категории аспекта (Winkel, 1967, 293).

Как видно из вышеизложенного, мнения о виде в германских языках резко расходятся. Что касается немецкого языка, то здесь исследователи более или менее единодушно не признают существования аспекта, однако сходятся в признании *Aktionsarten*, которые по существу выражают аспектуальные отношения.

В английском языке, мнения лингвистов подразделяются следующим образом. Авторы новейших грамматик Р. Квэрк и др., Ф.Р. Палмер (3-е полностью переработанное издание) признают категорию вида в английском языке, но не всегда включают его в систему временных форм, чувствуя при этом затруднения. Затруднения в определении функции вида в английском языке испытывают и представители Пражской лингвистической школы.

Категорично отрицает аспект в английском языке Р.В.Зандвурт. Р.А. Аллен, М. Йоз, Л. Лайонз признают аспект в его классическом значении, выделяя при этом дополнительные аспектуальные оттенки длительных форм.

Советские англисты также трактуют аспект в английской глагольной системе по-разному: одни считают, что аспектные отношения выражают как длительные и перфектные формы (М.П. Иванова), другие находят эти функции только у длительных форм (А.И. Смирницкий).

На вопрос, какой точки зрения должен придерживаться говорящий при выборе простой или длительной формы, в результате нашего анализа можно ответить:

если он хочет описать действие конкретно на глазах у слушателей, или же если он хочет рассмотреть действие в его протекании и подчеркнуть его актуальность, то он должен выбрать длительную форму. В определенных условиях можно использовать длительную форму и для обозначения действия как целостное.

Из вышеизложенного видно, что категория вида привлекает

большое внимание в зарубежной лингвистике. Мы придерживаемся точки зрения лингвистов, признающих наличие аспектуальных отношений в германских языках, однако считаем их своеобразными и не совпадающими с грамматическими видами, которые сформировались в славянских языках.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- Грамматика современного русского литературного языка. АН СССР, Институт русского языка. М., 1970.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Иванова И.П. Вид и время в современном английском языке. Л., 1961.
- Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида. Сборник. М., 1962.
- Матезиус В. О системном грамматическом анализе. - Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. Под ред. Н.А. Кондрашовой. М., 1967.
- Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.
- Allen, R.L. *The Verb System of Present-Day American English.* The Hague-Paris, 1966.
- Andersson, S.-G. *Aktionalität im Deutschen. Die Kategorien und Aktionsarten im Russischen und Deutschen.* Uppsala, 1972.
- Dietrich, G. *Erweiterte Form Präteritum und Perfektum im Englischen.* München, 1955.
- Holt, J. *Etudes d'aspect.* Acta Jutlandica XV. Kjøbenhavn, 1943.
- Joos, M. *The English Verb.* U.S.A. University of Wisconsin Press, 1964.
- Joos, M. *The English Verb. Forms and Meanings.* Reviewed by Akira Ota. - "Language". Vol. 41, No. 4, 1965.
- Leech, G. *Meaning and the English Verb.* London, 1971.
- Lyons, J. *Introduction to Theoretical Linguistics.* Cambridge, 1968.
- Marchand, H. *On a Question of Aspect. A Comparison between the Progressive Form in English and that in Italian and Spanish.* - "Studia linguistica", 9, No. 1. Copenhagen, 1965.
- Mustanoja, T.F. *A Middle English Syntax I.* Helsinki, 1960.

- Nickel, G. Die Expanded Form im Altenglischen. - Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, No. 3, 1967.
- Ota, Akira. Tense and Aspect of Present-Day American English. Tokyo, 1963.
- Palmer, F.R. A Linguistic Study of the English Verb. London, 1965.
- Palmer, Harold E. and Blandford F.G. A Grammar of Spoken English. Third edition. Cambridge, 1969.
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. A Grammar of Contemporary English. London, 1973.
- Quirk, R. et al. A Grammar of Contemporary English. Review by R.W.Zandvoort. "Lingua". Vol.33. No.2, 1974.
- Quirk, R., Greenbaum, S. A University Grammar of English. London, 1973.
- Raith, J. Untersuchungen zum englischen Aspect. Teil I. München, 1951.
- Safarewicz, J. Problems of the Verbal Aspect. Linguistic Studies. The Hague, 1974.
- Senn, A. Verbal Aspects in Germanic, Slavic and Baltic. - "Language". Vol. 25. No. 4, 1949.
- Twaddell, W.F. The English Verb Auxiliaries, Brown University Press, 1960.
- Zandvoort, R.W. Is "Aspect" an English Verbal Category? - Gothenburg Studies in English, 14. Contributions to English Syntax and Philology. Acta Universitatis Gothoburgensis, 1962.

ENGLISH COMBINING-FORMS

Gabriele Stein

In his contribution Coinages of new words by means of affixation and combining forms in present-day English (Linguistica VII) Gunnar Kiviväli has taken up a problem of word-formation in English which has hitherto received little attention¹. Kiviväli rightly points out the inconsistencies still encountered in the treatment of combining forms. Although some authors, as for instance I.V. Arnold², have stressed that it is necessary to make a clear distinction between affixes and combining forms, the criteria adduced seem to be not distinctive enough, or sometimes even confusing or contradictory³.

By discussing the examples given by Kiviväli I would therefore like to make a contribution to the establishing of these criteria.

Kiviväli lists three different categories of word-forming elements: prefixes, suffixes, and combining forms. The examples given for each of the provisionally established categories are:

1) <u>Prefixes</u>	2) <u>Combining forms</u>	3) <u>Suffixes</u>
a-	astro-	-esque
anti-	cosmo-	-ian/-an/-ean
counter-	eco-	-nik
de-	Euro-	-ville
dis-	in-	
extra-	macro-	
hyper-	mega-	
inter-	micro-	
intra-	multi-	
maxi-	neo-	
mini-	panti-/panty-	
non-	para-	
pre-		
self-	-in	
super-		

I shall argue that the characteristic that affixes and combining forms have in common is that they cannot occur on their own: they are bound morphemes. Are all the above examples bound morphemes? One might hesitate for extra-, maxi-, mini-, self-, in-, and -in because there are free morphemes of the same form in English: an extra, a maxi, a mini, his own self, in the house, to be in. In the case of the two forms extra, these latter are different in meaning and function. The free morpheme extra functions as a noun or an adverb with the meaning 'additional thing, additionally' - wine goes extra, and the prefix extra- normally derives adjectives from adjectives with the meaning 'lying outside' - extra-atmospheric. The two nouns maxi 'maxi-coat', 'maxi-skirt' and mini 'mini-car', 'miniskirt' represent clippings from the bi-morphemic units maxi-coat, maxi-skirt and minicar, miniskirt respectively. By clipping off the free morpheme, the determinatum of the combination, the prefix or the determinans has come to denote the whole combination. Self occurs as a noun and pronoun in English as for instance in: his own self, my very self, one's better self, himself etc. When it is used in combinations like self-destruction, self-actualization etc. it has the same meaning and function as an independent morpheme. Self-combinations are thus by definition compounds since self is neither a prefix nor a combining form. We therefore have a fourth category of word-forming elements which contains free morphemes such as self. The independent morpheme in has two different usages in English: it is either used as a preposition and adverb with the meaning 'inclusion or position within limits of space, time, circumstance and motion' as in he played in the garden; or it is used colloquially as an adjective with the meaning 'keenly aware of and responsive to what is new and smart', 'highly approved by those who are au courant'⁴ as in he is very much in. In both usages in is found in combinations with nouns: an in-patient, an in-flight movie, an in-person, an in-place. In-combinations have therefore to be classified as compounds and in as a prenominal modifier in this sense belongs in our new fourth category. The case of -in as in sit-in, teach-in, work-in is different. Its meaning according to 6,000 Words is 1. 'organized

public protest by means of or in favor of: demonstration; 2. 'public group activity'. -in is thus isolated in meaning from the other two usages of in and consequently a bound morpheme.

So far we have only differentiated affixes and combining forms from free morphemes. Let us now try to find the characteristics which distinguish affixes from combining forms.

It looks as if the difference between those elements which Kiviväli classified as combining forms and prefixes was a semantic one. The meaning of combining forms largely corresponds to lexemes in English, as for instance in astro- 'star, space', cosmo- 'space', Euro- 'Europe', micro- 'small', etc. This could be referred to as 'lexemic' meaning. By contrast, the meaning of prefixes corresponds largely to prepositions and other forms whose meaning is basically relational with respect to space, time, and quantification: e.g. extra- 'lying outside', pre- 'before', non-, un- quantification zero etc. This approach would have us reverse the categorization of maxi- and mini- on the one hand, and multi- and para- on the other. Meaning cannot in fact be satisfactorily adduced as a criterion because suffixes often have lexemic meaning (as for instance -ery 'place' in bakery, nunnery), and because it is almost impossible in any case to separate 'lexemic' from 'relational' meaning: lexemic meanings often include or consist of relational meanings.

How about formal criteria? It looks as if, again, prefixes and combining forms used as first elements in combinations could be distinguished by form: if one were to put anti-, extra-, intra-, maxi-, and mini- into the second category one might maintain that combining forms have two formal characteristics: they are disyllabic and end in a vowel. This is not a distinctive feature, however. A combining form can lose its vowel and become monosyllabic, as for instance with Euro- in Eurasian. Formal variants like these cannot be regarded as a characteristic either because it is quite common for certain affixes, too, to have variant forms which depend on the phonological environment: in-/il-/im-/ir-, -ian/-ean/-an are cases in point.

Since form and meaning have turned out to be unreliable criteria we will have to take into account the function of the elements under discussion. Let us say with Marchand

that affixes in Modern English can only be combined with free morphemes or combinations of morphemes which consist of at least one free morpheme. Thus, for instance, the affixes un-, -ness, and -ly are added to the free morpheme kind which gives us unkind, kindness, and kindly respectively. Or the prefix inter- may be affixed to a derivative consisting of a free and a bound morpheme: international; the suffix -ism may be joined to another suffix which itself is affixed to a noun: nationalism.

This amounts to saying that there are no combinations in English which consist of only prefixes and/or suffixes without any supporting free morpheme. Cases like conceive, deceive, receive have been repeatedly discussed in morphology and scholars disagree as to whether to regard these as monomorphemic or bimorphemic. Nida and others tend to defend the bimorphemic character of these words whereas Marchand and others consider them as unanalysable synchronically. From a descriptive point of view it is impossible to associate a precise meaning with the parts con-, de-, re- and -ceive and to demonstrate their pattern forming force with this meaning. The meaning seems to be easier to grasp for -ceive for Latin-schooled speakers, the meanings of the 'morphemes' con-, de-, and re-, however, are difficult to establish, if they are establishable at all. They have in any case not the meanings we usually associate with the prefixes de- and re- as in to refill, to defreeze; con- does not exist in Modern English as a 'prefix' in the technical sense.

The forms which Kiviväli listed as combining forms and which make up our category 2, however, can combine with free morphemes as well as with bound morphemes:

combined with a
free morpheme

astro-botany
cosmo-dog
eco-sphere
Euro-currency
macro-change
mega-jet
micro-particle

combined with a
bound morpheme

astro-logy
cosmo-graphy
eco-logy
Euro-cracy
macro-logy
mega-cosm
micro-graphy

multi-access
nec-colonial
panti-slip
para-academic

multi-ceps
nec-logy
panti-less
para-tomy

Panti-/panty- is the only item which combines with a bound morpheme traditionally regarded as a suffix. The combining forms of our category 2 can thus either function as prefixes, that is, they can be combined with a free morpheme, or as combining forms, that is, they are combined with another bound morpheme. But this duality of function is not a characteristic of combining forms, because there are bound morphemes which never function either as a prefix or as a suffix and which can only be combined with linguistic units that function as prefixes/suffixes and/or combining forms as for instance -logy in philology and cosmology.

Kiviväli lists only combining forms which function as prefixes but which he does not regard as prefixes. This implies that there must be further characteristics which can justify the setting up of two separate classes: prefixes and combining forms. Let us therefore reconsider the items left in category 2. In the case of Eur-/Euro-, for instance, we notice that this form is a clipped form of the free morphemes Europe or European. The full and the clipped form are identical in meaning and could be regarded as allomorphs with a free and a bound variant. A similar relationship between form and meaning is found in pairs like electric/electrico-, politic(al)/politico- where the bound variant of the two allomorphs is formally extended. We could therefore say that the free morphemes Europe/European, electric, and politic(al) have bound variants which are used in combinations: these bound forms are then combining forms. Prefixes and suffixes do not have such free allomorphic variants to go with them. We thus have two distinctive criteria for combining forms: 1. as bound morphemes they can combine with other bound morphemes; 2. they are in allomorphic relation with free allomorphs.

Let us now go back to the other examples included in category 2. What are the corresponding free allomorphic va-

variants for astro-, cosmo-, eco-, macro-, mega-, micro-, multi-, neo-, and para- ? Apparently they are non-occurring. All we might venture to say is that they go back to Greek or Latin where they either occurred as free morphemes or as combining forms. This means that synchronically speaking these forms have no free partner in Modern English. Historically some of the forms could be explained as combining forms - in a description of Modern English, however, diachronic considerations cannot be applied.

Starting from Kiviväli's classification of combining forms we now have to distinguish the following types within the provisionally set up category 2:

Type 1: Europe/European - Eur-/Euro-

The bound variants have an allomorphic relationship to the corresponding free morphemes. They can be combined with free morphemes as well as with bound morphemes.

The case of panti-/panty- is of special interest. Panti-/panty-, as we have seen, occurs only in combinations such as pantihose/pantyhose, pantywaist, panti-slip, panti-tights, pantiless. Panti-/panty- differs from the other combining forms in that it cannot be combined with other combining forms, but only with suffixes as for instance -less in pantiless. The corresponding free form is panties. Because of the formal and semantic similarity with the free form panti-/panty- is to be regarded as an allomorph and its form can easily be accounted for. The noun panties belongs like the nouns scissors, trousers, pants, slacks etc. to that class of nouns that occurs only in the plural. When these nouns are used for word-formation processes they are normally used in the unmarked, the neutral form, the singular: e.g. trouser suit, pantdress, trouserpress etc. In the case of panties there are formations where we find a singular form in -ie: pantie-girdle, pantie-belt. Due to two other rules working in English, however, the plural form -ies is also associated with nouns the singular of which ends in -y: lady/ladies, baby/babies. The combining form panty- can

thus be explained as an analogic form of this rule. The other combining form panti- is due to another rule: words ending in -y not preceded by another vowel are normally changed into -i- when followed by another lexical morpheme: e.g. fancy/fanciful, glory/glorious, happy/happily, penny/penniless. Ladylike would be an exception. Thus the plural -ies was first associated with a singular form in -y and this latter one then with a regular combining form in -i-. This shows that combining forms do not only occur in the Latin/Greek-based vocabulary but also the native one.

Type 2: Astro-, cosmo-, -logy

These bound morphemes do not have free allomorphs in Modern English.

They occur

- a) with free morphemes as well as with bound forms:
cosmodog/cosmography
- b) only with other bound morphemes:
philology

Now, we might wonder whether it is justifiable and useful to have the same term for these different linguistic phenomena. I do not think so. Bound morphemes of the second type should not be called combining forms in Modern English. I therefore suggest that the term 'combining form' be reserved for the type 1 (Europe/European - Eur-/Euro-). On the other hand, when items of the 2a type are combined with free morphemes they are in no way different from prefixes and suffixes. Within the type 2 we will then have to distinguish between those bound morphemes which function as affixes - this means that they will have to be classified as such⁵ - and those that can only be combined with other bound morphemes. For these latter ones I would like to suggest the term affixoids (comprising prefixoids and suffixoids). The list of combining forms given by Kiviväli would then contain two real combining forms and a number of items that are both prefixes and prefixoids.

REFERENCES

- 1) None of the more than 1800 publications on English word-formation which are listed in my bibliography, G. Stein: English Word-Formation Over Two Centuries. Tübingen, 1973, deals with this problem in detail.
- 2) Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. Москва, 1973, p. 34.
- 3) See for instance the definitions given in Webster's Third New International Dictionary. Springfield, 1961, p. 452; Burchfield, R.W. (ed): A Supplement to the Oxford English Dictionary. Vol. I: A - G., Oxford, 1972, p. 583; Barnhart, C.L. - Steinmetz, S. - Barnhart, R.K.: The Barnhart Dictionary of New English Since 1963. New York, 1973, p. 15 and the treatment in the standard book on English word-formation, H. Marchand's The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. 2nd edition, Munich, 1969, pp. 131-133.
- 4) This is the meaning given in 6,000 Words. A Supplement to Webster's Third New International Dictionary. Springfield, Mass., 1976.
- 5) This accounts for the treatment in Marchand's book.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРИСТАВКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Г. Штейн

Р е з ю м е

В литературе по английскому словообразованию часто различают аффиксы и деривационные приставки (т.н. *combining forms*), но различие между ними до сих пор проведено нечетко и непоследовательно. В статье делается попытка разработать более надежные критерии для их различения. Рассматриваются и отбрасываются соображения семантического и формального характера. Автор останавливается подробнее на функциях аффиксов и деривационных приставок, указывая, что последние 1) являются связанными формами, способными соединяться с другими связанными формами, и 2) они находятся в алломорфных связях со свободными алломорфами. Различаются два класса деривационных приставок, для второго из которых предлагается термин "аффиксойд" (включая префиксойды и суффиксойды).

ДВУХЭЛЕМЕНТНЫЕ ПРЕПОЗИТИВНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
В СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ В ПЬЕСАХ
АНГЛИЙСКИХ ДРАМАТУРГОВ XVI-XVII ВВ.

Х. Чечевички

В настоящей статье объектом наблюдений являются субстантивные словосочетания с двумя препозитивными определениями связанными асиндетической связью (ССС - MII - y + x + s).

Аналізу подвергались СССР извлеченные из диалогической речи персонажей. Наша выборка (I 32I СССР) дает нам возможности набросать только наиболее общие тенденции функционирования различных классов слов в качестве препозитивных определений лишь в первом приближении и ни в коем образом не претендует на исчерпывающую полноту. В наши задачи входят: I) выяснить, какие классы слов способны функционировать совместно и в какой последовательности, ибо порядок следования компонентов в СССР до сих пор не выяснен полностью; 2) определить частоту встречаемости различных классов слов в СССР и выделить наиболее характерные среди них, а также доминантные структуры (в пределах наших возможностей). Частотные соотношения отражены в таблицах.

Для более систематизированной характеристики зависимых компонентов СССР нам представляется целесообразным сгруппировать все СССР на закрытые, частично закрытые и открытые (ср. Блумфилд, 1968, 210; Bloch/Trager, 1942, 76; Groot, 1957, II3-157).

Открытым относим также СССР, состав которых предоставляет им широкие возможности расширения влево. У частично закрытых СССР эти возможности ограничены. СССР закрытых структур не могут присоединять к себе новых компонентов слева.

Вопросами установления, на основании каких признаков производится отнесение тех или иных частей речи к словам, закрывающим структуру СССР слева, занимались многие лингвисты. Так еще в 1911 Г. Вендт выделил часть местоимений (Pron) в отдельную группу и назвал эту группу Determinativa на основании особого поведения этих Pron в составе СССР (Wendt, 1911, 207). Д. Блумфилд отнес к ним один из двух подклассов лимитирующих прилагательных (Блумфилд, 1968, 217), А.А. Хилли и С. Четмен выделили группы детерминативов и преддетерминати-

вов на основе их совместной встречаемости в качестве зависимых элементов в CCC (Hill, 1958, 173 - 189; Chatman, 1960, 83 - 99).

Детерминативы разделяются на подклассы. Р. Лонг делит их на полные, частичные и на детерминативы количества (Long, 1962), ряд лингвистов обозначает подклассы детерминативов буквами латинского алфавита - A, B (Bloch/Trager, 1942, 78; Nida / Trager, 1941; Roberts, 1956, 30-33; Roberts, 1958, 51 ff.).

Л. Блумфилд и др. подразделяют детерминативы на два основных подкласса: определенные, которые могут встречаться в одной и той же конструкции с преддетерминативами, и неопределенные, у которых с преддетерминативами совместной встречаемости не наблюдается (Блумфилд, 1968, 218-219).

К преддетерминативам в основном относят слова all, half, both (Hill / Gleason, 1965, 139; Nida, 1960), к ним добавляют most (Эдельштейн, 1964, 71), double, triple, twice, thrice, two times, etc. (Лев, 1969, 24-31), К. Смит признает только all, any (Smith, in: "Language", vol. 40, N1), и т.д., и т.д.

Этот краткий экскурс в историю классификации слов на детерминативы и преддетерминативы показал, что в этом вопросе пока нет ясности. В наши задачи не входит представление еще одного списка детерминативов и преддетерминативов, применительно ранне-новоанглийскому языку. Нас интересует, какие слова закрывают CCC слева полностью, какие частично и какие оставляют CCC слева открытыми. Для наших целей разбиваем словарный состав на классы различных уровней. Слова самого высокого уровня - Ppn - закрывают CCC слева либо полностью (если они способны функционировать в MII - у + х + S только в позиции "у" - см. ниже), либо частично (если они, в зависимости от состава CCC, могут занимать позицию "у" или "х" - см. ниже). Слова второго уровня, которые имеют грамматическое значение (N, V, Adj, Adv) оставляют CCC слева открытым. Как же быть с Num? Это слова еще более низкого уровня, которые выделяются с учетом уже лексического значения и являются членами всех четырех подгрупп (см. Мознаим, 1976, 5-6). В нашем исследовании это член подгруппы Adj.

На конкретном языковом материале: на материале двухэлементных препозитивных определений (в пьесах английских драматургов XVI-XVII вв.) выяснилось: в текстах исследованных

пес зафиксированы следующие слова, которые полностью закрывают ССС слева: 1) собственно предетерминативы all, half, both; 2) несколько разрядов местоимений, которые в основном совпадают с т.н. подклассом неопределенных детерминативов: остальные обобщающие местоимения (Prn_{all}) each, either, every; отрицательные местоимения (Prn_{neg}) no, neither; вопросительные и относительные местоимения (Prn_{int}) which, what, whose и неопределенные местоимения (Prn_{ind}) some, any, no.

Частично закрывают ССС слева некоторые из т.н. определенных детерминативов; указательные местоимения (Prn_d) this, that, these, those и притяжательные местоимения (Prn_{poss}) my/mine, thy/thine, your, his, her, our, their.

Следующие классы слов оставляют ССС слева открытым: имена существительные (N, N's), числительные (Num), прилагательные (Adj), причастия (PI, PII), обстоятельства (Adv). Комбинаторика классов слов в открытых ССС отражена на матрице.

Доминантными для пес указанного периода оказались частично закрытые структуры, на долю которых приходится 65,4% всех ССС - MII - y + x + s. Открытых и закрытых структур было зафиксировано приблизительно поровну: 17,8% и 16,8% (см. табл. I).

Наиболее типичными для диалогической речи является употребление Prn_{poss} в качестве зависимых элементов как в одно-, так и в двухэлементных ССС. В одноэлементных ССС Prn_{poss} составляет 42,5% всех одноэлементных препозитивных определений (Чечевицки, 1969, 82) и 51% всех двухэлементных препозитивных зависимых. На долю Prn_{poss} в качестве "y" в двухэлементных ССС приходится 46,2%, а в качестве "x" - 25,7%. Употребление данного местоимения в позиции "y" в частично закрытых ССС составляет 70,6%, в позиции "x" в закрытых 49%, (Prn_{poss} сочетается только с "y" = Prn_{all} или "y" = half, см. табл. 2 и 5).

Как у одноэлементных так и у двухэлементных ССС, чаще всего употребляются my /mine, thy /thine, your. Процентные показатели для одноэлементных - 35% и 30,3% соответственно (Чечевицки, 1969, 82), а для двухэлементных - 34% и 21,3% (в крайней левой препозиции).

Во-вторых, обращает на себя внимание довольно активное поведение Adj в одно- и двухэлементных ССС. В последних оно участвует в очень различных комбинациях во всех трех

структурных типах ССС (см. табл. 3, 4, 5).

Никакой другой класс или подкласс не ведет себя столь активно в ССС как Prn_{poss} и Adj и поэтому вполне закономерно, что именно комбинация $\text{Prn}_{\text{poss}} + \text{Adj} + \text{S}$ является ведущей среди частично закрытых структур - 42,5%, $\text{Adj} + \text{Adj} + \text{S}$ - среди открытых структур - 22,1% и $\text{Prn}_{\text{all}} + \text{Prn}_{\text{poss}} + \text{S}$ - среди закрытых - 23,9%, а $\text{Prn}_{\text{all}} + \text{Adj} + \text{S}$ занимает тут второе место - 14%. В обеих частично закрытых структурах MIIa и MIIb ведущими являются разновидности с Adj в роли "х": $\text{Prn}_{\text{poss}} + \text{Adj} + \text{S}$ - 60,2%, $\text{Prn}_{\text{d}} + \text{Adj} + \text{S}$ - 66,9% из своего подварианта - см. табл. 3.

Состав подвариантов частично закрытых структур, занимающих вторые места, намного отличается друг от друга. У MIIa структура $\text{Prn}_{\text{poss}} + \text{N}'\text{s} + \text{S}$ составляет 14,1% а $\text{Prn}_{\text{d}} + \text{N}'\text{s} + \text{S}$ стоит на седьмом, т.е. на последнем месте $\approx 2\%$. У MIIb на втором месте отмечена конструкция $\text{Prn}_{\text{d}} + \text{Num} + \text{S}$ - 8,7%, у MIIa подобная конструкция занимает шестое место - 2%. Третье, четвертое и пятое места как у MIIa так и у MIIb занимают соответственно конструкции с PII - 10,2% и 7,9%, PI - 5,7% и 7,5%, N - 5,2% и 4,7%. У MIIa отмечена разновидность $\text{Prn}_{\text{poss}} + \text{Adv} + \text{S}$, но у MIIb Adv не зафиксирован в роли "х". У MIIb зафиксирована разновидность $\text{Prn}_{\text{d}} + \text{Prn}_{\text{poss}} + \text{S}$. Если согласиться с точкой зрения Г. Крем, то подобная конструкция не является ССС и this - это стержневой компонент, который присоединяет к себе постпозитивную группу (Ситне, 1935, 172).

В открытых структурах ровно половина ССС сконцентрирована вокруг Adj , на долю остальных 23 разновидностей приходится 118 ССС. Наиболее характерным можно считать в позиции "у", кроме Adj (36,2%), еще Adv (20,4%), $\text{N}'\text{s}$ (17%) и Num (14%). В роли "х" считаем характерными те классы, которые функционируют в большем количестве подвариантов. Adj встречается в шести, $\text{N}'\text{s}$, N , PI и PII - в пяти из семи подвариантов. Однако, встречаемость их как-то смещена, т.е. они встречаются в пяти разных подвариантах. Только PI и PII отмечены в одних и тех же пяти подвариантах. PI сочетается чаще с Adj , PII - с Adv . У $\text{N}'\text{s}$ и N есть возможности сравнения только в трех подвариантах: с Adj , Num и PII ; "х" = Num зафиксировано в двух подвариантах, а "х" = Adv - только в одном: $\text{Adj} + \text{Adv}_t + \text{S}$. Ввиду того, что Adj вообще активнее чем $\text{N}'\text{s}$ и N , то вполне закономерно, что в открытых ССС разновидность $\text{N}'\text{s} +$

+ Adj + S встречается в три раза чаще, чем Adj + N + S, N+Adj+ + S - отмечена чаще чем Adj + N + S, а комбинации N's+N + S и N + N's + S зафиксированы только по одному примеру на нашем материале. О. Мутт указал на тенденцию использования Adj в позиции "х", а N в позиции "у", если эти классы слов встречаются в одном ССС в качестве препозитивных определений (Mutt, 1976, 77, 79). См. распределение МП12 в табл. 4

В закрытых структурах ведущими в позиции "у" являются Prn_{all} - 48,7%, Prn_{int} - 20,7% и Prn_{ind} - 16,2%. В роли "х" в четырех подвариантах из пяти зафиксировано Adj, в трех оно занимает первое место с высокими процентными показателями: Prn_{ind} + Adj + S - 75%, Prn_{int} + Adj + S - 50%, Prn_{neg} + Adj + S - 42,9%. В трех подвариантах встречается other (other's), чаще всего с Prn_{neg}. N's отмечен вместе с Prn_{all} или Prn_{neg}: Prn_{all} + N's + S - 7,4%, Prn_{neg} + N's + S - 7% своего подварианта. В трех подвариантах отмечен PII: MII3a, M II 3b и MII3d, чаще всего с "у" = Prn_{int} - 26,1%. PI и KIII отмечены в закрытых ССС с "у" = Prn_{int}. Выше было уже отмечено, что Prn_{poss} в роли "х" охватывает наибольшее количество ССС, хотя оно зафиксировано только в двух разновидностях: с half и с Prn_{all}. Prn_d в позиции "х" встречается в пять раз реже чем Prn_{poss}. Оно зафиксировано только совместно с Prn_{all} (см. табл. 5).

Основные выводы:

1. В двухэлементных субстантивных словосочетаниях (ССС) выделяются закрытые, частично закрытые и открытые структуры.
2. По частоте встречаемости доминантной является частично закрытая структура.
3. В каждой структуре отмечена ведущая конструкция, которая имеет наивысшую частоту встречаемости. Ведущей конструкцией в частично закрытых структурах является сочетание Prn_{poss} + Adj + S, которая является самой характерной структурой двухэлементных ССС вообще. В закрытых ССС ведущей является сочетание Prn_{all} + Prn_{poss} + S, а в открытых - Adj + + Adj + S.
4. Самыми характерными местоимениями являются Prn_{poss} и Prn_d, самой характерной знаменательной частью речи Adj как в позиций "у" так и "х".

Заклѳчение

В нашем исследовании были отмечены основные тенденции соотносительного функционирования различных классов слов в качестве препозитивных зависимых в двухэлементных ССС. Если даже в некоторых разновидностях количество ССС показалось недостаточным, то их количество мы не могли увеличить: иначе нарушились бы общие пропорции соотношений между ССС различных структур. Всего было проанализировано 10 000 ССС (одно- двух- трех- и т.д. -элементах). Из них на долю двухэлементных приходилось 1321 ССС.

В данном исследовании была проведена классификация всех ССС на открытые, частично закрытые и закрытые. Признавая точку зрения, согласно которой слова словарного состава можно классифицировать на классы разных уровней, мы объяснили открытость и закрытость следующим образом. Слова самого высокого уровня закрывают ССС слева, а слова более низких уровней оставляют его слева открытым. К первым относятся местоимения, которые мы делили на две подгруппы: те, которые способны встречаться только в позиции "у" и тем самым полностью закрывают ССС слева, и те, которые могут занимать позиции "у" или "х" и закрывают ССС частично. Ко вторым относятся слова второго уровня и ниже, т.е. Adj, Adv, N's, N, Pl, PlI, Num.

Список использованной литературы:

Елумфилд Д. Язык. М., 1968

Лев. Л.С. До питання про порядок ад'юнктивів у ад'єктивно-субстантивному словосполученні в сучасній англійській мові. В сб. "Питання романно-германської філології та методики викладання іноземних мов". Київ, 1969.

Мознайм В.И. Классификация прилагательных с объективной валентностью. Автореф. канд. дисс. Л., 1976.

Чечевицки Х.А. Одноэлементные препозитивные определения в субстантивных словосочетаниях в пьесах английских драматургов XVI-XVII вв. В сб. "Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии", вып. 2, Л., 1969.

Эдельштейн Ю.М. Место неопределенных местоимений в системе современного английского языка. Канд. дисс. М., 1964.

Bloch B., Trager G.L. Outline of Linguistic Analysis. Baltimore, 1942.

Chatman B. Pre-adjectivals in English Nominal Phrase. - "Amer-

rican Speech", vol. 35, 1960, N2.

Curme G.O. A Grammar of the English Language. Boston, 1935, p.11.

Groot A.W.de. Classification of Word-groups. - "Lingua", vol.6, 1957, N2.

Hill A.A. Introduction to Linguistic Structures. From Sound to Sentence in English. New-York, 1958.

Hill A.A., Gleason H.A., jr. Linguistics and English Grammar New-York, 1965.

Long R.B. The Sentence and Its Parts. A Grammar of Contemporary English. Chicago, 1962.

Mutt O. On the Relative Sequence of Noun Premodifiers and Adjectives in Mixed Coordination. - "Linguistica" VIII, Tartu, 1976.

Nida E.A. A Synopsis of English Syntax. Norman, 1960.

Nida E.A., Trager G.L. Outline of Linguistic Analysis. Baltimore, 1941.

Roberts P. Patterns of English. Harcourt, 1956.

Roberts P. Understanding English. New-York, 1958.

Smith C.S. Determiners and Relative Clauses in a Generative Grammar of English. - "Language", vol.40, N1.

Wendt G. Syntax des heutigen Englisch. Heidelberg, 1911.

Приложение

Матрица I

Комбинаторика классов слов в открытых CCC MII2

y	x	Adj	N's	N	PI	PII	Num	Adv
Adj	+	+	+	+	+	+	+	+
N's	+	-	+	+	+	+	+	-
N	+	+	-	+	+	-	-	-
PI	+	-	+	-	-	-	-	-
PII	+	+	+	+	-	-	-	-
Num	+	+	+	+	+	+	-	-
Adv	+	+	-	+	+	-	-	-

Таблица I

Распределение CCC по открытости и закрытости структуры

Варианты	y + x + S	Количество	Частотность	Место
MI1	частично закрытые	864	65,4%	I
MI2	открытые	235	17,8%	II
MI3	закрытые	222	16,8%	III

I 32I CCC

Таблица 2

Распределение MII ₁ , MII ₂ и MII ₃ по классам слов в позиции "у"							
Разно- видности	у + х + s	Коли- чество	Частот- ность	Разно- видности	у + х + s	Коли- чество	Частот- ность
MII1a	Prnposs +x+S	610	70,6%	MII2f	PII+x+S	10	4,3%
MII1b	Prnd + x +S	254	29,4%	MII2g	PI +x+S	8	3,4%
MII2a	Adj + x + S	85	36,1%	MII3a	Prnall+x+S	103	48,7%
MII2b	Adv + x + S	48	20,4%	MII3b	Prnint+x+S	46	20,7%
MII2c	N's + x + S	40	17%	MII3c	Prnind+x+S	36	16,2%
MII2d	Num + x + S	34	14,5%	MII3d	Prneg+x+S	28	12,6%
MII2e	N + x + S	10	4,3%	MII3e	half+x+S	4	1,8%

Таблица 3

Распределение MII1a и MII1b по классам слов в позиции "х"							
Разно- видности	у + х + s	Коли- чество	Частот- ность	Разно- видности	у + х + s	Коли- чество	Частот- ность
MII1a ¹	Prnposs+Adj+S	367	60,2%	MII1b ¹	Prnd + Adj+S	170	66,9%
MII1a ²	"- +N's+S	86	14,1%	MII1b ²	Prnd + Num+S	22	8,6%
MII1a ³	"- +PII+S	62	10,2%	MII1b ³	Prnd +PII +S	20	7,9%
MII1a ⁴	"- +PI+S	35	5,7%	MII1b ⁴	Prnd +PI +S	19	7,5%
MII1a ⁵	"- +N +S	32	5,2%	MII1b ⁵	Prnd +N + S	12	4,7%
MII1a ⁶	"- +Num+S	12	2,0%	MII1b ⁶	Prnd+Prnposs+S	6	2,4%
MII1a ⁷	"- +own+S	10	1,6%	MII1b ⁷	Prnd + N's +S	5	2,0%
MII1a ⁸	"- +other+S	4	0,7%				
MII1a ⁹	"- +Adv+S	2	0,3%				

Таблица 4

Распределение MII 2a - MII 2g по классам слов в позиции "х"

Разно- видности	у + х + s	Коли- чество	Частот- ность	Разно- видности	у + х + s	Коли- чество	Частот- ность
MII2a ¹	Adj + Adj + S	52	61,2%	MII2d ¹	Num+Adj+S	22	64,7%
MII2a ²	Adj + PI + S	12	14,1%	MII2d ²	Num+N's+S	5	14,7%
MII2a ³	Adj + N's+S	10	11,8%	MII2d ³	Num+N + S	3	8,8%
MII2a ⁴	Adj + PII+S	4	4,7%	MII2d ⁴	Num+PII+S	2	5,9%
MII2a ⁵	Adj + N + S	3	3,5%	MII2d ⁵	Num+ PI+S	2	5,9%
MII2a ⁶	Adj + Num+S	2	2,35%	MII2e ¹	N + Adj+S	7	70%
MII2a ⁷	Adj + Adv _t +S	2	2,35%	MII2e ²	N + PI + S	1	10%
MII2b ¹	Adv + ADJ + S	41	85,4%	MII2e ³	N + N's+S	1	10%
MII2b ²	Adv + PII + S	5	10,4 %	MII2e ⁴	N + PII+S	1	10%
MII2b ³	Adv + PI + S	1	2,1%	MII2f ¹	PII + Adj+S	4	40%
MII2b ⁴	Adv + N's+S	1	2,1%	MII2f ²	PII + N's+S	4	40%
MII2c ¹	N's + Adj+S	31	77,5%	MII2f ³	PII + N + S	1	10%
MII2c ²	N's + PII+S	4	10%	MII2f ⁴	PII + PI + S	1	10%
MII2c ³	N's + Num+S	2	5%	MII2g ¹	PI + N + S	6	75%
MII2c ⁴	N's + PI + S	2	5%	MII2g ²	PI + Adj + S	2	25%
MII2c ⁵	N's + N + S	1	2,5%				

Таблица 5

Распределение МII3а - МII3е по классам слов в позиции "х"

Разно- видность	у + х + S	Коли-Частот-		Разно- видность	у + х + S	Коли-Частот-	
		чество	ность			чество	ность
МII3а ¹	Prn _{all} +Prn _{poss} +S	53	49,1%	МII3с ¹	Prn _{ind} + Adj + S	27	75%
МII3а ²	Prn _{all} + Adj + S	31	28,7%	МII3с ²	Prn _{ind} +Prn _{other} +S	8	22,2%
МII3а ³	Prn _{all} + Prn _d + S	10	9,2%	МII3с ³	Prn _{ind} +Prn _{other} 's+S	1	2,8%
МII3а ⁴	Prn _{all} + N's + S	8	7,4%	МII3d ¹	Prn _{neg} + Adj + S	12	42,9%
МII3а ⁵	Prn _{all} + PII + S	3	2,8%	МII3d ²	Prn _{neg} +Prn _{other} +S	12	42,9%
МII3а ⁶	Prn _{all} +Prn _{other} +S	3	2,8%	МII3d ³	Prn _{neg} + N's + S	2	7,1%
МII3b ¹	Prn _{int} + Adj + S	23	50%	МII3d ⁴	Prn _{neg} + PII + S	2	7,1%
МII3b ²	Prn _{int} + PII + S	12	26,1%	МII3е ¹	half +Prn _{poss} +S	4	100%
МII3b ³	Prn _{int} + PI + S	10	21,7%				
МII3b ⁴	Prn _{int} + Num + S	1	2,2%				

О КВАНТИТАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ БОГАТСТВА ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

В. Тулдава

В статье рассматриваются возможности оценки богатства лексического состава художественных текстов с помощью методов лингвостатистики. Кроме традиционных измерений богатства и разнообразия лексики, таких как индексы разнообразия и исключительности, анализу подвергаются и некоторые характеристики динамики роста словаря в зависимости от увеличения длины текста, а также исследуется взаимосвязь между разными оценками богатства лексики. Анализ проводится на материале 20 текстов (выборка) современной восточной художественной прозы.

1. Традиционные измерения богатства лексики

Вопрос об объективных методах оценки лексического богатства текстов уже давно привлекает внимание исследователей, занимающихся проблемами лингвостатистического изучения индивидуальных и функциональных стилей (см., например, Guiraud, 1954; Herdan, 1960; Muller, 1968; Těšitelová, 1972; Мистряк, 1967; Сиротинина, 1968; Головин, 1971; Ворончак, 1972). Лексическое богатство в квантитативном смысле определяется самым общим образом как доля разных слов в тексте, точнее, как отношение количества разных словоформ (V) или лексем (L) к объему текста, т.е. V/N или L/N . Это отношение называют "индексом разнообразия" или "индексом ТТН" (англ. type-token ratio). Чем больше значение индекса, тем больше разных слов (словоформ или лексем) употребляет пишущий или говорящий в пределах исследуемого текста. Обратное отношение — N/V или N/L дает среднюю частоту словоформы или лексемы в тексте: чем больше это отношение, тем меньше разнообразия. Таким образом, как индекс разнообразия, так и средняя частота слова (называемая также "индексом итеративности") позволяют измерять относительное "богатство" лексики в вышеуказанном смысле.

При сравнении лексического состава разных текстов следует иметь в виду, что прямое сравнение индексов возможно при условии одинаковых (или очень близких) объемов текстов. Дело в том, что соотношение между объемом текста и объемом словаря не остается неизменным при всяких значениях N . С увеличением объема текста индекс разнообразия постоянно умень-

шается, а индекс итеративности соответственно увеличивается. Это, однако, не означает, что "богатство" лексики идет на убыль. Здесь сказывается естественная закономерность порождения текста, которая состоит в том, что с увеличением текста все больше повторяются ранее встречавшиеся в тексте слова, а прирост "новых" слов неизбежно уменьшается. В качестве иллюстрации приводим данные о значениях индекса разнообразия в текстах разного объема (материал взят из разных исследований статистической структуры эстонского текста):

N	5000	10000	20000	30000
V	2690	3636	5944	7503
V/N	0,54	0,36	0,30	0,25

В тех случаях, когда необходимо сравнивать словари текстов неодинакового объема, прибегают иногда к помощи приближительных методов. Известна формула П. Гиро (Giraud, 1954): $R = \sqrt{V/N}$, которая, однако, пригодна лишь при сравнении текстов, незначительно отличающихся друг от друга по объему. Несколько более надежные результаты можно получить при помощи коэффициента Сомерса (Somers, 1966; см. тоже Тулдава, 1974, II и след.): $KC = (lg_{10} V)/(lg_{10} N)$, где lg - десятичный логарифм. Но, как мы увидим далее, тенденция роста словаря имеет свои особенности в зависимости от тематики или индивидуальности автора, и поэтому в принципе будет правильнее исследовать богатство лексики текстов с учетом тенденции роста словаря.

Важное место при оценке богатства лексики отводится так называемым редким словам, под которыми в лингвостатистике обычно подразумевают слова с частотой I, или одноразовые слова. Их количество обозначают в общем случае m_1 или дифференцированно v_1 на уровне словоформ и L_1 на уровне лексем. В лингвостатистической литературе одноразовые слова часто называют *hapax legomena* (греч. 'один раз сказано'). В качестве стилостатистической характеристики вычисляется отношение числа одноразовых слов к объему текста или к объему соответствующего словаря: v_1/N или v_1/V (на уровне словоформ) и L_1/N или L_1/L (на уровне лексем). Если в каком-нибудь тексте встречается относительно большое число слов с частотой I, то это может свидетельствовать о желании автора найти образные выражения, подобрать редкие или своеобразные слова, избежать повторения слов. В таком случае большая доля слов с частотой I говорит о богатстве и разнообразии лексики данного текста. Но этот "индекс исключитель-

ности" сам по себе, так же как и "индекс разнообразия", не является эстетическим критерием. Только дополнительный качественный анализ может установить, что скрывается за большим количеством одноразовых слов в тексте: хороший стиль или излишество. Иногда обилие редких слов может затруднять понимание текста или быть признаком плохого стиля, а незначительная доля одноразовых слов может быть функционально оправдана, например, при передаче спонтанной речи.

При применении индекса исключительности следует помнить, что доля одноразовых слов в тексте или словаре прямо зависит от объема рассматриваемого текста. Сравнение разных текстов на основе индекса может проводиться при условии примерно одинаковых объемов текстов или с помощью некоторых приближенных методов для вычисления индекса при разных объемах текстов (см. Muller, 1968, 175). Чтобы показать разницу в значениях индекса исключительности в маленьком и большом тексте, приводим данные индивидуального текста и совокупности текстов из авторской речи современной эстонской художественной прозы:

N	5000	100000
v_1/N	0,42	0,22
v_1/v	0,78	0,71

Как видно из таблицы, доля одноразовых слов постоянно уменьшается в связи с увеличением объема текста. Особенно это заметно на уровне текста (индекс v_1/N): в тексте небольшого объема одноразовые словоформы составляют 42%, а в большом тексте - 22%.

Рассмотренные три показателя - индексы разнообразия и исключительности на уровне текста и словаря - условимся считать основными, "стандартными" характеристиками лексического богатства. Но в лингвостатистике известны еще другие количественные показатели, которые могут косвенным образом диагностировать богатство словаря. Традиционно считают мерой богатства лексики константу γ в известной формуле Ципфа (Zipf, 1949). Формула Ципфа описывает частотную структуру текста в предположении о функциональной связи между частотой слова (F_r) и его рангом (r):

$$F_r = C \cdot r^{-\gamma},$$

где C и γ - константы. В логарифмическом масштабе обнаруживается линейная связь между $\lg F_r$ и $\lg r$. Константа γ (по существу тангенс угла подъема прямой в логарифмическом масштабе, см. рис. 1) прямо указывает на "растяжение" словаря дан-

ного текста. Чем меньше значение γ , тем большим должен быть объем словаря. Однако формула Ципфа обычно не описывает частотную структуру текста в полном объеме: имеются точки излома, разделяющие основную зону слов средней частотности от зоны самых частотных слов (так называемого "ядра") и от зоны малочастотных слов. Такое явление можно наблюдать и в эстонском тексте, причем в тексте небольшого объема на уровне словоформ наблюдается повышение угла подъема в зоне ядра (примерно охватывающего 10 самых частых словоформ), а в зоне малочастотных словоформ уклон становится пологим (см. непрерывную линию на рис. 1).

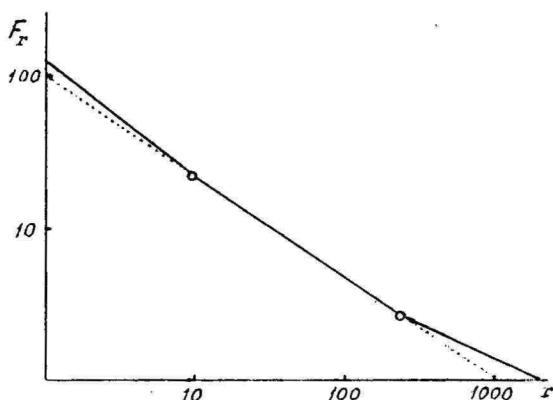

Рис. 1. Связь между частотой (F_r) и рангом (r) словоформы по данным эстонского текста с объемом $N = 5000$ словоупотреблений (логарифмический масштаб)

Для выяснения роли γ как количественного показателя богатства лексики были вычислены значения константы для разных частотных зон: γ_1 - для зоны ядра ($r = 1 + 10$), γ_2 - для зоны словоформ средней частоты ($r = 10 + 600$) и γ_3 - для зоны малочастотных словоформ ($r > 600$). Такие зоны наблюдаются в эстонском тексте небольшого объема (при $n \approx 5000$). В текстах большого объема зоны распределяются несколько иначе (см. Тулдава, 1977).

В настоящей работе упомянутые количественные характеристики лексического богатства были вычислены по данным 20 вы-

борок из авторской речи разных произведений современной эстонской художественной прозы. Объем отдельной выборки ~ 5000 словоупотреблений. Такой объем выборки можно считать достаточным для исследования данных лексикостатистических свойств текстов, так как имеем дело с более или менее однородным материалом (только авторская речь произведений). Выборки по 5000 словоупотреблений состояли из 5 подвыборок (порций) по 1000 словоупотреблений, которые были взяты с равными промежутками из разных мест произведения. Анализ проводился на уровне словоформ (для облегчения автоматической обработки текстов), причем предполагалось, что анализ на уровне лексем дал бы сходные результаты.*

Рассматриваемые авторы и тексты следующие:

1. Э. Вэакман: A. Veekman, Kartulikuljused. Tallinn, 1968.
2. В. Гросс: V. Gross, Pinginaabrid. Tallinn, 1965.
3. А. Хинт: A. Hint, Tuuline rand IV. Tallinn, 1966.
4. Х. Кийк: H. Kiik, Tondiõnneaja. Tallinn, 1970.
5. Я. Кросс: J. Kross, Kolme katku vahel I. Tallinn, 1970.
6. П. Куусберг: P. Kuusberg, Südasuvel. Tallinn, 1966.
7. Л. Промет: L. Promet, Primavera. Tallinn, 1971.
8. В. Саар: V. Saar, Ukuaru. Tallinn, 1969.
9. Х. Серго: H. Sergo, Põgenike laev. Tallinn, 1966.
10. Р. Сирге: R. Sirge, Kolmekesi lauas. Tallinn, 1970.
11. М. Траат: M. Traat, Tants aurukatla ümber. Tallinn, 1971.
12. Э. Ветемаа: E. Vetemaa, Väike romaaniaaamat. Tallinn, 1968.
13. А. Каал: A. Kaal, Saaremaa larestud II. Tallinn, 1970.
14. Т. Каллас: T. Kallas, Püiesteede kummaline valgus. Tallinn, 1968.
15. Д. Пээгель: J. Peegel, Lühikesed lood. Tallinn, 1970.
16. Д. Туулик: J. Tuulik, Vana loss, Abruka lood. Tallinn, 1972.
17. А. Валтон: A. Valton, Luikede soo. Karussell. Tallinn, 1971.
18. М. Унт: M. Unt, Kuu nagu kustuv päike. Tallinn, 1968.

---

* В работе используются данные, полученные при составлении частотного словаря авторской речи эстонской художественной прозы (см. Kaasik, Tulcava, Villup, Ääremaa, 1976; 1977). Рассматриваемые лексикостатистические характеристики вычислялись автоматически при обработке текстов с помощью ЭВМ (отдельные программы применялись для вычисления констант Ципфа и для проведения корреляционного анализа).

19. Э. Нийт, Я. Кросс: *E. Niiit, J. Kross, Muld ja marmor.* Tallinn, 1968.
20. Д. Смуул: *J. Smuul, Jaarani meri, detsember.* Tallinn, 1969.

В табл. I приводятся результаты вычисления количественных характеристик богатства лексики по отдельным текстам с указанием среднего значения характеристики и предельной ошибки по правилу "трех сигм". Предельная ошибка определяется на основе стандартного отклонения по формуле $3s_{\bar{x}}$, где

$$s_{\bar{x}} = \sqrt{\frac{\sum(x - \bar{x})^2}{n(n-1)}}$$

($s_{\bar{x}}$ - стандартное отклонение средней величины, x - отдельная характеристика, $\bar{x}$ - среднее значение характеристики, n - количество текстов).*

Например, индекс разнообразия на уровне текста (V/N) имеет среднее значение 0,539 с предельной ошибкой 0,027. Доверительные границы определяются выражением $0,539 \pm 0,027$, т.е. 0,512 ... 0,566. На этом основании можно разделить рассматриваемые тексты на три группы (I - со значением индекса, превышающим верхнюю границу доверительного интервала, II - с индексом в пределах среднего, III - с индексом ниже среднего):

I		II		III	
Р. Сирге	0,617	В. Гросс	0,557	Э. Ветемаа	0,510
Э. Нийт		А. Кийк	0,548	П. Куусберг	0,504
Я. Кросс	0,596	Ю. Пээгель	0,542	Ю. Туулик	0,500
Ю. Смуул	0,586	Л. Промет	0,538	М. Унт	0,500
Э. Бээкман	0,574	М. Траат	0,530	В. Саар	0,490
Я. Кросс	0,573	А. Каал	0,521	А. Валтон	0,476
Х. Серго	0,581	Т. Каллас	0,534	А. Хинт	0,493

Подобным же образом можно группировать тексты и по остальным показателям. Анализ взаимосвязи показателей будет проведен в заключительной части статьи. Перед этим рассмотрим другой, новый подход к анализу богатства лексики на основе данных о динамике роста словаря.

* Правило трех сигм, применимое к выборочному среднему, гарантирует в данном случае (при $n = 20$) доверительную вероятность 99%.

2. Стилостатистические характеристики динамики роста словаря

Наращивание объема словаря (словника) в зависимости от длины текста можно выразить аналитически при помощи какой-нибудь математической функции, которую можно рассматривать в качестве вероятностной модели изучаемого явления. Известны многочисленные попытки построения таких моделей. Некоторые исследователи пытаются вывести соответствующие формулы из теоретических предпосылок, например, основываясь на предположении о действии закона Ципфа (особенно важны в этой области исследования Ю.К. Орлова, см. Орлов, 1976). Другие же обращаются к эмпирическим формулам, которые в ряде случаев достаточно хорошо описывают рост словаря в конкретных текстах и языках. Таким образом, существуют различные способы представления упомянутой зависимости в виде функции. Выбор подходящей формулы зависит от конкретных условий, целей и задач исследования. При стилостатистическом исследовании текстов предпочтение следует, по-видимому, отдать таким формулам, которые проще и в то же время позволяют содержательно интерпретировать параметры формулы. Предлагаем в данной работе выразить зависимость объема словаря (V или L) от объема текста (N) при помощи следующей формулы (ср. Тулдава, 1974, 14):

$$V = \frac{a N}{N + b} \quad (\text{или} \quad L = \frac{a N}{N + b}),$$

где a и b — константы, вычисляемые методом наименьших квадратов (посредством линеаризации, причем линейная связь наблюдается между L/V и L/N). Формула выражает особый тип дробно-линейной функции, имеющей асимптоты (см. рис. 2; очевидно, физический смысл для нашего исследования имеет лишь верхний правый квадрат системы координат, так как $N \geq 0$ и $V \geq 0$). Константа a является асимптотой, указывающей на предел значения V (или L) при увеличении N до бесконечности.* Эту константу можно содержательно интерпретировать

* Существование предела функции доказывается следующим образом:

$$V = \frac{aN}{N+b} = \frac{aN}{N(1+b/N)} = \frac{a}{1+b/N}; \quad \lim_{N \rightarrow +\infty} b/N = 0, \\ \text{следовательно,} \quad \lim_{N \rightarrow +\infty} V = a.$$

как предел словарного запаса автора в рамках данной тематики, исходя из предположения, что при увеличении объема текста до очень большого наступит момент, когда словарный запас говорящего иссякнет и прирост новых слов остановится или станет ничтожно малым. Вычисление константы a на основе данных небольшой выборки не может, однако, дать правильной оценки предела объема словаря автора, но мы можем интерпретировать константу как стилостатистический показатель, выражающий тенденцию роста словаря и оценивающий "потенциальное богатство" лексики при сравнении текстов одинакового объема.*

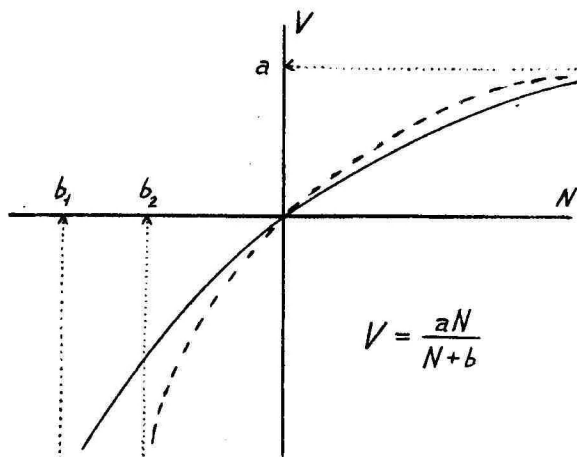

Рис. 2. Кривая функции $V = \frac{aN}{N+b}$ при разных значениях b и постоянном значении a

Вторая константа в формуле (b) также имеет свое значение: она определяет темп роста словаря по сравнению с увеличением объема текста (на рис. 2 видно, как изменение значения b непосредственно влияет на форму кривой, в данном случае при постоянном значении a).** При сравнении,

* Для нужд прогноза объема словаря при больших значениях N автором предложена другая, более сложная формула (см. Туддава, 1977а).

** Относительный темп прироста словаря (мера "эластичности") определяется выражением $b/(N+b)$.

разных текстов целесообразно взять за основу обратное отношение $a/b = \varphi$, которое будем рассматривать в качестве лексикостатистической характеристики, определяющей темп роста словаря. Чем больше значение φ , тем интенсивнее рост словаря на начальных стадиях текста.

Таким образом, обе характеристики (a и φ) могут служить дифференцирующими и диагностирующими признаками при сравнении словарей разных текстов. В нашем эксперименте используются выборочные данные, полученные суммированием отдельных отрывков произведений (5 отрывков по 1000 словоупотреблений из авторской речи каждого произведения). Мы полагаем, что такое выборочное исследование - кроме большой экономии при анализе текстов - дает в определенном смысле "усредненную" картину роста словаря и позволяет тем самым раскрыть самые общие тенденции в процессе накопления словаря.

Константы формулы a и b были вычислены для рассматриваемых 20 текстов с помощью метода наименьших квадратов (подробнее о технике вычислений по этой формуле см. Тулдава, 1974, 15 и след.). За основу были взяты четыре эмпирических точки в интервале $N = 2000 + 5000$ (см. табл. 2). Соответствие между эмпирическими (наблюдаемыми) и теоретическими (ожидаемыми) данными хорошее. Например, по тексту В. Гросса значения констант $a = 11104$ и $b = 14890$, т.е. формула имеет вид:

$$v' = \frac{11104 N}{N + 14890},$$

где v' - теоретический объем словаря при данном значении N . Сравнение данных дало следующий результат:

N	v	v'	$v - v'$
2000	1315	1315	0
3000	1859	1862	-3
4000	2358	2351	+7
5026	2798	2802	-4

Как видно из таблицы, отклонения эмпирических данных от теоретических ($v - v'$) незначительные. Как было указано выше, диагностирующими лексикостатистическими параметрами будем считать константу a и отношение $a/b = \varphi$. В данном случае $\varphi = 11104/14890 = 0,746$.

Если в результате множества опытов установлены средние величины параметров a и φ для определенного жанра или подъязыка, то эти средние величины в своих доверительных интервалах можно считать "нормой" (или "центром" в противоположность "периферии") для данного жанра или подъязыка. Так

такую выборку можно считать достаточно репрезентативной для авторской речи современной эстонской художественной прозы, то попытаемся определить средние значения параметров для подязыка на основе рассматриваемых текстов.

Среднее значение константы α равняется 12096 (см. табл. 2). Предельная ошибка (в размере трех стандартных отклонений средней величины) составляет 1385, т.е. доверительные границы - 12096 $\pm$ 1385, или 10711 ... 13481. Существенно выше "нормы" оказались показатели четырех текстов (А. Валтона, Р. Сирге, Э. Нийт и Я. Кросса, Х. Серго). В отношении этих текстов и авторов можно констатировать большое "потенциальное богатство" их словарного запаса, т.е. динамика роста словаря в этих текстах имеет такую тенденцию, которая может привести к большому объему словаря при увеличении текста до очень большого. Удивительно высокое значение параметра α в тексте А. Валтона, чей словарь по данным "стандартных" индексов разнообразия и исключительности оказался наиболее "бедным" (см. табл. 1). Оказывается, стандартные индексы богатства лексики не могут дать правильного представления о действительных лексических ресурсах писателя. Можно сделать предварительный вывод, что "бедность" словаря А. Валтона, определенная при сравнении текстов одинакового объема, лишь кажущаяся, а при увеличении числа текстов общий объем словаря А. Валтона (теоретически) может превзойти других. В определенной степени это обусловлено тем, что А. Валтон пишет рассказы и новеллы на самые различные темы. И в данном случае выборка была взята из сборника новелл. Но все же разнообразие тематики не может быть единственной причиной богатства лексики. Среди исследуемых текстов были и другие сборники рассказов или коротких романов (например, книга Э. Ветемаа), но тенденция роста словаря оказалась не такой, как у Валтона. Приходится констатировать, что лексикостатистическая характеристика "потенциального богатства" словаря в некоторой степени отражает и индивидуальную особенность стиля.

Показатель темпа роста словаря φ имеет среднее значение по подязыку 0,693 $\pm$ 0,042, т.е. доверительные границы равняются 0,651 ... 0,735. Верхнюю доверительную границу превышают показатели шести текстов (авторы: Х. Кийк, Р. Сирге, Ю. Смуул, В. Гросс, Э. Нийт и Я. Кросс, Э. Бзекман). Этим текстам свойственно относительно быстрое нарастание объема словаря уже на начальных стадиях текста. Медленно и посте-

ленно растет объем словаря у четырех авторов (Ю. Туулик, В. Саар, А. Хинт и А. Валтон), у которых значение параметра существенно ниже среднего.

Упомянутые два лексикостатистических параметра, характеризующие динамику роста словаря, можно рассматривать комбинированно. Выявляются девять комбинаций, или типов динамики роста словаря (плюс и минус обозначают соответственно "выше" и "ниже" нормы подъязыка, знаком равенства обозначается вхождение в доверительные границы среднего):

	<i>a</i>	φ	
(1)	+	+	Р. Сирге, Э. Нийт и Я. Кросс
(2)	+	-	А. Валтон
(3)	+	=	Х. Серго
(4)	-	+	Л. Кийк
(5)	-	-	Ю. Туулик
(6)	-	=	А. Каал, П. Куусберг, М. Унт, Э. Ветемаа
(7)	=	+	Э. Бээкман, В. Гросс, Ю. Смуул
(8)	=	-	А. Хинт, В. Саар
(9)	=	=	Т. Каллас, Я. Кросс, Ю. Пээгель, Л. Промет, М. Траат

Последняя (9-я) комбинация отражает такой лексикостатистический тип текста, который в рамках подъязыка является наиболее типичным, так как обе количественные характеристики находятся в пределах нормы, т.е. в доверительных границах среднего значения характеристики.* Особо следует остановиться на интерпретации четырех основных типов отклонений от нормы подъязыка:

- + $a/+ \varphi$: прогнозируется потенциальное богатство словарного запаса, причем наблюдается высокий темп роста словаря уже на начальных стадиях накопления словаря; такое сочетание характеристик свойственно авторам, упорно и целеустремленно работающим над своей лексикой на всех этапах произведения;
- + $a/- \varphi$: потенциально большой словарный запас, но рост объема словаря происходит постепенно, медленно;
- $a/+ \varphi$: прогнозируется небольшой общий объем словаря, но наблюдается быстрый начальный темп роста словаря, который вскоре угасает (частично в связи с однообразием тематики);
- $a/- \varphi$: небольшой общий словарный запас и медленный рост словаря.

* Средние показатели с их доверительными интервалами можно установить и другим способом, исходя из средних объемов словарей рассматриваемых текстов и вычисляя по этим данным соответствующие параметры по нашей формуле. Это требует более сложных вычислений при установлении доверительных интервалов. Как показала проверка, результаты в основном совпадают при обоих способах вычислений.

3. Взаимосвязь между количественными характеристиками богатства лексики

Для выяснения связи и взаимодействия рассмотренных количественных показателей богатства и динамики роста словаря нами был произведен корреляционный анализ по методу Пирсона-Брава. Результаты анализа представляются в виде корреляционной матрицы (см. табл. 3). На уровне значимости 0,05 статистически существенными являются абсолютные величины коэффициента корреляции (r), превышающие 0,44 (в данном случае при объеме выборки $n = 20$ текстов).

Из корреляционной матрицы видно, что имеется очень тесная взаимосвязь между всеми стандартными показателями богатства лексики (v/N , v_1/N , v_1/v). Коррелятивная связь между индексами разнообразия и исключительности на уровне текста (v/N и v_1/N) является почти полной ($r = 0,99$). Из этого можно сделать вывод, что количество разных слов в тексте, т.е. богатство лексики в количественном смысле, зависит в существенной степени от количества однокорневых слов в тексте. По сумме взаимных корреляций на первом месте индекс исключительности на уровне текста (v_1/N), который на этом основании можно признать наиболее репрезентативным среди стандартных показателей лексического богатства. Корреляции в этой группе следующие:

	v/N	v_1/N	v_1/v
v/N	-	0,99	0,92
v_1/N	0,99	-	0,96
v_1/v	0,92	0,96	-
<hr/>			
Сумма корреляций ($\sum r $)	1,91	1,95	1,88

Константа γ в формуле Ципфа, вычисленная в нашем эксперименте отдельно для разных зон частотности, оказывается в различной степени связанной с другими индексами. Наиболее чувствительной к лексическому богатству является γ_3 - показатель частотной структуры текста в зоне малочастотных слов. Этот показатель тесно связан с индексами разнообразия и исключительности (значения коэффициентов корреляции от -0,85 до -0,93). Корреляция отрицательная (обратная), т.е. чем меньше значение γ_3 , тем богаче лексика данного текста. Константа для зоны слов средней частоты γ_2 имеет умеренную, но статистически достоверную связь с индексами разнообразия и

исключительности на уровне текста (коэффициенты корреляции $-0,54$ и $-0,59$ соответственно). Достоверная связь отсутствует, однако, между γ_2 и v_1/v , т.е. индексом исключительности на уровне словаря. Представляется, что константа Ципфа для зоны слов средней частотности не может быть признана вполне надежным показателем лексического богатства текста. Она является, по-видимому, жанровой характеристикой и не обладает особой дифференцирующей силой при сравнении индивидуальных стилей. По данным нашего опыта этот показатель (γ_2) имеет наименьшее рассеивание в выборке ($0,72 \pm 0,03$, т.е. с относительной ошибкой 4%; см. табл. I). Интересен еще тот факт, что по данным нашего опыта нет статистически существенной связи между γ_2 и показателем частотной структуры текста в зоне малочастотных слов γ_3 .

С объемом словаря совсем не связана статистическая характеристика зоны самых частых слов γ_1 . У этого показателя не обнаружилось ни одной достоверной корреляции с другими показателями в рамках нашего опыта. По-видимому, структура "ядра" характеризует словарь и текст с особой, индивидуальной стороны. Разброс по выборке самый большой ($0,75 \pm 0,10$, т.е. относительная ошибка составляет 14%).

Переходя к анализу показателей динамики роста словаря, следует прежде всего отметить отсутствие коррелятивной связи между показателями потенциального богатства словаря (a) и темпа роста словаря (φ). Коэффициент корреляции $r = -0,11$ (см. табл. 3). Это еще раз свидетельствует о том, что общая тенденция роста словаря в смысле достижения какого-то предела и форма кривой роста словаря суть разные вещи. В разных комбинациях они дают разные типы динамики роста словаря в зависимости от увеличения объема текста.

Сравнение "динамических" и "статических" характеристик лексического богатства показывает, что существует довольно сильная коррелятивная связь между φ и стандартными индексами разнообразия и исключительности, в то время как показатель a достоверной связи с этими индексами не имеет (хотя можно говорить о некоторой тенденции к положительной связи, если принять, например, уровень значимости 0,10, при котором критическое значение коэффициента корреляции $r = 0,38$):

	M/N	v_1/N	v_1/v
φ	0,85	0,85	0,80
a	0,38	0,40	0,38

Тесная связь между φ и стандартными индексами лексического богатства объясняется тем, что в данном опыте объем словаря был определен на основе небольших выборок, т.е. по существу на основе начальной стадии накопления словаря. Параметр a имеет, однако, более самостоятельное значение и может служить важной дополнительной характеристикой при оценке лексического богатства текстов.

В заключении необходимо заметить, что проблема количественной оценки богатства лексики, имеющая значение для стилистики и типологии текстов, не исчерпывается рассмотренными в статье методами. Имеется еще ряд других аспектов проблемы, например, изучение богатства словаря в разрезе отдельных частей речи, знаменательных слов, экспрессивных слов и др., которые составляют предмет отдельного исследования.

THE QUANTITATIVE CHARACTERISTICS OF LEXICAL RICHNESS

J. Tuldava

S u m m a r y

The article deals with the possibilities of evaluating the "lexical richness" of texts of fiction by means of linguo-statistical methods. Besides the traditional measures of lexical variety such as TTR (type-token ratio) and the share of hapax legomena in text and vocabulary, as well as the characteristic γ in Zipf's formula, some new aspects of the problem are discussed. A new formula is proposed to express the dynamics of vocabulary growth with increasing text length: $V = \frac{aN}{N+b}$, where V means the size of the vocabulary, N denotes text length, a and b are constants. The constant a being an asymptote shows (in small samples) the tendency of vocabulary growth ("potential lexical richness"), whereas the relation $a/b = \varphi$ may be interpreted as an index pointing to the form of vocabulary growth (a greater φ means that the vocabulary grows more intensively in the initial parts of the text). The correlation between the various measures of lexical richness, static and dynamic, is calculated and discussed. The analysis is carried out on a corpus consisting of 20 samples of 5,000 words each from contemporary Estonian prose fiction (non-conversational material only).

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Зорончак Е. Методы вычисления показателей лексического богатства текстов. - Семиотика и искусствознание. М., "Мир", 1972, 222-250.
- Головин Г.Н. Язык и статистика. М., "Просвещение", 1971.
- Мистрик И. Математико-статистические методы в стилистике. - "Вопросы языкознания", 1967, № 3, 42-52.
- Орлов Ю.К. Обобщенный закон Ципфа-Мандельброта и частотные структуры информационных единиц различных уровней. - Вычислительная лингвистика. М., "Наука", 1976, 179-202.
- Сиротина О.Б. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики. - Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., "Наука", 1968.
- Тулдава Ю. О статистической структуре текста. - Советская педагогика и школа. Вып. 9. Тарту, Изд. ТГУ, 1974, 5-33.
- Тулдава Ю. Частотный словарь как объект лексикостатистического анализа (резюме). - Труды по лингвостатистике. Вып. 2. Тарту, 1977.
- Тулдава Ю. Количественные отношения между объемом текста и объемом словаря. - Актуальные проблемы количественной лингвистики. М., Изд. МГУ, 1977а (в печати).
- Guiraud, P. Les caractères statistiques de vocabulaire. Essai de méthodologie. Paris 1954.
- Herdan, G. Type-Token Mathematics. The Hague, Mouton, 1960.
- Kaasik, U., Tuldava, J., Villup, A., Ääremaa, K. Eesti ilukirjandusproosa autorikõne sõnavormide sagedussõnastik. - Tõid Keelestatistika alalt, 1. Tartu, TRU, 1976, 107-153.
- Kaasik, U., Tuldava, J., Villup, A., Ääremaa, K. Eesti tänapäeva ilukirjandusproosa autorikõne lekseemide sagedussõnastik. - Tõid keelestatistika alalt, 2. Tartu, TRU, 1977, 5-140.
- Muller, Ch. Initiation à la statistique linguistique. Paris, Librairie Larousse, 1968.
- Somers, H. H. Statistical Methods in Literary Analysis. - The Computer and Literary Style. Ed. by J. Leed. Kent State University Press, Kent, Ohio, 1966, 128-140.
- Tšitjelová, M. On the So-Called Vocabulary Richness. - Prague Studies in Mathematical Linguistics. Vol. 3. Prague, 1972, 103-120.
- Zipf, G. K. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Cambridge, Mass., 1949.

Таблица I

Квантитативные показатели богатства и разнообразия лексики по данным 20 выборок из авторской речи современной эстонской художественной прозы (N - объем текста; V - объем словаря в словоформах; V_I - количество одноразовых словоформ; $\delta_1, \delta_2, \delta_3$ - константы Шиффа для разных частотных зон; $S_{\bar{x}}$ - стандартное отклонение средней частоты)

А в т о р	N	V	V/N	V_I	V_I/N	V_I/V	δ_1	δ_2	δ_3
1. Э. Бэзкман	4998	2869	0,574	2270	0,454	0,791	0,83	0,65	0,50
2. В. Гросс	5026	2798	0,557	2202	0,438	0,787	0,60	0,69	0,57
3. А. Хянт	4993	2463	0,493	1805	0,362	0,733	0,75	0,71	0,60
4. Х. Кайк	4996	2738	0,548	2156	0,432	0,787	0,86	0,70	0,55
5. Я. Кросс	4991	2861	0,573	2336	0,468	0,817	0,94	0,72	0,48
6. П. Куусберг	4976	2508	0,504	1906	0,383	0,760	0,87	0,72	0,60
7. Л. Промет	5014	2698	0,538	2112	0,421	0,783	0,76	0,71	0,53
8. В. Саар	4975	2439	0,490	1834	0,369	0,752	0,85	0,71	0,57
9. Х. Серго	4949	2876	0,581	2306	0,466	0,802	0,95	0,67	0,50
10. Р. Траат	4975	3067	0,617	2507	0,504	0,817	0,57	0,73	0,47
11. М. Траат	5043	2674	0,530	2102	0,417	0,786	0,91	0,75	0,52
12. Э. Ветемаа	5001	2552	0,510	1983	0,397	0,777	0,54	0,77	0,54
13. А. Каал	4967	2586	0,521	2012	0,405	0,778	0,62	0,79	0,53
14. Т. Каллас	5001	2669	0,534	2097	0,419	0,786	0,93	0,68	0,53
15. П. Пэвгель	4921	2669	0,542	2099	0,427	0,786	0,69	0,72	0,52
16. Ю. Туудик	4986	2491	0,500	1845	0,370	0,741	0,49	0,73	0,60
17. А. Валтон	4984	2373	0,476	1797	0,361	0,757	0,76	0,81	0,57
18. М. Унт	4971	2483	0,500	1890	0,380	0,761	0,58	0,78	0,56
19. Э. Нийт, Я. Кросс	5123	3053	0,596	2490	0,486	0,816	0,95	0,67	0,48
20. В. Смуул	5008	2933	0,586	2364	0,472	0,806	0,73	0,69	0,49
Среднее ($\bar{x}$)	4995	2690	0,539	2106	0,422	0,783	0,75	0,72	0,54
Предельная ошибка ($3 \cdot S_{\bar{x}}$)	-	132	0,027	150	0,030	0,018	0,10	0,03	0,03

Таблица 2

Соотношение объема словаря (V) и объема текста (N) у разных авторов; параметры функции $V = \frac{a \cdot N}{N + b}$, вычисленные методом наименьших квадратов в интервале $N = 2000 + 5000$

Автор	Объем текста (N)				Параметры		
	2000	3000	4000	~5000	a	b	$a/b + \varphi$
1. С. Бекман	1333	1865	2404	2869	12338	16600	0,743
2. В. Гросс	1315	1859	2358	2798	11104	14890	0,746
3. А. Хинт	1116	1597	2034	2463	12190	19864	0,614
4. Х. Кийк	1351	1828	2315	2738	8300	10363	0,801
5. Я. Кросс	1315	1914	2382	2861	13395	18299	0,732
6. П. Куусберг	1166	1674	2075	2508	10544	16061	0,656
7. Л. Промет	1212	1720	2207	2698	13408	20192	0,664
8. В. Свар	1128	1528	2045	2439	11064	17617	0,628
9. Х. Серго	1326	1885	2416	2876	13708	18706	0,733
10. Р. Сирге	1397	2017	2572	3067	15893	20724	0,767
11. М. Трват	1235	1722	2226	2674	11112	16072	0,691
12. С. Ветемаа	1208	1734	2162	2552	10168	14780	0,688
13. А. Каал	1204	1690	2119	2586	10219	15029	0,680
14. Т. Каллас	1226	1733	2179	2669	11207	16325	0,687
15. Ю. Пээгель	1224	1700	2223	2669	12645	18806	0,672
16. В. Туулик	1135	1560	2005	2491	10269	16259	0,632
17. А. Валтон	1036	1468	1955	2373	16543	30118	0,549
18. М. Унт	1176	1678	2133	2483	10477	15738	0,666
19. Э. Нийт, Я. Кросс	1357	1923	2473	3053	14556	19615	0,746
20. В. Смуул	1361	1917	2473	2933	12773	16811	0,760

Таблица 3

Корреляционная матрица лексико-статистических характеристик по данным 20 текстов

-	V/N	V_1/N	V_2/V	γ_1	γ_2	γ_3	a	φ
V/N	-	0,99	0,92	0,19	-0,59	-0,85	0,38	0,85
V_1/N	0,99	-	0,96	0,23	-0,54	-0,89	0,40	0,85
V_2/V	0,92	0,96	-	0,31	-0,39	-0,93	0,38	0,80
γ_1	0,19	0,23	0,31	-	-0,43	-0,26	0,15	0,14
γ_2	-0,59	-0,54	-0,39	-0,43	-	0,31	-0,02	-0,56
γ_3	-0,85	-0,89	-0,93	-0,26	0,31	-	-0,48	-0,65
a	0,38	0,40	0,38	0,15	-0,02	-0,48	-	-0,11
φ	0,85	0,85	0,80	0,14	-0,56	-0,65	-0,11	-
$\sum r $	4,77	4,86	4,69	1,71	2,84	4,37	1,92	3,96

ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ
ПЕРЕДВИЖЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Р. Вескимейстер

В настоящей статье подвергается анализу ряд семантических признаков группы глаголов передвижения немецкого языка с целью выявления некоторых закономерностей взаимодействия признаков и разделения глаголов на подгруппы в рамках семантического поля глаголов передвижения.

1. К постановке проблемы

Глаголы передвижения представляют собой лексико-семантическую группу глаголов, объединяемых общим признаком "передвижение в пространстве". Известны разные способы и формы передвижения: самостоятельное и несамостоятельное передвижение, быстрое и медленное передвижение, передвижение по земле, по воде и по воздуху и т.д. Глаголы передвижения можно анализировать по разным основаниям: например, по темпу, самостоятельности, среде, субъекту движения и т.д. В зависимости от этого один и тот же глагол может одновременно принадлежать к разным группам. Например, быстрое движение: **laufen, rennen, fahren, eilen, fliegen, ...**; движение по твердой поверхности: **laufen, gehen, rennen, treten, kriechen ...** Группы глаголов, исходя из этого, пересекаются, так как они могут содержать общие глаголы. Анализом семантики глаголов передвижения немецкого языка по семантическим признакам занимались такие авторы, как Э. Беднягина (1971), Х. Дирш (Dirsch, 1972) и др.

В настоящей работе делается попытка провести комплексный анализ семантики глаголов передвижения. Целью работы является, с одной стороны, выявление семантических признаков глаголов передвижения, с тем чтобы произвести на основе анализа взаимосвязи признаков группировку исследуемых глаголов. С этой целью по данным анализа оценки интенсивности проявления различных семантических признаков у 31 немецкого глагола передвижения и их лексико-семантических вариантов произведен факторный анализ (о факторном анализе как одном из способов классификации многомерных наблюдений, см. Айвазян и др., 1974, 156 и след.).

2. Исходные данные: семантические признаки глаголов передвижения

В соответствии с целью исследования для анализа были выбраны по возможности различные глаголы передвижения немецкого языка. Среди них имеется группа глаголов, выражающих в своем основном значении передвижение пешком (**gehen, schreiten, tappen, staken, zotteln** и т.д.), другие глаголы обозначают быстрое передвижение (**eilen, hasten, rennen, laufen, fliegen** и др.) или медленное передвижение (**kriechen, robben, krauchen**). Исследуются и глаголы, обозначающие передвижение в разной среде: по земле, по воде, по воздуху (**fahren, fliegen, fallen, schwimmen**), передвижение транспортного средства или с помощью транспортного средства (**fahren, fliegen**) и глаголы, выражающие передвижение в определенном направлении (**kommen, fallen**).

В качестве основной единицы для изучения лексико-семантической группы глаголов передвижения в настоящей работе принимается лексико-семантический вариант слова (ЛСВ), так как ЛСВ, в отличие от слова, обладает относительно однозначным и специфицированным планом содержания, который может быть описан в терминах компонентного анализа.

Некоторые проанализированные глаголы, выражая передвижение в пространстве, имеют несколько ЛСВ.* Глагол **gehen** имеет 3 ЛСВ (**gehen₁** - sich zu Fuß fortbewegen; **gehen₂** - sich irgendwohin bewegen; **gehen₃** - bewegt, befördert werden), **laufen** - 5 (**laufen₁** - sich schnell auf den Füßen fortbewegen; **laufen₂** - zu Fuß gehen, sich zu Fuß irgendwohin begeben; **laufen₃** - sich mit sportlichen Geräten fortbewegen; **laufen₄** - etwas bewegt sich, rückt sich in einer Richtung hin; **laufen₅** - fließen, strömen), **fahren** - 3 (**fahren₁** - sich mit Hilfe einer antreibenden Kraft rollend oder gleitend fortbewegen; **fahren₂** - sich mit einem Fahrzeug fortbewegen oder reisen; **fahren₃** - sich (plötzlich) in einer bestimmten Richtung bewegen), **fliegen** - 4, (**fliegen₁** - sich selbständig, mit Hilfe von Flügeln oder durch eigenen Antrieb in der Luft fortbewegen; **fliegen₂** - etwas bewegt sich in der Luft fort; **fliegen₃** - sich schnell fortbewegen (zu Lande oder zu Wasser), **schwimmen** - 2 (**schwimmen₁** - sich (mit Armen und Beinen ruderd) im Wasser fortbewegen; **schwimmen₂** - auf in einer Flüssigkeit treiben).

* Подробно о ЛСВ глаголов передвижения см. **Veskimeister, 1976.**

Анализ семантики ЛСВ глаголов передвижения проводился на основе 20 семантических признаков (сем). Из них общими для всех ЛСВ исследуемой группы являются следующие: "человек", "животное", "транспортное средство", "жидкость" или "неодушевленный предмет" как субъект передвижения; "твердая поверхность", "вода" или "воздух" как среда передвижения; "части субъекта", "одушевленный предмет" или "транспортное средство" как средство передвижения; "однонаправленность" или "неоднонаправленность" движения; "большая" или "малая скорость" движения. Наряду с этими общими признаками у ЛСВ глаголов передвижения могут быть обнаружены специфические признаки. В работе были учтены 5 специфических признаков, которые проявились по крайней мере в 3-х исследуемых ЛСВ: "физическое напряжение"; "энергичность движения"; "движение при особом положении тела"; "движение, сопровождаемое звуком"; "легкость движения". В таблице I приведены сведения об оценках семантических признаков некоторых исследуемых ЛСВ. Наличие признака обозначается цифрой 1, отсутствие - 0.

3. Факторный анализ

По результатам анализа количественных оценок интенсивности проявления (в данном случае: наличия или отсутствия) семантических признаков ЛСВ глаголов передвижения был проведен факторный анализ по методу "главных факторов" (см. Харман, 1972, 151 и др.).*

При факторном анализе "явления в определенной области исследований, несмотря на свою разнородность и изменчивость, могут быть описаны относительно небольшим числом функциональных единиц, параметров или факторов". (Окунь, 1974, 16). Метод факторного анализа позволяет решить задачу построения классификации и компактного содержательного описания исследуемого многогранного явления, в данном случае ЛСВ группы глаголов передвижения как составных частей соответствующего семантического поля.

* Все вычислительные работы проводились по разработанным в ТГУ программам для ЭВМ "Минск-32" (о принципах факторного анализа и его применении в лингвистике см. Тулдава, 1976, 130 и след.).

В результате факторного анализа получены 4 фактора, с помощью которых выделены подгруппы ЛСВ глаголов передвижения в пределах рассматриваемой группы. Результаты вычислений приводятся в таблице 2*, которая представляет собой так называемую факторную матрицу, полученную после вращения факторов по методу "варимакс" (Харман, 1972, 326 и след.). В таблице представлена система нагрузок четырех факторов, характеризующих исходные объекты - всего 43 ЛСВ глаголов передвижения. Факторные нагрузки имеют форму коэффициентов корреляции между данным ЛСВ и некоторым фактором. Чем выше эта корреляция, тем в большей степени ЛСВ "наполнен" фактором и в большей степени является мерой этого фактора. Например, нагрузка первого фактора ЛСВ kriechen составляет 0,95; следовательно этому ЛСВ в существенной степени присущ первый фактор.

Для интерпретации рассчитанных факторов надо проанализировать систему коэффициентов (нагрузок) факторной матрицы, причем будем считать значимыми лишь такие факторные нагрузки, абсолютное значение которых превышает 0,5.

Фактор I. Из таблицы 2 видно, что наибольшие нагрузки первого фактора имеют ЛСВ kriechen, tappen, staken, waten, klettern, krabbeln, robben, krauchen, stelzen, sich schleppen, gehen₁, laufen₂. Все эти ЛСВ выражают самостоятельное передвижение одушевленного предмета (человека или животного) по твердой поверхности. Передвижение, выраженное ЛСВ kriechen, tappen, waten, klettern, robben, krauchen, sich schleppen, stelzen, связано и с физическим напряжением субъекта.

Для уточнения сущности фактора определяются так называемые индивидуальные значения (оценки) факторов семантических признаков (см. табл. 3). Индивидуальные значения фактора показывают, на какое количество стандартных отклонений оценки фактора того или другого признака отличаются от среднего значения. Представляется обоснованным считать отклонение ± 1 достаточно большим, чтобы можно было говорить о существенной роли фактора данного признака (ср. Тулдава, 1976, 136). Из таблицы видно, что большие положительные значения первого фактора имеют семантические признаки "человек" и "животное" как субъект, "твердая поверхность", "части субъекта" в ка-

* В таблице 2 приведены только те значения факторов, которые превышают 0,3, так как только они важны для нашей цели - разделения ЛСВ на подгруппы на основании факторов.

честве средства передвижения, "физическое напряжение". Можно сделать вывод, что первый фактор объединяет ЛСВ, выражающие самостоятельное движение живого существа.

Фактор 2. Наиболее высокие нагрузки второго фактора имеют ЛСВ laufen₄, sinken, gleiten, fallen. Все эти ЛСВ выражают однонаправленное передвижение, которое совершается большей частью в воздухе или в воде. Этот вывод подтверждается анализом таблицы значений факторов (табл. 3). Существенную роль второго фактора можно наблюдать для семантических признаков "транспортное средство" или "неодушевленный предмет" как субъект; "вода" или "воздух" как среда передвижения, "однонаправленность передвижения". Существенное отрицательное значение второго фактора имеет признак "физического напряжения". Это и понятно, так как передвижение, выраженное ЛСВ sinken, gleiten, fallen, возможно под влиянием силы тяжести субъекта или под влиянием внешнего толчка и силы тяжести.

Фактор 3. ЛСВ, имеющими самые высокие нагрузки третьего фактора, являются: fliegen, flitzen, preschen, rasen, brausen, fliegen₄. Все эти ЛСВ обозначают быстрое энергичное передвижение. Те же семантические признаки имеют самые большие положительные значения третьего фактора (см. табл. 3).

Фактор 4. Самыми большими нагрузками четвертого фактора характеризуются ЛСВ gehen₃, fahren₂, которые выражают не самостоятельное передвижение субъекта при помощи какого-либо средства передвижения.

Итак, в результате факторизации исходных данных получены четыре главных фактора, определяющие взаимные связи ЛСВ в данной лексико-семантической группе глаголов передвижения.*

3. Разделение ЛСВ на подгруппы на основании факторов

Для деления ЛСВ глаголов передвижения на подгруппы сле-

* Фактически можно выявить еще ряд дополнительных факторов, но так как объяснительная сила каждого из них в отдельности слишком мала, то можно их не учитывать (данная программа для ЭВМ выдает только факторы, доля которых в суммарной общности превышает 5%). На выявленные четыре главных фактора приходится в данном случае более 75% суммарной общности.

дует изучить систему нагрузок четырех факторов по факторной матрице (табл. 2). Значимыми являются факторные нагрузки, абсолютное значение которых больше или равно 0,5 (они обозначаются знаком + ; знак 0 означает, что нагрузка меньше 0,5). Таким образом, получены подгруппы ЛСВ, имеющие общую структуру значимых факторных нагрузок.

3.1. ЛСВ, имеющие структуру +000

К первой подгруппе относятся ЛСВ, для которых значимым является только первый фактор, а второй, третий и четвертый нейтральны. У некоторых ЛСВ этой подгруппы нагрузка первого фактора больше или равна 0,7, причем нагрузки всех остальных факторов меньше 0,3. Такие ЛСВ будем называть "базовыми" ЛСВ данной подгруппы. Базовыми ЛСВ первой подгруппы являются: kriechen, tappen, waten, staken, klettern, krabbeln, robben, gehen₁, laufen₂, sich schleppen, krauchen. Глагол zotteln близок к базовым ЛСВ (нагрузка первого фактора 0,65). К первой подгруппе в качестве "периферийных" относятся ЛСВ, для которых преобладающим является первый фактор, но наблюдается в некоторой мере и влияние какого-либо другого фактора (с нагрузкой не менее 0,3). Например, ЛСВ treten и schwimmen₁ испытывают влияние второго фактора, а ЛСВ stelzen - влияние третьего фактора. Для ЛСВ schwänzeln наблюдается влияние второго и третьего фактора.

Из всех ЛСВ, подлежащих анализу, 16 относятся к первой подгруппе, которой присущ фактор самостоятельного передвижения человека или животного.

3.2. ЛСВ со структурой 0+00

Для ЛСВ второй подгруппы является значимым второй фактор. В качестве базовых ЛСВ во второй подгруппе выступают laufen₄, sinken и gleiten близки к ним kommen и schwimmen₂. Периферийными являются ЛСВ gehen₂ и fallen с дополнительным влиянием третьего фактора. Ко второй подгруппе относятся 7 ЛСВ, выражающие самостоятельное однонаправленное передвижение главным образом транспортного средства или неодушевленного предмета, чаще всего в воде или воздухе.

3.3. ЛСВ со структурой 00+0

Для третьей подгруппы является значимым третий фактор. Базовые ЛСВ этой подгруппы: flitzen, preschen, rasen, brau-ven и близки к ним eilen. В действительности самую

большую нагрузку третьего фактора имеет ЛСВ feigen (0,93), однако наблюдается и слабое влияние второго фактора (нагрузка 0,31). Периферийными являются также ЛСВ fliegen₄ (влияние первого и второго фактора), fahren₁ (влияние второго фактора), laufen₃ (влияние первого фактора). Основным признаком ЛСВ третьей подгруппы – быстрое энергичное движение. В этой подгруппе 9 ЛСВ.

3.4. ЛСВ со структурой 000+

В качестве доминирующего в четвертой подгруппе выступает четвертый фактор. Основной ЛСВ этой подгруппы gehen₃. Периферийными являются ЛСВ fliegen₃ (слабое влияние второго фактора) и fliegen₂ (влияние третьего фактора). Основным признаком четвертой подгруппы является несамостоятельность передвижения. К этой подгруппе относятся 3 ЛСВ.

3.5. ЛСВ со структурой +0+0

К пятой подгруппе принадлежит только ЛСВ laufen₁, который обладает существенными нагрузками первого и третьего фактора (0,69 и 0,59). Таким образом важно то, что этот ЛСВ выражает самостоятельное передвижение одушевленного предмета, которое является энергичным и характеризуется большой скоростью.

3.6. ЛСВ со структурой 00++

К шестой подгруппе относится ЛСВ fahren₂, который тоже обладает двумя существенными факторами – третьим и четвертым. Основным признаком этой подгруппы является быстрое энергичное, но несамостоятельное передвижение.

3.7. ЛСВ со структурой 0000

К последней подгруппе относятся ЛСВ, у которых ни одна факторная нагрузка не превышает 0,5. Каждый из них имеет все же один или два фактора, нагрузка которых превышает 0,3, что можно учитывать при анализе. К этой подгруппе относятся 6 ЛСВ: springen (слабое влияние первого и второго фактора), stampfen (влияние первого фактора), laufen₅, reiten (влияние первого и четвертого фактора), fahren₃ (влияние первого и третьего фактора), fliegen₁ (влияние третьего фактора).

Названные ЛСВ образуют "остаточную" группу при данном способе группировки (на основе исследуемых семантических признаков).

Итак, по результатам факторного анализа проанализированные ЛСВ можно разделить на семь более или менее самостоятельных подгрупп, причем четыре первые подгруппы испытывают доминирующее влияние соответствующих четырех факторов, остальные же являются их комбинациями: 5-я подгруппа связана с 1-ой и 3-ей подгруппами, так как ее ЛСВ имеет существенные факторные нагрузки 1-го и 3-го фактора; 6-я подгруппа связана с 3-ей и 4-ой подгруппами. Нейтральной по отношению к выделенным факторам является 7-я подгруппа. Выделенные подгруппы можно рассматривать как "микрочасть" общего семантического поля глаголов передвижения. Следует подчеркнуть, что в данном случае анализ проводился на основе определенного множества семантических признаков, которые рассматривались не изолированно, а с точки зрения корреляции между ними и группировки их в более общие категории - факторы. Такая процедура позволяет выразить всю информацию о семантических признаках в более компактной форме и создает предпосылки для более глубокого содержательного анализа и объективной группировки рассматриваемых глаголов. Результаты такого рода анализа можно использовать в методике преподавания, а также при сопоставительном анализе языков.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Айвазян С.А., Бежаева З.И., Староверов О.В. Классификация многомерных наблюдений. М., 1974.
- Беднягина Э. Поле направленного движения в современном немецком языке. Канд. дисс. М., 1971.
- Окунь Я. Факторный анализ. М., 1974.
- Тулдава Ю. Опыт количественного анализа художественного стиля. - "Studia metrica et poetica" I. Учен. зап. ТГУ, вып. 396. Tartu, 1976, стр. 122-139.
- Хармон Г. Современный факторный анализ. М., 1972.
- Diersch, H. Verben der Fortbewegung in der deutschen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1972.
- Veskimeister, R. Zur Frage der semantischen Komponenten der Bewegungsverben. - "Linguistica" VII. Tartu, 1976, S. 203-223.

Таблица I

Семантические признаки некоторых ЛСВ глаголов передвижения

ЛСВ	Субъект					Среда			Средство передвиж.		Направл. быстроты			Физическое напряжение	Положение тела	Энергичность	Звук	Легкость		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13						14	15
Человек	1																			
Животное		2																		
Транспортн. средство			3																	
Неодушевл. предмет				4																
Жидкость					5															
Твердая поверхность						6														
Вода							7													
Воздух								8												
Части субъекта									9											
Живое существо										10										
Транспортн. средство											11									
Однонаправл.												12								
Неоднонаправл.													13							
Большая														14						
Малая															15					
Физическое напряжение																16				
Положение тела																	17			
Энергичность																		18		
Звук																			19	
Легкость																				20
gehen ₁	1	1	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	
gehen ₂	1	1	1	0	0	1	1	1	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	
gehen ₃	0	0	0	1	0	1	1	1	0	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	
gehen ₄	0	0	1	0	0	1	1	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	
gehen ₅	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	
gehen ₆	1	1	0	1	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	
gehen ₇	1	1	1	1	1	0	1	1	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	
gehen ₈	1	1	1	1	1	1	0	1	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	
gehen ₉	1	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	
gehen ₁₀	1	1	1	1	1	1	0	1	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	
gehen ₁₁	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	
gehen ₁₂	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	
gehen ₁₃	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	
gehen ₁₄	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	
gehen ₁₅	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	
gehen ₁₆	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	
gehen ₁₇	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	
gehen ₁₈	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	
gehen ₁₉	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	
gehen ₂₀	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	

Таблица 2

ДСВ	факторные нагрузки			
	F ₁	F ₂	F ₃	F ₄
1. gehen ₁	0,73			
2. gehen ₂		0,67	0,43	
3. gehen ₃				0,82
4. laufen ₁	0,69		0,59	
5. laufen ₂	0,74			
6. laufen ₃	0,42	-0,36	0,56	
7. laufen ₄		0,77		
8. laufen ₅	0,48			0,37
9. fahren ₁			0,52	
10. fahren ₂			0,55	0,60
11. fahren ₃	0,39		0,48	
12. fliegen ₁			0,46	
13. fliegen ₂			0,48	0,54
14. fliegen ₃				0,54
15. fliegen ₄	0,31	0,46	0,69	
16. kommen		0,60		
17. fallen		0,73	0,33	
18. springen	0,43	0,35		
19. traßen	0,66	0,37		
20. eilen			0,60	
21. rasen			0,80	
22. flitsen			0,85	
23. fegen			0,93	
24. preschen			0,84	
25. brausen			0,73	
26. kriechen	0,95			
27. krauchen	0,73			
28. robben	0,77			
29. krabbeln	0,79			
30. klettern	0,79			-0,39
31. reiten	0,47			0,43
32. gleiten		0,74		
33. schwimmen ₁	0,57	0,34		
34. schwimmen ₂		0,58		
35. sinken		0,77		
36. stelzen	0,75		0,32	
37. staken	0,81			
38. schwänzeln	0,72	0,44	0,31	
39. tappen	0,86			
40. sich schleppen	0,74			
41. zotteln	0,65			
42. stampfen	0,49			
43. waten	0,81			

Таблица 3

Значения (оценки) факторов

Семантические признаки	Значение факторов			
	f_1	f_2	f_3	f_4
I. Человек	1,4	0,4	0,6	-0,3
2. Животное	1,0	0,9	0,3	-1,3
3. Трансп. средство	-0,7	1,1	0,4	-0,9
4. Неодушевл. предмет	-0,8	1,0	-1,3	0,5
5. Жидкость	-0,8	0,0	-1,0	-0,2
6. Твердая поверхн.	1,3	0,3	0,8	0,9
7. Вода	-1,0	1,7	0,2	0,5
8. Воздух	-1,2	1,0	0,1	0,7
9. Части субъекта	1,5	0,9	0,5	-0,6
10. Живое существо	-0,9	-0,5	-0,8	0,7
11. Транспортное средство	-1,0	-0,7	-0,9	1,6
12. Однонаправленность	1,1	1,5	0,4	0,8
13. Неоднонаправленность	1,2	-1,3	-0,2	2,6
14. Большая скорость	-1,2	-1,3	2,9	-0,4
15. Малая скорость	0,7	0,4	-1,4	-1,0
16. Физическое напряжение	1,0	-2,0	-0,3	-0,3
17. Положение тела	0,3	-0,7	-1,2	-0,7
18. Энергичность движения	-0,4	-0,8	0,8	-1,8
19. Движ. сопровождаемое звуком	-0,6	-0,9	-0,8	-0,4
20. Легкость движения	-0,8	-0,2	-0,9	-0,4

SISUKORD - INHALTSVERZEICHNIS - CONTENTS

P. A r i s t e , Von den letzten Schweden in Reigl ...	5-12
N. A l j e s , Die formalen Merkmale des deutschen Genitivs in diachronischer Sicht	13- 23
E. D a u g a t s , Was Wilhelm von Humboldt uns heute bedeuten kann	24- 34
T. G l u s c h a k , L. T s c h e r k e s s o w a , Zum Status des Genitivs im Deutschen (in Russisch)	35-47
A. J ō g i , On Field Approach in Linguistics	48- 59
Z. K o m o l o v a , Pragmonyms in General Dictionaries (in Russian)	60- 68
Summary in English	68
U. L e h t s a l u , G. L i i v , Grammatical Transfor- mation in Translation	69- 76
M. M e s h c h e r y a k o v a , The Role of Pronouns in the Organization of the Paragraph in Arabic Texts Belonging to Two Functional Styles (in Russian)	77- 83
Summary in English	83
A. M i r s k y , Zur funktionalstilistischen Charakte- ristik des deutschen Passivs	84- 90
I. M u l l a m a a , Estimation and its Lexico-Semantic Exression in Swedish (in Russian)	91-103
O. M u t t , Some Gynolectal Features in Present-Day English	104-112
L. O t s m a a , Von den stehenden Redewendungen in der Livländischen Chronik von Balthasar Russow (Paarformeln)	113-129
V. R i s t n a , The Category of Aspect in the Germanic Languages (in Russian)	130-139
G. S t e i n , English Combining-Forms	140-147
H. C h e c h e v i t z k y , Substantive Word-Combi- nations with two Premodifiers in Plays by 16th and 17th Century English Dramatists (in Russian)	148-158
J. T u l d a v a , The Quantitative Characteristics of Lexical Richness (in Russian)	159-175
Summary in English	172
R. V e s k i m e i s t e r , Semantische Analyse der Bewegungsverben im Deutschen (in Russisch)	176-186

СОДЕРЖАНИЕ

П. А р и с т э. О последних шведах в Рейги	5 - 12
(нем.; реэ. рус.)	
Н. А л ь е с, Падежные окончания немецкого родитель- ного в историческом развитии	13 - 23
(нем.; реэ. рус.)	
Э. Д а у г а т с, Какое значение может иметь Вильгельм Гумбольдт для нас сегодня	24 - 34
(нем.; реэ. рус.)	
Т. Г л я ш а к, Л. Ч е р к е с о в а, К проблеме ста- туса генитива в немецком языке	35 - 47
А. Й и г и, Теория поля в лингвистике	48 - 59
(англ.; реэ. рус.)	
З. К о м о л о в а, Прагматика в толковом словаре ...	60 - 68
(реэ. англ.)	
У. Л е х т с а л у, Г. Л и й в, Грамматическая транс- формация в переводе	69 - 76
(англ.; реэ. рус.)	
М. М е щ е р я к о в а, Роль местоимений в организации абзаца в арабских текстах двух функциональных стилей	77 - 83
(реэ. англ.)	
А. М и р с к и й, К вопросу функционально-стилистиче- ской характеристики немецкого пассива	84 - 90
(нем.; реэ. рус.)	
И. М у л л а м а а, Оценка и ее лексико-семантическое выражение в шведском языке	91 -103
О. М у т т, О некоторых т.н. гинелектических чертах в современном английском языке	104 -112
(англ.; реэ. рус.)	
Л. О т с м а а, Парные сочетания слов в языке хроники Бальтазара Руссова	113 -129
(нем.; реэ. рус.)	
В. Р и с т н а, К вопросу о глагольном виде в герман- ских языках	130 -139
Г. Ш т е й н, Дериационные приставки в английском языке	140 -148
(англ.; реэ. рус.)	
Х. Ч е ч е в и ц к и, Двухэлементные препозитивные определения в субстантивных словосочетаниях в пьесах английских драматургов 16-17 вв.	149 -158
Ю. Т у л д а в а, О количественных характеристиках богатства лексического состава художественных текстов	159 -175
(реэ. англ.)	
Р. В е с к и м е й с т е р, Опыт семантического ана- лиза глаголов передвижения немецкого языка	176 -186